

ISSN 2524-0285

**Вестник  
Донецкого  
национального  
университета**



НАУЧНЫЙ  
ЖУРНАЛ  
*Основан  
в 1997 году*

---

*Серия Б*  
**Гуманитарные  
науки**

---

**2/2016**

---

## Редакционная коллегия Серии Б: Гуманитарные науки

**Ответственный редактор** – д. филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**.

**Заместитель ответственного редактора** – д. филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

**Ответственный секретарь** – канд. ист. наук, доц. **В.В. Разумный**

**Члены редколлегии:** д. филос. н., проф. **Т.А. Андреева**, д. филос. н., доц. **Е.В. Андриенко**, д. н. по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д. филол. н., проф. **Ш.Р. Басыров**, д. и. н., проф. **А.В. Бредихин**, д. пед. н., проф. **А.И. Дзундза**, д. филол. н., проф. **И.И. Дяговец**, д. филос. н., проф. **Н.Н. Емельянова**, д. пед. н., проф. **Е.Г. Евсеева**, д. филол. н., проф. **В.Д. Калиущенко**, д. и. н., проф. **А.В. Кияшко** (Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д. пед. н., проф. **М.Г. Коляда**, д. филол. н., проф. **О.А. Кравченко**, д. филол. н., проф. **С.Е. Кремзикова**, д. и. н., проф. **Е.Ф. Кринко** (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д. полит. н., проф. **Т.И. Мармазова**, д. филос. н., проф. **Д.Е. Муза**, д. и. н., проф. **В.Н. Никольский**, д. филол. н., проф. **А.В. Петров** (Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация), д. филол. н., проф. **Л.А. Петрова** (Крымский инженерно-педагогический университет, Российская Федерация), д. пед. н., проф. **П.В. Плотников**, д. пед. н., проф. **Е.И. Скафа**, д. филол. н., проф. **В.В. Федоров**, д. филол. н., проф. **А.Л. Факторович** (Кубанский государственный университет, Российская Федерация), д. и. н., доц. **Л.Г. Шепко**, д. филол. н., проф. **Л.Н. Ягупова**

### Editorial Board of Series B: Humanities

**Editor-in-Chief** – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**.

**Deputy Editor-in-chief** – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

**Executive Secretary** – Candidate of History, Associate Prof. **V.V. Razumnyi**

**Members of the Editorial Board:** Doctor of Philosophy, Prof. **T.A. Andreeva**, Doctor of Philosophy, Associate Prof. **Ye.V. Andrienko**, Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Doctor of History **A.V. Bredikhin**, Doctor of Pedagogy, Prof. **A.I. Dzundza**, Doctor of Philology, Prof. **I.I. Dyagovets**, Doctor of Philosophy, Prof. **N.N. Yemelianova**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.G. Yevseeva**, Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliušenko**, Doctor of History, Prof. **A.V. Kiyashko** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Prof. **M.G. Kolyada**, Doctor of Philology, Prof. **O.A. Kravchenko**, Doctor of Philology, Prof. **S.Ye. Kremzikova**, Doctor of History, Prof. **Ye.F. Krinko** (Institute for Socio-Economic and Humanities Research, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Political Sciences, Prof. **T.I. Marmazova**, Doctor of Philosophy, Prof. **D.Ye. Muza**, Doctor of History, Prof. **V.N. Nikolskiy**, Doctor of Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Philology, Professor **L.A. Petrova** (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Prof. **P.V. Plotnikov**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.I. Skafa**, Doctor of Philology, Professor **A.L. Faktorovich** (Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Fyodorov**, Doctor of History, Associate Prof. **L.G. Shepko**, Doctor of Philology, Prof. **L.N. Yagupova**.

**Адрес редакции:** ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,  
ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

**Тел:** +38 062 302-92-33

**E-mail:** [terkulov@rambler.ru](mailto:terkulov@rambler.ru), [razumnyi.vitalii@yandex.ru](mailto:razumnyi.vitalii@yandex.ru)

**URL:** <http://donnu.ru/vestnikB>

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (приказ МОН ДНР № 1134 от 01.11.2016 г.) по следующим группам научных специальностей: 10.01.00 – Литературоведение; 10.02.00 – Языкознание; 07.00.00 – Исторические науки и археология; 09.00.00 – Философские науки; 13.00.00 – Педагогические науки.

*Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».*

*Протокол № 10 от 25.11.2016 г.*

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2016

**Вестник  
Донецкого  
национального  
университета**

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

*ОСНОВАН В 1997 ГОДУ*

**Серия Б. Гуманитарные науки**

**№ 2/2016**

---

**СОДЕРЖАНИЕ**

***Филология***

- Петров А. В.* Глагольные конструкции с предлогом *под* со сравнительно-уподобительным значением 5
- Тупикова Н. А., Ильяшенко В. Е.* Историко-лингвистический аспект исследования материалов русского архива Яна Петра Сапеги как документов эпохи смутного времени начала XVII века 19
- Сапегина Л. В.* Поэтические аллюзии как интертекстуальный компонент в романе Комптона Маккензи «Гай и Полина» 26
- Ткаченко С. Г.* Структурные особенности английских фразеологических единиц с градуальной семантикой 35
- Филатова Е. В.* Построение и восприятие речи как единый процесс общения 41
- Хейхель М. И.* Семантика оценочных наименований лица в древнеанглийском языке: процедура анализа 49

***Педагогика***

- Дзундза А. И., Цанов В. А.* Проблема актуализации процедурных и декларативно-процедурных знаний в содержании математического образования 55
- Кривошеева Г. Л.* Актуальность подготовки будущих педагогов к профессиональному долголетию 60

***История***

- Доманов В. Г., Крысенко Д. С.* Циклы внешней политики и истоки радикализации курса США в отношении СССР в период администрации Р. Рейгана (пер. пол. 1980-х гг.) 66
- Разумная Н. Н.* Деятельность земств юга Российской империи в сфере охраны здоровья населения во второй половине XIX в. 72

## **Философия**

<i>Делянченко В. Н.</i> Особенности проявления интолерантности посредством символьных интернет-единиц информации в условиях гражданского противостояния в Украине	78
<i>Гришанов А. Н.</i> Сакральное и религиозное в рецепции философской мысли	86
<i>Марюхнич М. Т.</i> Концепция справедливости в философской традиции Античности	92
Правила для авторов	99

# Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

Series B. Humanities

№ 2/2016

---

## CONTENTS

### *Philology*

- Petrov A.V.* Verbal constructions with the preposition UNDER in a comparative-similarity meaning 5
- Tupikova N.A., Ilyashenko V.E.* Historical and linguistic aspect of research of Jan Piotr Sapieha's Russian documentary archive as the materials of the epoch of hard times at the beginning of the 17th century 19
- Sapegina L.V.* Poetical allusions as an intertextual component in Compton Mackenzie's novel "Guy and Pauline" 26
- Tkachenko S.G.* Structural peculiarities of English phraseological units with gradual semantics 35
- Filatova E.V.* Speech creation and perception as a single process of communication 41
- Kheikhel M.I.* Semantics of Old English evaluative names of person: analysis procedure 49

### *Pedagogy*

- Dzundza A.I., Tsapov V.A.* Deepening procedural knowledge and declarative-procedural knowledge in mathematical education 55
- Krivosheeva G.L.* Priority of future teachers' training for professional longevity 60

### *History*

- Domanov V.G., Krysenko D.S.* Foreign policy cycles and origins of the US policy radicalization toward the USSR during R. Reagan's administration (the first half of 1980s) 64
- Razumnaya N.N.* The South Russian Empire zemstvo system practice in the sphere of public health at the second half of the nineteenth century 72

## ***Philosophy***

<i>Delyanchenko V.N.</i> Features of intolerance through the Internet symbolic information units in the civil conflict in Ukraine	78
<i>Grishanov A.N.</i> The sacred and the religious in the perception of philosophical thought	86
<i>Maryukhnich M.T.</i> Conception of justice in the philosophical tradition of Antiquity	92
Guidelines for authors	99

## ФИЛОЛОГИЯ



УДК 811.161.1'373.611

### ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ *ПОД* СО СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

© 2016. *А.В. Петров*

---

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом **под**, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях проанализированы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

**Ключевые слова:** глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом **под**, сравнительно-уподобительное значение предлога **под**, логическая формула сравнения.

---

Доктор филологических наук, профессор Галина Павловна Цыганенко – известный учёный в области словообразования и морфологии русского языка, широта научных интересов которого распространялась и на лексикографию. Г. П. Цыганенко заполнила имевшиеся в лингвистике лакуны, связанные с лексикографическим описанием служебных морфем и служебных частей речи, в частности предлогов. Новаторский подход к осмыслению семантики аффиксов и предлогов был положен в основу создания толковых двуязычных словарей, в которых сопоставляются морфемы и предлоги русского языка с соответствующими морфемами и предлогами украинского языка.

Об актуальности избранного нами объекта исследования свидетельствуют созданный в 2001 году в Москве межнациональный проект по изучению предлогов, новые опубликованные статьи [2; 3; 6; 8], коллективные монографии и словари [11; 13].

Для нашего исследования особенно важен «Толково-сопоставительный словарь русских и украинских предлогов», поскольку в нём компактно и полно представлены сведения о поясняемом предлоге:

- его варианты;
- системные связи по линии омонимии, синонимии, антонимии;
- структурный фактор (предлог первичный или составной): если предлог первичный, то отмечается, может ли он дублировать глагольный префикс, если предлог составной, то называются функциональные пары с этим предлогом;
- толкование значения или совокупности значений, при условии многозначности лексической единицы.

Подача семантической структуры и функционирования предлога производится в соответствии с падежами, если их несколько, а в границах падежа – по типам отношений. Каждый тип отношений иллюстрируется примерами из различных литературных стилей [19]. «Толково-сопоставительный словарь русских и украинских предлогов» составляет надёжную базу для дальнейшего исследовательского поиска в этом направлении.

В предлагаемой статье объектом изучения являются глаголы со значением подобия, которые функционируют в конструкциях с предлогом *под* со значением сравнительно-уподобительным и формой винительного падежа существительного, обозначающего «образ сравнения»<sup>1</sup>. Таким образом, реализация и раскрытие лексического содержания предикатов «зависит от строго определённых форм их синтаксических сочетаний», поддерживается грамматическими, морфолого-синтаксическими, факторами, что соответствует конструктивно обусловленным значениям в типологии В. В. Виноградова [1, с. 186–189].

Глагольные конструкции могут быть рассмотрены в связи с синтагматическими полями В. Порцига, по мнению которого, слова, входящие в одно словосочетание, нередко обладают общими семантическими признаками, то есть между компонентами словосочетания существует не только грамматическая, но и смысловая связь (например, *ржать* и *лошадь*, *цвести* и *растение*). Такие пары слов В. Порциг назвал также «элементарными семантическими полями», полагая при этом, что подобные отношения устанавливаются по меньшей мере между двумя словами. В конструкциях модели «V (со значением подобия) + N2 + предлог *под* + N4» проявляется разноуровневое семантическое согласование – лексическое значение глагола (формы глагола) поддерживается значением предлога, коррелирует с ним. Например, глагол *стилизовать* имеет значение подобия в оттеночном значении ‘подражая кому-л., придать / придавать чему-л. определённый вид, воспроизвести / воспроизводить чьи-л. манеры, походку и т. п.’ и функционирует в составе конструкций с предлогом *под* со значением сравнительно-уподобительным: *стилизовать себя под Чапаева*, *стилизовать актёра под Багрицкого* [5]. Таким образом, понятие синтагматического поля можно экстраполировать на изучаемые грамматические конструкции.

В «Толково-сопоставительном словаре русских и украинских предлогов» находим следующую информацию о предлоге *под* (приводим её в сокращении, сопровождая отдельными комментариями, которые выделяются специальными знаками – звёздочками \*...\*):

**ПОД** (с В. п.: кого, что; Т. п.: кем, чем).

Фон. вариант – **подо**. \*Предлог не во всех значениях имеет фонетический вариант. Как показал «Национальный корпус русского языка», фонетический вариант предлога в значении сравнительно-уподобительном появляется крайне редко\*.

Может дублировать префикс глагола. \*Для значения сравнительно-уподобительного дублирование, включая и конструкции с отглагольным субстантивом,

<sup>1</sup> «Образ сравнения» является одним из компонентов логической формулы категории сравнения. Так, А. А. Потебня обращал внимание на то, что сравнение (по латыни – *comparatio*), являющееся категорией формальной логики, предполагает наличие трёх элементов: 1) понятие, которое требует пояснения (*comparandum*); 2) понятие, которое служит для пояснения (*comparatum*); 3) посредствующий, связующий элемент, служащий “мостиком” между двумя понятиями (*tertium comparationis*), т. е. третье сравнение, третья величина при двух сравниваемых [7, с. 130].

В соответствии с логической формулой сравнения используем следующие условные обозначения: *A* – «предмет сравнения», *B* – «образ сравнения», *C* – «основание сравнения». Положение усложняется, когда компонент *B* оказывается представленным не одним словом, а словосочетанием, поскольку зависимые слова, отмечает В. М. Огольцев, «логически ограничивают элемент сравнения, оказывают прямое влияние на компаративные отношения в структуре и, следовательно, выступают в качестве особого компонента (β)» [4, с. 34]. Ср.: *тонировать дверь (A) под светлый (β) дуб (B)*. Наряду с компонентом *A* в контексте могут функционировать его лексические ограничители, которые В. М. Огольцев предлагает обозначать через *α*: *тонировать входную (α) дверь (A) под светлый (β) дуб (B)*. В предложении может быть несколько компонентов *α* и *β*.



представлено единичными случаями (*подделаться под иностранца, подделка под золото*)\*.

Омон. – сущ. *под* 'низ' (*под печи*).

Синон.: *возле, для, около, у (кого, чего), в (чём), к (кому, чему), перед (чем), при (ком, чём)*. \*Не во всех значениях имеет синонимы. Синонимия предлога обусловлена определяемым глаголом и объектным актантом – компонентом *A*. В значении сравнительно-уподобительном, например, при глаголе *тонировать* предлог *под* синонимизируется с составным предлогом *в стиле*: *тонировать бумагу (A) под старину – тонировать бумагу в стиле неoarхаика*, а при глаголе *стилизовать* – с составным предлогом *в духе*: *стилизовать повесть (A) под 18 век – стилизовать повесть в духе 18 века*\*.

Является частью составных предлогов: *под видом, под стать, под маркой*. \*Составным является предлог *под цвет (чего)*, который синонимизируется с предлогом *в цвет (чего)*. Ср.: *тонировать фары под цвет кузова – тонировать фары в цвет кузова*\*.

Многозначный. Выражает отношения объектные, определительные, обстоятельственные и модальные. С винительным падежом выражает объектные отношения и объектно-пространственные.

Внутри объектных отношений Г. П. Цыганенко выделяет четыре значения, в том числе сравнительно-уподобительное: «указывает на лицо, предмет, сходства с которыми стремятся достигнуть, черты которых имитируют, от которых что-л. унаследуют» (*петь под Шаляпина; пол, выкрашенный под паркет*).

Внутри определительных отношений автор вычленяет семь значений, два из которых относятся к сравнительно-уподобительным: «указывает на то, на что похож определяемый предмет или что было образцом при его изготовлении» (*стулья под орех, стрижка под бобр, шуба под котик*) и «указывает на лицо, предметам, приёмам творчества которого уподобляется определяемый предмет» (*пейзаж под Левитана, юмор под Аркадия Райкина*) [19, с. 439–441].

Значение сравнительно-уподобительное – это одно из значений предлога *под*, которое не всегда отграничивается от других его значений. Г. А. Золотова в «Синтаксическом словаре» выделяет коррелятив: это «признаковая синтаксема, характеризующая либо предмет – соответствием, употреблением его названному предмету, либо способ действия, уподобляющего один предмет другому как образцу» [12, с. 218] и далее читаем: «В именных сочетаниях, при именах, называющих соответствующие действия или их результат, а также предмет, характеризуемый соответствием другому: *окраска под бронзу; подведение под правило; цепочка под серебро*» [12, с. 219]. В процитированном абзаце сравнительно-уподобительное значение предлога *под* в конструкциях *окраска под бронзу* и *цепочка под серебро* поглощается значением соответствия (ср. *подведение под правило*), подводится под категорию равенство.

**Цель статьи** – исследовать глагольные конструкции с предлогом *под*, развившим сравнительно-уподобительное значение. Остановимся подробно на тех глаголах со значением подобия, которые реализуют его в сочетании с предлогом *под* и формой винительного падежа существительного, обозначающего «образ сравнения» (компонент *B* сравнительной конструкции).

Задачей статьи является изучение не только конструкций с глаголами, реализующими значение подобия, но и конструкций, состоящих из форм –

страдательных причастий и глаголов страдательного залога, а также конструкций, которые включают субстантивные производные от этих глаголов.

Выявлены следующие глагольные единицы, входящие в конструкции с предлогом *под*: *гримировать кого под кого, гримироваться под кого, имитировать что, отделать 1 что подо что, косить под кого, подделывать что подо что, подделаться 1 под кого, подо что; маскировать что подо что, маскироваться под кого, подо что; мимикрировать под кого, камуфлировать что подо что, рядиться под кого, стилизовать кого-что под кого, подо что; тонировать 2 что подо что.*

Выделенные глаголы подобия или их отдельные лексико-семантические варианты (ЛСВ) должны сопровождаться в словарных статьях грамматической пометой – падежным вопросом с предлогом *под*. Именно так подаются в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой ЛСВ глаголов *отделать 1 || подо что* ‘обработать что-л., придавая вид какого-л. материала’ и *подделаться 1 под кого, подо что* ‘подражая, изобразить кого-, что-л. или создать подобие кого-, чего-л.’: *При изготовлении штепселей из ножек катодной лампы, желательнее оставить вокруг неё, небольшой кусочек изоляционного материала, который потом можно очень красиво отделать под настоящий штепсель* (В. Юрков. Коротковолновый передатчик «09РА»); – *По-моему, Ерофеев не может ни под кого подделаться, так же как никто не может подделаться под Ерофеева* (В. Ерофеев); *Тэн внешним образом блестяще подделался под Шекспира...* (Л. И. Шестов. Шекспир и его критик Брандес).

Анализ иллюстративного материала толковых словарей показал, что словарные статьи других выделенных глаголов со значением подобия нуждаются в корректировке. Так, согласно «Словарю русского языка», глагол *тонировать* имеет два значения, второе из них толкуется следующим образом: *покрыть / покрывать краской, придавая окрашиваемому нужный тон; произвести / производить декоративную отделку с целью имитации*’ [15, т. 4, с. 380]. На наш взгляд, вторая часть толкования, следующая после точкой с запятой, должна быть вынесена в самостоятельное значение, поскольку передаёт семантику подобия и реализуется в контексте через конструкцию с предлогом *под*, в том числе и со страдательным причастием: *тонировать изображение под фотоплётку; шкаф-купе, тонированный под золото; После того как учёные завершают скульптурный портрет из пластилина, формовщики отливают его в гипсе и тонируют под бронзу* (Н. Маркина); *Стёкла у неё [тойоты] были тонированы под цвет кузова* (П. Крусанов. Другой // «Нева», 2004); *Малоприметный с тонированными под грязь стёклами «фольксваген» стоял уже третий день неподалёку от дома, где находилась община* (М. Елизаров. Pasternak). Дериваты *тонировка* и *тонирование* сохраняют конструктивные свойства глагола: *тонировка мебели под старину; Для отделки бильярдных столов используется разнообразный ассортимент материалов, таких, как массив и шпон берёзы, дуба, ясеня, в тонировке под красное дерево* // [http://billiardcenter.ru/selection\\_billiard](http://billiardcenter.ru/selection_billiard); *тонирование гипса под кость и дерево, тонирование под воск, тонирование скульптуры под светлую бронзу.*

Отдельные предикаты, например, *отделать 1 || подо что* ‘обработать что-л., придавая вид какого-л. материала’ [15, т. 4, с. 674], обладая внутренней семантикой подобия, функционируют в текстах преимущественно в форме страдательного причастия в составе конструкций с предлогом *под*: *Ход на террасу был через столовую, отделанную под старый тёмный дуб...* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы); *Сквозь знакомую анфиладу комнат Карл прошёл в парадные покои Павла, овальную переднюю залу, отделанную под жёлтый мрамор* (О. Д. Форш. Михайловский замок); *И на кухне приятно: стены отделаны под*

*кафель, потолки чисто выбелены, техника вся на месте, возле печки кот доедает мышь* (В. Пьецух. Письма из деревни).

Это характерно и для глагола *подделывать* ‘сделать фальшивое подобие чего-л.’ (*подделывать подпись, подделывать мёд*). Ср.: *...подделанные под перламутр пуговицы...* (П. И. Огородников); *По городу носились щегольские кареты и колясочки с воздушными кузовами, подделанными под камышовые плетёнки* (Г. П. Данилевский. Воля); *Одежда его была из бархата, подделанного под тигровую кожу, и обложена собольим мехом* (А. Д. Салтыков. Письма из Индии).

При этом отглагольные имена *отделка* и *подделка* входят в конструкции с предлогом *под*: *А дамская работа, вы знаете, какая капризная: чтоб платье и отделка под тон были, чтоб жанр соблюсти, чтоб фасон подходил к лицу* (В. В. Вересаев. Два конца); *Заново разработана центральная консоль с отделкой «под алюминий»* (И. Сиринов. Развлечение // «Бизнес-журнал», 2004.01.30); *«Скифы» – грубая подделка под Пушкина («Клеветникам России»)* (И. А. Бунин. Третий Толстой); *То, что он нам заводил, был именно джаз, а не претенциозная подделка под него, производимая нашим огромным Государственным джазом СССР* (Ю. Елагин. Укрощение искусств).

Глагол *стилизировать* точнее формулируется в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, поскольку в словарную дефиницию включается метакомпонент подобия ‘имитировать’: 1. Придать (придавать) чему-н. признаки, черты какого-н. стиля (в 1 знач.), имитировать черты какой-н. эпохи, жизни народа, жанра [14, с. 756]. При конкретизации образа сравнения глагол вводится в конструкцию с предлогом *под* с различным лексическим наполнением компонентов логической формулы сравнения:

например,  $\alpha$  – А (артефакт) – В (темпоратив): *Рекламные ( $\alpha$ ) вывески (А) в исторической части Тамбова могут стилизовать под 19-й век (В)* // <http://www.msktambov.ru>; *Кафе с дверью, выходящей на площадь, довольно большое, чуть темноватое: или стилизованное под старину, или просто старое, и дизайнер постарался несколько его осовременить* (С. Есин. Марбург);

$A$  (лицо, оним) –  $B$  (лицо) /  $A$  (лицо) –  $B1$  (лицо) –  $B2$  (лицо) –  $\beta$  (темпоратив): *И если Пьера (А) в «Воине и мире» он стилизовал под своего современника (В), то разве не хотел он ещё больше саму современность и самого себя стилизовать под пиетиста (B1) и моралиста (B2) давних времён ( $\beta$ )* (Г. Флоровский. Пути русского богословия). В этом значении конструкции с предлогом *под* синонимичны конструкциям с составным предлогом *в духе*: *стилизовать повесть в духе 18 века*. Отметим, что страдательные причастия сохраняют сочетаемость глагола: *стилизованные под камень свечи; Изюминкой коллекции являются декоры, стилизованные под гжель, с изображением синего растительного орнамента на белом фоне с золотым цветком* // <https://vk.com/wall-36880466>;

$A$  (артефакт) –  $B$  (биофакт): *Возможно, впечатление обширности создают довольно симпатичные стенки (А), стилизованные под скалы (В), – не знаю* (О. Г. Баринов. Зоологический сад // «Первое сентября», 2003);

$A$  (артефакт) –  $B$  (топоним) –  $\beta1$  (темпоратив) –  $\beta2$  (темпоратив): *Вот улочка (А), стилизованная под старую ( $\beta1$ ) Англию (В) времён Шекспира ( $\beta2$ )* (Д. А. Гранин. Месяц вверх ногами).

Редкими являются конструкции с компонентом  $B$  – *девербативом*: *Под длинноволосым воином была подпись (А), искусно стилизованная под выжигание (В) по дереву ( $\beta$ )* (В. Пелевин. S.N.U.F.F.).

В оттеночном значении ‘подражая кому-л., придать / придавать чему-л. определённый вид, воспроизвести / воспроизводить чьи-л. манеры, походку и т. п.’ [15, т. 4, с. 265] глагол *стилизовать* соотносится с возвратным предикатом *стилизоваться*, хотя в толковых словарях отмечается только форма страдательного залога [10; 15; 17]: *Так, фарисеев он стилизовал под стоическую школу, а ессеев – под пифагорейцев* (А. Мень. Сын Человеческий); *В отличие от окружавших его офицеров, он не стал стилизоваться под Александра III, посчитав, что идеально правильные черты его лица не нуждаются в обрамлении* (Е. Водолазкин. Соловьёв и Ларионов); *О стихах говорил всегда впопад, точно, резко, играл и отчасти стилизовался под Рембо, Виллона и – как непосредственного предшественника – Багрицкого, который сам под них стилизовался и играл* (А. Найман. Любовный интерес). Зафиксирован контекст с пропуском компонента *В*: *Больше того: может быть, он сознательно действовал в этом направлении, так сказать, стилизовался под...* (Б. Хазанов. Путешествие). Реже глагол функционирует в форме страдательного залога: *Для Клюева, например, всё сплошь стало идиллией гладко причёсанных английских гравюр, где виноград стилизуется под курчавый порядок воинственных всадников* (С. А. Есенин. Ключи Марии).

Дериват *стилизация* сохраняет управление мотиватора: *А впереди по ходу движения, из-за деревьев, – новые корпуса университета и высокий современный шпиль над зданием, призрачная стилизация под готику* (С. Есин. Марбург); *И в этой последней песне опять почти неуловимая и точная по своему вкусу стилизация под народную «зековскую» песню, которая только одна и может позволить себе роскошь обойтись без рифмы* (А. Городницкий. «И жить ещё надежде»).

Предикат *гримировать* 2 ‘придавать кому-л. с помощью грима внешность, обличье кого-л.’ [15, т. 1, с. 348] входит в конструкции с предлогом *под*, когда необходимо конкретизировать образ сравнения. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова значение сопровождается грамматической пометой *кого-что кем-чем* (*гримировать молодого актёра стариком*). Однако, судя по толкованию, класс субъектов и объектов ограничен одушевлёнными именами. При глаголе возможно и другое управление – с местоименным вопросом *кого под кого*. Это синтаксическое управление характерно и для возвратного глагола *гримироваться*, и его причастных форм: *Гримировал под благородных красавцев их уродливые личины* (А. Проханов. Медный всадник или «оса-наездник»? (2003) // «Завтра», 2003.05.20); *Я гримировал себя под Риголетто, Фигаро, набрасывал на себя бабушкины скатерти и салфетки...* (М. Магомаев. Любовь моя – мелодия); *Имей в виду, он не может приехать каждый вечер, придётся мне гримироваться под Ростроповича...* (Н. Горланова. Частное расследование); *Никого не удивляло появление шведа, гримировавшегося под Христа* (А. Седых. Далёкие, близкие. Воспоминания).

В Словаре Д. Н. Ушакова выделено также переносное значение, которое не фиксируется другими толковыми словарями: *«гримировать кого-что кем-чем или под кого-что*. Придавать кому-чему-нибудь фальшивый вид, выдавать кого-что-нибудь за кого-что-нибудь, изображать кого-что-нибудь кем-чем-нибудь (ирон.). *Дворянские историки гримировали Пугачёва разбойником или под разбойника. Гримировать себя общественником или под общественника»* [17, т. 1, ст. 623].

В нашей картотеке собраны контексты, в которых глагол *гримировать* употребляется в конструкциях с предлогом *под* в переносном значении, компонентами *А* и *В* являются неодушевлённые имена: *Вначале, особенно после пожара, деревянные дома (А) пытались гримировать под каменную архитектуру (В)* («Наука и жизнь»,

2007); Автор проекта подчёркивает, что все современные детали были сознательно оставлены в своём первоначальном виде – их не стали «гримировать» под старину (В) //http://salon.ru/article.plx?id=2501; *Историю (А) не следует гримировать под настоящее (В), под сомнительные вкусы несведущих людей* //http://puteshestvie32.ru.

При дублировании предмета и образа сравнения смысл уточняется посредством введения в предложение распространителя  $\alpha$ : *Так что чудеса (А) в кино ( $\alpha$ ), чтобы они произвели хоть какое-то впечатление, приходится гримировать под чудеса (В)* (С. Лунгин. Виденное наяву).

Переносное значение закрепляется и за возвратным глаголом: *Иногда «литература» (А) весьма успешно гримируется под «что-то» (В)* //http://chto-chitat.livejournal.com/12318508.html... В контексте ...стал «гримироваться» под деятеля, «носящего на себе тяжесть громадного политического мандата и призвания» (В. П. Дорофеев. П. В. Анненков и его воспоминания), помимо компонента В, представлен и его распространитель  $\beta$  в виде полупредикативного оборота.

Конструкция «V (гримироваться) + предлог под + N4» вытеснила конструкцию с N5:

Ср.: V + N5: *Отлично гримировавшись (например, он чудесно гримировался Альбой), он для своего бенефиса точно отступил от этого правила и вышел на сцену старым испанским пуделем* (П. П. Гнедич. Книга жизни), аналогично для предиката *костюмировать* в форме страдательного причастия: *Костюмированная «Снегурочкой» гувернантка неосторожно подошла к зажжённой ёлке («Русское слово», 1908); Сара, костюмированная нимфой Эрифреей, обратила на себя особенное внимание Генриха II...* (П. П. Каратыгин. Временщики и фаворитки (1871)); ...*костюмированный папуасом* (Н. Черкасов);

V + предлог под + N4: *Номер в гостинице, – Бабочкин гримируется под Чапаева (для роли)...* (В. В. Вишневский. Дневники военных лет); ...*кружатся несколько костюмированных под прошлое пар* (В. Аксёнов. Остров Крым); ...*свадебный распорядитель, костюмированный под эпоху петровских времён* //http://www.imperator-hotel.ru/news/776/; *Костюмированный под молодого Леонардо юноша вдохновенно мажет что-то кисточкой* //http://users.livejournal.com/\_ksa/tag/художники.

Однако глаголы *гримировать* и *гримироваться* с префиксом *за-* сохраняют возможность двойного управления: *А помните, как вы меня загримировали Фритиофом Хансеном?* (Дон Аминадо. Поезд на третьем пути); *Стал понятен и его странный костюм: он загримировался «Ильёй Муромцем»* (Скиталец (С. Г. Петров). Огарки); *Клара, которого Киса попросил съехать, сообразил, что поиски полумиллиона долларов откладываются, и мигом принял решение – засунул дедушку в подвал, загримировался под него и начал весьма успешно изображать из себя горе-изобретателя* (Д. Донцова. Доллары царя Гороха).

Отмеченная закономерность проявляется и в страдательных причастиях: *Что может быть искусственнее: кто-то одет и загримирован Мольером и от его имени произносит текст, написанный не им самим?* (А. Эфрос. Профессия: режиссёр); *Со всей откровенностью провинциальной оперной безвкусицы, он был загримирован тюремщиком* (Л. К. Чуковская. Спуск под воду); *Верный традиции и своим художественным принципам, он [Ваня Туркенич] был загримирован под садовника Данилыча* (А. А. Фадеев. Молодая гвардия).

Менее частотны конструкции с отглагольным именем: *Что же касается гримировки под чернокожего, то Ева Браун, возможно, изображала американского актёра Эла Джолсона* //http://gazeta.ua.

Предикат *маскировать* 2 ‘закрывать, прикрывать кого-, что-л., делая незаметным, невидным’ [15, т. 2, с. 232] сочетается с N4 и N4N5 (*маскировать следы, маскировать лодку ветками*), глагол *маскироваться* употребляется абсолютно или с N5 (*необходимо маскироваться, маскироваться кустарником*). Зарегистрированы контексты, в которых предикаты реализуют и другую разновидность управления – предлог *под* + N4. Компонентом *A* в контекстах являются артефакты: *Все оборонительные сооружения и препятствия тщательно маскировать под фон местности* (Сборник боевых документов Великой Отечественной войны); *Противотанковые мины трудно установить незамеченными на асфальтовой мостовой, поэтому их нужно маскировать под валяющийся на дороге хлам* (Ю. Хацкевич).

Сочетаемость с предлогом *под* характерна и для формы страдательного залога. Ср.: *Обводный тошило, вдоль его берегов тянулись здания моргов, тюрем, сиротских домов, богаделен, ветшали кладбищенские постройки – и все они привычно маскировались под здания для жизни, под фабрики, перевыполняющие план, под заводы, дающие лучшую в мире продукцию, под продуктовые ларьки, из которых доносилось: будет ли хлеб?* (М. Палей. Кабирия с Обводного канала); *Рычаг стояночного тормоза «маскируется» под простую ручку на консоли* (В. Чусов. Правильная пропорция // «Автопилот», 2002.08.15).

В конструкциях с возвратным глаголом компонентом *A* являются лица, животные или насекомые: *Разведчики при выполнении задач часто маскировались под беженцев или пастухов* («Солдат удачи», 2004.01.14); *...некоторые из боевиков маскировались под рабочих, строивших примыкающий к ДК ресторан* («Известия», 2002.10.24); *Выпь вытянулась, как солдатик! Клюв шилом кверху, туловище – в струнку. Так выпь маскируется под камыши* («Юный натуралист», 1988. № 10); *Обычно жуки, бабочки, клопы и другие насекомые маскируются под цвет коры деревьев* (Д. В. Панфилов. В мире насекомых).

Глагол функционирует и в необычных контекстах. Например: образно о химическом элементе: *Цирконий был открыт ещё в XVIII веке, а гафний настолько удачно маскировался под цирконий, что в течение полутора веков учёные, исследовавшие минералы циркония и продукты их переработки, даже не подозревали, что фактически имеют дело с двумя элементами* («Химия и жизнь», 1968); образно о болезни: *Это очень важно, ибо «хитрый» туберкулёз ловко маскируется под онкологические заболевания либо развивается в трагическом сочетании с теми или иными из них* (И. Л. Андреев. Человек и бактериальный мир: проблемы взаимодействия // «Вестник РАН», 2009).

Синонимичным глаголу *маскироваться* является ЛСВ перен. *рядиться* 3, который реализуется в составе другой конструкции – с местоименным вопросом *во что*. ЛСВ предполагает наличие при глаголе компонента *A*, называющего лиц. При соотнесённости с абстрактными лексемами варьируется глагольная семантика. ЛСВ зафиксирован в «Словаре современного русского литературного языка» [16, т. 12, ст. 1666] и в «Толково-словообразовательном словаре» Т. Ф. Ефремовой: ‘скрывать свою подлинную сущность не свойственным себе поведением; маскироваться’ [10, т. 2, с. 531] (*рядиться в одежды Чацких*): *Книга вышла в 1928 году, когда русскому эмигранту (A) надо было непременно рядиться в благонадёжного (β1) и дружелюбного (β2) викинга (B)* (Д. Быков. Орфография); *В разные (β) обличья (B) рядился в России фашизм (A), под что только он здесь не мимикрировал в последнее время* (И. Дедюхова. Я обвиняю! (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.12.21). Аналогично

для префиксального глагола: *Отчего уже третье воскресенье я не слышу колоколов грузинской церкви в Зоологическом переулке? Отчего **ненависть** (А) **обрягается в одежды** (В) **добра** (β)?* (А. Иличевский. Спуск // «Союз Писателей», 2010).

В языке существует фразеологизм с компонентом *рядиться*: *рядиться в тогу кого-чего* (книжн.) – ‘пытаться выдать себя за кого-л. или создать себе какую-л. репутацию, не имея на то достаточных оснований’ [15, т. 4, с. 372]: *Втайне мечтая о мировом господстве, он любил **рядиться в тогу международного арбитра** и говорил, что явился в Сирию не для захвата чужих владений, а как защитник порядка и освободитель* (А. Мень. Сын Человеческий).

Однако и эти словари не отмечают возможность параллельного управления глагола, функционирование его в составе конструкций «предлог *под* + N4»: ***Бакинцы-иммигранты** (А) не спешат **рядиться под американцев**. Мои земляки остаются преданными родной земле* (М. Магомаев). В контексте наблюдается варьирование предмета сравнения по признаку конкретное – абстрактное: ***Русская государственность** (А), **рождённая Азией и рядящаяся под Европу**, не исторична, она надисторична* (В. Гроссман. Все течёт // «Октябрь», 1989).

Редкими являются конструкции с компонентом А, называющим биофакты и артефакты: *Вот **свёколка** взошла, а вот вместе с нею **лебеда**, **пыльня** и **гречка** дикая. **Они** (А) и **цветом** (С1), и **фигурой** (С2) **под свёклу** (В) **обрядились**, но всё одно не обмануть им глазу человеческого... **мокрица** (А1), **дрёма** (А2) и **манжетки** (А3) **под редиску** (В1) и **репу** (В2) **рядятся** да **скоренько** расти **норовят** и **тем** себя **выдают*** (В. Астафьев. Ода русскому огороду). В предложении актуализировалось несколько компонентов А и В, а также два компонента С (*цветом* и *фигурой*).

При дублировании предмета и образа сравнения эксплицируется распространитель β, а компонент В опускается: *Вполне **современный дом** (А), **смело рядящийся под исторический** (β)* (М. Кузина. Леонид Парфёнов, телеведущий // «Известия», 2002.06.07). Аналогично в конструкциях с другими глаголами: ***Бронированные двери** (А) **лучше камуфлировать под обычные деревянные** (β), а решётки **устанавливать не снаружи, а внутри** //http://sec4all.net/kraja.html; Но бывают ситуации, когда **общенациональные** (α) **газеты** (А) **начинают мимикрировать под местные** (β)* (Е. Абов).

Варьируется семантика и сфера употребления предиката воен. *камуфлировать* ‘осуществить / осуществлять камуфляж’ [15, т. 2, с. 24] (*камуфлировать танки*), функционирующего в составе конструкций с предлогом *под*: *Иногда, после операций по имплантации, вокруг ареолы остаётся **неэстетичный рубец** (А), который можно и нужно **камуфлировать под цвет** (С) **самой ареолы** (В) //http://www.pmc.lv/ru; Как и со считывателем магнитной полосы, **видеокамеру** (А) **камуфлируют под штатное** (β1) **оборудование** (В) **банкомата** (β2) //http://volkov.me/blog/1315; в префиксальном образовании: *Хорошо **закамуфлированный** рекламный ход. **Незаконные денежные операции** были **закамуфлированы под законный обмен** //http://rus-gos.spbu.ru/index.php/words/show/6057. В единичных случаях компонентом А являются имена, называющие лиц: ...**женщины-писательницы** (А), например, **тщательным образом камуфлируют под «мужскую» прозу*** (В. Конецкий. Начало конца комедии).*

Конструкции с предлогом *под* характерны и для субстантива воен. *камуфляж* [франц. camouflage – маскировка] ‘способ маскировки, заключающийся в окраске орудий, судов, зданий и т. п. пятнами, полосами и т. п., искажающими их очертания и затрудняющими их обнаружение’ [15, т. 2, с. 24]: *Поверх пуленепробиваемых костюмов оба **натянули специальный поездной камуфляж под цвет вагонных стен** и **измазали***

лица десантной боевой раскраской (А. Кабаков. Путешествие экстраполятора). В «Толково-словообразовательном словаре» Т. Ф. Ефремовой исходное значение маркируется пометой специальное (спец.): 1. Маскировка предметов путём окраски полосами, пятнами, искажающими их очертания (спец.) [10, т. 1, с. 639].

Контексты свидетельствуют о варьировании лексического значения и сферы функционирования субстантива *камуфляж*. Это относится прежде всего к исходному значению: нейтрализуется специальная сфера его употребления и на первый план выдвигаются семы 'окраска', 'для декора' и конкретизация декора. Лексическая единица синонимизируется а) с лексемой *стилизация*: *камуфляж под гжель*; *Очень необычными получаются автомобили, покрытые камуфляжной плёнкой под деревья или растения. Такая автоплёнка под камуфляж прекрасно подходит для того, чтобы замаскировать автомобиль на какой-то определённой местности. Одним из самых экзотичных видов виниловой плёнки является камуфляж под шкуры животных. Популярны такие расцветки, как под шкуры зебры, леопарда или тигра* // <http://lambox.ru/avtovinil/plenka-pod-kamuflyazh/>, б) с лексемой *маскировка*; в контексте компонент А называет животных или насекомых: *Серая квакша с камуфляжем под камень* // <http://dmirix.ru/society/kak-maskiruyutsya...>

Менее частотны конструкции с субстантивом *камуфлирование*: *Однако основной материал корпуса всё же пластик – хоть и с попыткой камуфлирования под алюминий* // <http://zoom.cnews.ru/publication/item/44700>.

Функционирование в составе конструкций с предлогом *под* свойственно и предикату *мимикрировать* (англ. *mimicry* от греч. *mimēomai* – подражаю), который в «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова определяется как 'приспособиться / приспособливаться к окружающей среде, существующим условиям, меняя внешний вид, окраску, форму и т. п.' [9], а также под особой другого вида, семейства или отряда.

Однокоренные единицы *мимикрировать* и *мимикрия* в исходных значениях являются биологическими терминами. Лексемы могут функционировать абсолютивно, в этом случае передаётся свойство организмов к защитному приспособлению в природе. Однако если нужно уточнить, конкретизировать ситуацию, то это достигается при помощи конструкции «предлог *под* + N2»: Ср.: *Для чего множество видов насекомых и пауков мимикрируют под муравьёв?* // <http://muzey-factov.ru>; *Вокула trifoliolata уникальна тем свойством, что может мимикрировать сразу под несколько видов растений* // <http://news.bibo.kz>; *Широко распространена мимикрия под муравьёв среди других насекомых – жуков, клопов, клещей, мух, богомолов* // <http://muzey-factov.ru>.

Довольно-таки редкими являются другие синтаксические конструкции: *Моль мимикрирует среди листьев* // <http://bigpicture.ru>; *Сталинизм начал мимикрировать от коммунизма к национал-социализму, чем объясняются репрессии целых народов, кампания против евреев – безродных космополитов – и дело врачей-убийц* // <http://Vlasti.net>; *В угоду моде им будто бы велено срочно мимикрировать в частников, чтобы вышестоящие начальники могли отчитаться о ходе жилищной реформы* (О. Мачнева. Жилкомхоз требует новых жертв // «Вечерняя Казань», 2003.01.10); *Особенную известность приобрела мимикрия бабочек и мух жалоносным перепончатокрылым* // <http://zooclub.ru>.

Устаревшими являются конструкции с N3: *...не только вика (А) мимикрирует плоской (β) чечевице (В), но и обратно, имеются формы чечевицы, в особенности в северо-западной Индии и в Афганистане, напоминающие по округлости зерна и по*



чёрной окраске и даже по размеру зерна типичные формы черносемянной круглой вики (Н. И. Вавилов. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости).

При переходе лексемы в другие тематические сферы изменяется лексический состав компонентов логической формулы сравнения, что приводит к варьированию лексического значения:

сфера общественной жизни: *Кто нам гарантирует, что среди множества депутатов нет **карьериста** (А), сумевшего **мимикрировать под «прораба перестройки»** (В)?* (А. Левиков); *После войны **Япония** (А) **мимикрировала «под Запад»** (В), но, по сути, осталась феодальным обществом, где сила ценится больше, чем право – танго и европейская одежда* // <http://films.imhonet.ru>;

сфера медицины: *К тому времени неопасная **тахикардия** (А) научилась преобразиться в инфаркт миокарда, инсульт и иногда даже **мимикрировать под рак** (В)* // <http://uh.ru>;

сфера литературы и средств массовой информации: *С другой стороны – **новеллистика перестает мимикрировать под документ** (В), обнаруживая свою литературность* (И. Сухих).

Субстантив *мимикрия* развил и переносное значение, с неодобрительной коннотацией, книжное: ‘беспринципное приспособление к окружающим общественным условиям’ [15, т. 2, с. 271]: *Отчаявшись влить в беседу хотя бы тихое «угу», Инка роется в кармане и нечаянно нащупывает кошелек-камбалу. Неожиданная хитрость кошелька, его истощённость и невесомость заставляет забыть о **мимикрии под счастливого человека** (У. Нова. Инка); А заумный **пафос** какой-нибудь «Розы Мира» в сотни раз опаснее своей лживой спиритической **мимикрией под духовность...** (М. Елизаров. Pasternak); Таким образом, можно констатировать, что, помимо имитации единства с политическими авторитетами, «мэрские» **политтехнологи** (а господин Геймор, безусловно, лучший из них) продемонстрировали и образец **мимикрии под единство** (В) **с карательной системой** (β) (А. Крутов. Ученики Макиавелли // «Богатей» (Саратов), 2003.05.29).*

Глагол *имитировать* [лат. imitare – подражание, подделка] имеет четыре сравнительно-уподобительных значения, однако для него не характерны конструкции с предлогом **под**: *имитировать походку друга, имитировать жемчуг, имитировать естественный свет, имитировать условия группового полёта*. Эта же закономерность проявляется и в производном *имитирование*: *имитирование звуков, имитирование повадок птиц, имитирование зернистости фотоплёнки в изображении и др.*

Однако по-другому ведут себя глагольные формы. Так, глагол в форме страдательного залога и страдательные причастия выступают в составе конструкций с предлогом **под** + N4: *...**часть кроличьих шкурок** их после стрижки и крашения **имитируется под другие меха*** // <http://fermer.ru/node/54443>; *...**штампованная металлическая мебель имитируется под столярную*** // <http://ngbook.ru/90/1676/>; ***Граб** хорошо **имитируется под чёрное дерево** парами азотной кислоты способом окулировки* // <http://domremstroy.ru/stroy/mt37.html>; *Особый плюс: [ель] дешёва, но при этом легко **имитируется под ценные породы*** (А. Гуляева. Эх, ель, что за ель... // «Ландшафтный дизайн», 2002.05.15); ***имитированный под керамику браслет**; **Серьги** треугольной формы с красным фианитом, **имитированным под рубин*** // <http://forum.rmnt.ru/threads/imitacija-cennyx-porod...>

Дериват *имитация* проявляет вариантность в образовании синтаксических конструкций, ср.: «*имитация* + N2», «*имитация* + N2 + предлог **из** + N2» и «*имитация* + N2+ N4»: *имитация бруса, имитация бруса из сосны и имитация поверхности под*

брус, имитация бетонной стены и имитация поверхности под бетонную стену. Ср.: *Имитация бетонной стены. На первый взгляд может казаться, что имитации под бетонную стену – слишком радикальное решение* // <http://remontbp.com/originalnoe-podrazhanie-ili...dizajne>; Голландская фирма «Баламунди» показала в Сокольниках образцы удивительно красивых **обоев**: яркие цвета, орнаменты пастельных тонов, **имитация под шёлк и бархат** («Химия и жизнь», 1970); *Из байдуря ... делают и имитацию под дерево, настолько удачную, что отличить её от настоящего дерева почти невозможно.* («Химия и жизнь», 1970); *...обои с имитацией под кирпичную кладку...* (В. Валеева).

Конструкции *имитация бруса* и *имитация поверхности под брус* синонимичны сложному слову *фальшбрус* ‘современный отделочный материал из древесины, представляющий собой панели с особым профилем’. В последнее время в русском языке активизировались сложения с препозитивным компонентом *фальш-*, вычленившимся из прилагательного *фальшивый*, которое восходит к нем. falsch «поддельный»: *фальштогоны, фальшматериалы, фальшпанель, фальшокно* и др. Модель поддерживается закрепившимися в русском языке транслитерированными заимствованиями из немецкого языка *фальшборт, фальшкиль, фальшфейер* и др. Таким образом, субстантивные словосочетания соотносятся со сложными словами с абброкомпонентом *фальш-*: *имитация камина – фальшкамин, имитация лестницы – фальшлестница* и др.

В список глаголов со значением подобия входит и предикат социально ограниченной сферы употребления – жаргонизм *косить под кого* ‘пытаться быть похожим на кого-то’ [15, т. 2, с. 111]. В составе конструкций наблюдается устойчивое лексическое наполнение элементов логической формулы сравнения: компоненты *A* и *B* называют лиц, образом сравнения чаще являются имена собственные, в том числе и онимы образного характера: *Он косит под Николая Второго, носит бороду и периодически даёт свой спинной мозг, чтобы подтвердить подлинность останков русской царской семьи* (Н. Щербак. Роман с филфаком // «Звезда», 2010); *По контракту с Ефимом Шлайном я и там привычно «косил» под журналиста* (В. Скворцов. Каникулы вне закона); *Все косят под Чапая, который на вопрос «ты за большевиков аль за коммунистов», не моргнув глазом ответил, что он за интернационал* (Н. Серова. Правительство остаётся на чемоданах // «ПОЛИТКОМ.РУ», 2003.06.19); *Здесь многие профессора так ходят, особенно гениальные. Косят под Эйнштейнов. Как-то я хотела спросить, почему отец не пришёл к нам, даже не позвонил, когда его выпустили из лагеря, но... что тут спрашивать?* (Н. Катерли. Дневник сломанной куклы // «Звезда», 2001); *Мы огрызались на Штаты, косили под Штаты, мы даже заискивали перед Штатами – только не противодействовали им* (Ю. Цыбанев. Мы верили в его победу. И верим! // «Советский спорт», 2004.02.02). Конструкции с префиксальными производными сохраняют лексическую «закреплённость» компонентов *A* и *B*: *A одобрение друзей за расправу над кавказцем помогло ему сочинить «легенду». Артур (A) «закосил» под скинхеда (B)* (Ш. Джемакулов. Студент признался в 37 убийствах // «Комсомольская правда», 2007.05.29).

В отдельных случаях проявляется основание сравнения – элемент *C*. В следующем контексте актуализировались два элемента *C*: *Когда-то он был одной из самых ярких личностей на курсе и сильно косил под Маяковского – носил жёлтый свитер (C) и писал эпатажные стихи (C)* («Мой стих, членораздельный, как топор...») (В. Пелевин. Generation «П»).

В собранных контекстах зафиксировано отклонение от типизированной «лексической модели», свойственной компонентам, которые входят в логическую формулу сравнения:

•предметом и образом сравнения являются неодушевлённые имена: *Дома (А) косили под старину (В), а парки забывали о том, что они – японцы (В. Рецепт. Ностальгия по Японии)*);

•компонент *А* называет лицо, лиц (в том числе и неопределённых), компонентом *В* выступает абстрактное имя: *Общество на ранней стадии разбоя было крайне провинциально, это видно теперь, на отдалении. Всюду бредили «меценатством», косили под дореволюцию (В) (С. Шаргунов. Ура!)*.

Таким образом, исследование показало, что конструкции, образованные по модели «глагол со значением подобия + предлогом *под* со значением сравнительно-уподобительным + N4» отражают логическую формулу сравнения, уточнённую лексическими распространителями  $\alpha$  и  $\beta$ . Лексическое значение выделенных глаголов диктует компонентам *А* и *В* их лексико-грамматическую направленность, связанную с одушевлённостью / неодушевлённостью, конкретностью / абстрактностью, и тип номинации: отнесённость к именам нарицательным или собственным, артефактам или биофактам. Изменение типизированной лексико-грамматической и функциональной характеристики компонентов логической формулы сравнения приводит к варьированию семантики предикатов. Параллельное изучение конструкций с глагольными производными и глагольными формами свидетельствует о том, что дериваты и формы не всегда копируют конструктивные особенности исходных глаголов. Результаты исследования могут быть отражены в словаре-справочнике по управлению русского языка, а также использованы при составлении отдельного словаря предлогов со значением сравнительно-уподобительным, основа которого заложена в «Толково-сопоставительном словаре русских и украинских предлогов» профессора Галины Павловны Цыганенко.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография. Избранные труды. – М. : Наука, 1977. – С. 162–191.
  2. Виноградова Е. Н. К вопросу о грамматике русского предлога. Статья 1. Первые результаты. Понятие парадигмы предлога / Е. Н. Виноградова, В. Л. Чекалина // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. – М., 2004. – № 5. – С. 7–34.
  3. Всеволодова М. В. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога / М. В. Всеволодова, Е. В. Клобуков, О. В. Кукушкина, А. А. Поликарпов // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. – М., 2003. – № 2. – С. 17–59.
  4. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии : [монография] / Василий Михайлович Огольцев. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 160 с.
  5. Петров А. В. Семантические поля в идеографическом моделировании русского лексикона: дис. на соискание учёной степени д-ра филол. наук : спец. 10.02.02 «Русский язык» / А. В. Петров. – Симферополь, 2013. – 453 с.
  6. Плуноян В. А. По поводу «локалистской» концепции значения : предлог *под* / В. А. Плуноян, Е. В. Рахилина // Исследование по семантике предлогов. – М. : Русские словари, 2000. – С. 115–133.
  7. Потёбня А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка / А. А. Потёбня. – Харьков : Мирный труд, 1914. – 164 с.
  8. Цой А. С. Три этапа «жизненного цикла» производных предлогов / А. С. Цой // Филол. науки. – 2006. – № 5. – С. 81–88.
- Словари*
9. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.

10. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2001. – Т. 1. – 1232 с. – Т. 2. – 1088 с.
11. Загнітко А. П. Словник українських прийменників. Сучасна українська мова / А. П. Загнітко, І. Г. Данилюк, Г. В. Ситар, І. А. Щукіна. – Донецьк : ТОВ ВКФ «БАО», 2007. – 416 с.
12. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1988. – 440 с.
13. Лучик А. Словник еквівалентів слова української мови / А. Лучик. – К. : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2008. – 174 с.
14. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азъ, 1995. – 928 с.
15. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1981–1984.
16. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / ред. Г. А. Галаванова и Ф. П. Сороколетов. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1964.
17. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – Т. I. – М., 1935. – 1562 с. – Т. II. – М., 1938. – 1040 с. – Т. III. – М., 1939. – 1424 с. – Т. IV. – М., 1940. – 1600 с.
18. Цыганенко Г. П. Словарь служебных морфем русского языка / Г. П. Цыганенко. – К. : Рад. школа, 1982. – 240 с.
19. Цыганенко Г. П. Толково-сопоставительный словарь русских и украинских предлогов / Г. П. Цыганенко. – Алчевск : Донбасс-Медиа, 2006. – 600 с.

*Поступила в редакцию 29.05.16 г.*

#### VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION *UNDER* IN A COMPARATIVE-SIMILARITY MEANING

*A.V. Petrov*

The article focuses on the study of the verbal constructions built up according to the pattern “verb meaning similarity + preposition ‘*under*’ meaning comparative similarity + noun in the Accusative case”. The lexical and lexico-grammatical meanings of the logical components in the comparative construction with the verb have been described: their reference to animate or inanimate names, concrete or abstract names, common names or proper names, artifacts or bio facts.

**Keywords:** verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition ‘*under*’, comparative similarity meaning of the preposition ‘*under*’, logical formula of comparison

**Петров Александр Владимирович**

Доктор филологических наук, профессор.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского.

**Petrov Alexandr Vladimirovich**

Doctor of Philology, Professor.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

E-mail: liza-nada@mail.ru

УДК 811.161.1'367.625

**ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ  
МАТЕРИАЛОВ РУССКОГО АРХИВА ЯНА ПЕТРА САПЕГИ  
КАК ДОКУМЕНТОВ ЭПОХИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ  
НАЧАЛА XVII ВЕКА**

© 2016. *Н. А. Тупикова, В. Е. Ильяшенко*

---

В исследовании подвергаются анализу документоведческие и лингвистические особенности текстов в составе реконструированного архива начала XVII в., отражающих складывающуюся языковую и жанрово-стилевую специфику русской деловой речи в преднациональный период её развития.

**Ключевые слова:** деловая письменность, архивный фонд, структурно-содержательная и функциональная классификация документов, лингвостилистическая характеристика текста.

---

Одним из важнейших источников изучения истории русского языка остаются памятники деловой письменности, материалы которых позволяют изучать широкий круг историко-лингвистических проблем. В современных исследованиях решаются вопросы источниковедческого характера [1; 2; 3], даётся классификация памятников деловой письменности [4; 5], рассматривается их региональная специфика [6; 7; 8], ставятся проблемы лингвистического и лингвокультурологического описания архивных комплексов [9; 10; 11], раскрываются этапы эволюции норм русского языка применительно к развитию делового стиля [12; 13; 14; 15].

Актуальным для исследования деловой речи является сопоставление документов не только разных эпох, но также созданных в рамках одного географического и временного пространства. В этом плане интерес представляет так называемый «русский» архив польского гетмана Яна Петра Сапеги – предводителя иноземного войска, воевавшего на стороне самозванца Лжедмитрия II в период Смуты. В течение трёх лет пребывания Сапеги в России (с лета 1608 г. по сентябрь 1611 г.) в походной канцелярии накапливались бумаги, которые впоследствии были вывезены в Речь Посполитую и переданы его вдове. В течение XVIII – XX вв. материалы были разделены и попали в коллекции библиотек и архивов России, Польши, Украины, Швеции [3, с. 5]. Реконструкция всего архивного комплекса осуществлена коллективом волгоградских учёных под руководством доктора исторических наук И. О. Тюменцева, что позволило опубликовать «Дневник» Сапеги [2] и более 400 найденных старопольских и старорусских источников, а также продолжить их поиск.

В коллективной монографии «Русский Архив гетмана Яна Сапеги 1608–1611 годов: опыт реконструкции и источниковедческого анализа» была предложена систематизация документов по принадлежности лица (лиц) к одному из политических лагерей, противоборствующих в период Смуты, выделялся и такой признак, как статус адресанта и адресата послания. Об этом свидетельствуют 4 основные раздела книги: документы, вышедшие из центров повстанческого движения; материалы из правительственного лагеря; письма и челобитные из уездов, контролируемых сапежинцами; переписка с руководством Речи Посполитой, польской администрацией в Москве и частными лицами в Литве; войсковые и личные документы. Внутри разделов выделены группы документов по наиболее важным адресатам, иногда по отдельным почтовым отправлениям [3, с. 41–44].

С точки зрения жанровой отнесенности, содержания и функции документа среди старопольских текстов различаются, прежде всего, декларации, донесения, инструкции, универсалы, ассекурации, официальные и частные письма и др.; старорусские памятники письменности включают грамоты, письма, обращения, памяти, отписки, челобитные и др. [11, с. 184]. Следует сказать, что единой и детальной документоведческой классификации сапежинских бумаг пока не существует, хотя такое описание важно для лингвистического анализа принципов отбора и функционирования языковых единиц в зависимости от степени обработки живой речи [16, с. 131], содержания, вида и назначения документа [8]. Учёные считают неслучайным пристальное внимание к дифференцированному изучению деловой письменности, «поскольку очевидна неоднородность лингвистической содержательности текстов делового письма, принадлежащих различным жанрам» [6, с. 27].

В данной работе в качестве материала избраны русскоязычные послания, вышедшие из канцелярий Василия Шуйского, Лжедмитрия II и Яна Петра Сапеги, переписка которых составляет основу данной части архивного фонда [17]. Рассматриваемые тексты представлены грамотами и отписками.

Грамоты квалифицируются как распорядительные документы органов центральной власти, лиц, стоящих на верхней ступени иерархии. Их адресантами являются царь Василий Шуйский и Лжедмитрий II. Адресатами грамот-посланий Шуйского выступают его подданные: воеводы А. Репнин, И.Н. Салтыков, И. Д. Плещеев, А. Микулин, И. Д. Болховский, а также бояре, дьяки, духовенство, посадские и служилые люди; послания Лжедмитрия направлялись гетману Сапеге и присягнувшим ему жителям Московских земель. Таким образом, можно сказать, что названные деловые бумаги представляют собой документы, направлявшиеся по вертикали власти «сверху – вниз» с точки зрения служебной подчинённости.

В структуре грамот нами выделяются три части: 1) начальный протокол; 2) основной текст; 3) конечный, или финальный, протокол.

В начальном протоколе обязательно присутствуют такие элементы, как начальное обозначение автора (интитуляция), включающее перечисление всех титулов автора грамоты, и определение лиц, которым адресуется грамота (инскрипция): *От царя и великого князя Василья Ивановича всеа Руси, воеводе нашему Ивану Никитичю Салтыкову* (РАЯС, с. 173); *От царя и великого князя Дмитрея Ивановича, всеа Руси, воеводе нашему пану Яну Петру Павловичю Сапеге, костеляновичю киевскому, усвяцкому и кирипецкому* (РАЯС, с. 46). В некоторых грамотах также указывается адрес, местоположение адресата, название населенного пункта, в который направляется бумага: *От царя и великого князя Василья Ивановича всеа Руси, в Муром, архимаритом и игуменом, и протопопу и попом и дьяконом, и гостем, и посадским людем, и всяким муромским жилецким людем* (РАЯС, с. 185); *От царя и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Руси, в Суздаль, богомолцом нашим, архиепископу Голахтиону, и архимонритом, игуменом...* (РАЯС, с. 390).

В конечном (финальном) протоколе обозначается место и время написания грамоты, например, в грамоте Василия Шуйского: *Писан на Москве, лета 7117, мая в 29 день* (РАЯС, с. 189); в грамоте Лжедмитрия II: *Писан нашего царского величества у Москвы, лета 7117 марта в 4 день* (РАЯС, с. 38).

Главная часть текста грамот не отличается единообразием, однако поддается структурированию: ряд формул, типовых структурно-содержательных элементов,

позволяет говорить о сложившемся в преднациональную эпоху развития русского делового языка «формуляре основного текста». Состав формул зависит от разновидности грамоты. Так, можно говорить о различиях указных и похвальных грамот. В основной текст указных грамот входит повеление вышестоящего лица другим лицам; это может быть царское распоряжение воеводам: например, о выдаче жалованья стрельцам и казакам, об отправке плотников для судебного дела, об отсылке грамоты в разные города и др. Данная часть текста начинается со слов: *И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б тотчас...* В частности, в послании Лжедмитрия Яну Сапеге: *И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б тотчас послал на Углич, и велел того пана Очковского с Углича выслати...* (РАЯС, с. 32).

Перед приказом (распоряжением) как правило даётся изложение обстоятельств дела, с которым связано указание. Обстоятельства дела вводятся клишированными выражениями, состоящими из сочетания существительного и прилагательного в предложно-падежной конструкции или в генитивном обороте: *В нынешнем ... году; Нынешнего ... года (-у)*. При этом у существительного *год* в родительном приименном частотным является использование окончания, свойственного обиходно-разговорной речи – *году*. Например, в грамоте Лжедмитрия II находим: *Нынешнего 117 году писали к нам, с Углича, столники князь Володимер Волконский да Иван Головленков, что, по нашему указу, приехали они на Углич для наших сборов... и им де собирать не велит пан Ян Очковский, который прислан на Углич от тебя...* (РАЯС, с. 32). Аналогичные примеры находим и в указных грамотах Василия Шуйского.

В другой разновидности грамот Шуйского и Лжедмитрия – похвальных грамотах – обязательным элементом, кроме повеления, является выражение похвалы за усердную службу и обещание награды, например: *Ведомо нам подлинно ваша великая служба и раденье, и нужное во всякой мере терпенье, и в таком в далном месте, многое время будучи с боярином нашим и воеводою с Федором Ивановичем Шереметевым, нам и всему Московскому государству прямую службу свою показал; и мы тебя за твою великую службу и раденье пожалуем своим царским великим жалованьем во всем неоскудно* (РАЯС, с. 174).

Среди грамот московского царя Василия Шуйского выделяется ещё одна разновидность, которая не встречается в деловой переписке Лжедмитрия II, – грамоты, близкие к возваниям, предназначенные для прочтения вслух перед собранием народа. В основном тексте таких грамот важным компонентом является призыв хранить верность царю, не поддаваться на призывы «воров» и «воровской смуты»: *А вы гости и торговые и всякие посадцкие и жилецкие люди, и вперед нам великому государю служили бы и прямили, и вороской смуте ни в чом не верили (а мы вас во всем пожаловали, вины ваши отдали, и учнем вас жаловати свыше прежнего, и никому ни в чем никакая вина не воспомянется: то мы положили на судьбы Божьи), и стали бы есте с нами противу иноверцов; хотя кому в такой правде повелит Бог скончатись, истинной мученик будет* (РАЯС, с. 181).

Отписка как жанр зафиксирована нами в корпусе текстов, вышедших из канцелярии польского гетмана Яна Петра Сапеги. Следует сказать, что Сапега использовал во время похода на Москву этот вид служебного документа в деловом общении на русском языке. Отписка в XVII веке функционировала на Руси для коммуникации между местными канцеляриями, духовными учреждениями, местными и вышестоящими центральными учреждениями и имела несколько разновидностей в зависимости от цели. В московском делопроизводстве выделялись отписки-сообщения,

которые были предназначены для информирования адресата о прошедших событиях; отписки-реакции, содержавшие ответ (отчёт) на определённое распоряжение; отписки-инициаторы, имевшие целью убедить адресата в необходимости предпринять или выполнить определённые организационно-распорядительные действия в будущем, а также сообщавшие о каком-либо решении по собственной инициативе адресанта; отписки смешанного типа, объединявшие в себе черты основных типов отписок и реализовавшие одновременно несколько целеустановок [18].

Анализ текстов от имени Яна Петра Сапеги даёт основания говорить о том, что в канцелярии польского гетмана использовались такие разновидности, как отписки-реакции и отписки-инициаторы. Адресантом большинства таких документов является лично гетман, однако в некоторых случаях обозначен коллективный адресант, например: *гетман Ян Петр Павлович Сопега, костелянович киевской, староста усвятцкий и керепецкий, да Федор Плещеев и полковники и рохмистры* (РАЯС, с. 154). Адресатом посланий может выступать одно лицо (в частности, воеводы В.Е. Вельяминов, Ф.И. Волконский и др.) либо группа лиц (казаки, стрельцы, дворяне, бояре, простые жители Московии). С точки зрения иерархии можно говорить о трех группах документов: поданные по вертикали власти «снизу – вверх», что характерно для посланий Сапеги инокине-царице Александре Фёдоровне; поданные по вертикали власти «сверху – вниз», когда польский гетман обращается к своему войску или жителям завоёванных земель; поданные по горизонтали власти в случаях «равноправности» (ситуативной или иной) коммуникантов, если гетман пишет русским воеводам, присягнувшим, как и он сам, Лжедмитрию II.

Отписки, как и грамоты, состоят из начального протокола, основной части и конечного протокола. В типичной модели начального протокола выделяются: инскрипция, интитуляция и челобитье. Например: *Господину князю Федору Ивановичю Волконскому, и дворянам, и детям боярским, и атаманом, и казаком, и стрелцом, и всяким служивым и жилиецким людем, гетман Ян Петр Павлович Сопега челом бьет* (РАЯС, с. 299). Формулы обращения зависят от типа адресата. Обращение к воеводам начинается со слов «Господину» или «Государя царя и великого князя Дмитрия Ивановича всеа Руси воеводе...», обращение к царской особе Александре Фёдоровне – со слов «Государыне царице и великие княгини...»; при обращении к нескольким лицам одного социального положения добавляется формула «...с товарищи».

Типичная модель основной части текста отписок-реакций содержит две формулы: мотивировочную часть (указание на полученный документ) и собственно реакцию (что сделано по данному распоряжению). Так, в отписке царице-инокине Александре Фёдоровне об удовлетворении её просьбы о защите имущества монастыря и его служащих от грабежей и насилия в мотивировочной части дается отсылка к полученному Яном Сапегой письму с детальной передачей его содержания: *Писала ты ко мне в нынешнем в 117 – м году сентября в... день, что тебе от польских и от литовских и ото всяких ратных людей и от козаков чинитца шкода и насильство великое...* (РАЯС, с. 389). Далее идёт отчёт о действиях гетмана: *И я писал к полковнику и к пану Мирскому и пану Лисовскому и ко всем рохмистрам чтоб им кормов со крестьян не править и пахоликов ис твоих отчин велел вывесть и на служебниках твоих корму иматъ не велел и шкоды и насильства никакова чинить не велел, а велел тебя оберегать во всем!* (РАЯС, с. 389).

Модель основной части текста отписок-инициаторов Сапеги также включает две формулы: мотивировочную часть (указание на полученный документ) и собственно



инициаторную часть (какие действия нужно предпринять адресанту и/или какие действия предприняты адресантом). Так, основная часть отписки властям и жителям Одоева от 29 января 1611 г. открывается указанием на полученное ранее послание от властей города и изложением его содержания: *Писали естя к нам генваря в 29 день, что били вам челом донския козаки о том, чтоб вы их выпустили из города для дров...* (РАЯС, с. 154). Инициаторная часть содержит призыв действовать сообща и перечисление ряда конкретных действий [1], которые требуются от обеих сторон: *И вперед бы вам тако же с нами о всем совет держати, и хторые ваши воры станут воровати, и вам бы их велети имати, в турму сажати, их казнити. А будет наши люди станут воровати, и мы сих тако же велим имати и казнити, чтоб в земле вашей бог дал смирене без пролитя крови хрестиянския. А мы с вами ради быти в совете* (РАЯС, с. 154).

Конечный протокол отписок Яна Сапеги содержит приветствие адресанта и челобитье: *А яз тебе, господине, много челом бью* (РАЯС, с. 277); *А я тебе, государыне. Мало пишу, а много челом бью!* (РАЯС, с. 389). В некоторых отписках-инициаторах конечный протокол отсутствует, документ заканчивается инициаторной частью, например: *А тех бы поляков отпустить к нам тотчас не мешкая* (РАЯС, с. 155).

Лингвистическая содержательность текстов дает возможность обратить внимание на то, что в составе всех частей структуры документов наблюдается «соседство» и вариативность элементов противоположных письменных традиций (например, при употреблении форм личных местоимений: *яз – я, тебе – тебе*, падежных форм прилагательных: *крови хрестиянския, донския козаки – великие княгини*, нестяженных и стяженных форм инфинитива: *имати, сажати, казнити – отпустить* и др.). Рассматриваемые источники отражают использование элементов разных языковых стихий, на основе которых формируются приемы выражения делового содержания: московского приказного языка, книжной и старорусской обиходно-разговорной речи.

Обобщая анализ материала можно сделать следующие выводы: 1) рассматриваемые в составе архива Яна Сапеги русскоязычные документы, вышедшие из канцелярий царя Василия Шуйского, самозванца Лжедмитрия II и польского гетмана Яна Петра Сапеги, представлены жанрами грамот и отписок и их разновидностями, различающимися по функции, целевой установке, направлению служебной коммуникации (вертикали: сверху – вниз, снизу – вверх; горизонтали); 2) документы архива, относящиеся к началу XVII в., обладают четко выработанной структурой, включающей три части: начальный протокол, основной текст и конечный протокол; 3) набор формул начального и конечного протоколов документов и их лексическое наполнение обнаруживают корреляцию с жанрово-стилевыми особенностями текста грамоты или отписки, а также типом адресанта и адресата; 4) формулы основной части текста варьируются в зависимости от частных разновидностей исследуемых жанров; 5) лингвистическая содержательность текстов отражает использование языковых единиц книжно-славянского, народно-литературного типов языка и приказной деловой речи Московской Руси.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Котков С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка / С. И. Котков. – М.: Наука, 1980. – 292 с.
2. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV – XVII вв. Том IX. Дневник Яна Петра Сапеги (1608 – 1611) / И. О. Тюменцев, М. Яницкий, Н. А. Тупикова, А. Б. Плотников. – Москва – Варшава: «Древлехранилище», ММХII (2012). – 456 с.

3. Тюменцев И. О. К читателю / И. О. Тюменцев // Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов : опыт реконструкции и источниковедческого анализа. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. – С. 5–10.
4. Качалкин А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи : в 2 ч. Ч. 2 / А. Н. Качалкин. – М. : МГУ, 1988. – 120 с.
5. Копосов Л. Ф. Изучение истории русского языка по памятникам деловой письменности: учебное пособие к спецкурсу / Л. Ф. Копосов. – М. : МОПИ им. Н. К. Крупской, 1991. – 83 с.
6. Майоров А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века / А. П. Майоров. – М.: Азбуковник, 2006. – 262 с.
7. Панин Л. Г. Лексика западносибирской деловой письменности (XVII – первая половина XVIII в.) / Л. Г. Панин. – Новосибирск : Наука, 1985. – 204 с.
8. Преферансов С. А. Отражение общерусских норм и местных особенностей составления документов в делопроизводстве Царицынского городского магистрата (на материале источников конца XVIII века): дис. ... канд. филол. наук / Преферансов Сергей Александрович. – Волгоград, 2012. – 167 с.
9. Тупикова Н. А. Лингвистический аспект исследования документов начала XVII в. в составе «русского» архива Яна Петра Сапеги / Н. А. Тупикова // Studia Rossica. – XXXII. – Poznan : Wyd. naukowe, 2005. – S. 129–140.
10. Тупикова Н. А. О выражении славянской языковой личности в деловых текстах начала XVII века / Н. А. Тупикова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2007. – Вып. 6. – С. 168–173.
11. Тупикова Н. А. Письма по церковным делам в составе архивного комплекса нач. XVII в. как памятники истории польского и русского языков / Н. А. Тупикова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III, Филология. – 2007. – № 1 (7). – С. 182–193.
12. Дерягин В. Я. Древнейшие термины русского права / В. Я. Дерягин // Лексические группы в русском языке XI–XVII вв. – М. : АН СССР, 1991. – С. 124–136.
13. Инютина Т. С. Понятие нормы делового языка в свете теории варьирования / Т. С. Инютина // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – Вып. 308. – С. 19–22.
14. Никитин О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. В. Никитин. – М., 2004. – 48 с.
15. Смолина К. П. Лексика имущественной сферы в русском языке XI–XVII вв. / К. П. Смолина. – М. : Наука, 1990. – 208 с.
16. Коткова Н. С. Выявление московских лексических норм XVII в. путем сравнения с периферийными данными. / Н. С. Коткова // История русского языка и лингвистическое источниковедение. – М. : Наука, 1987. – С. 131–142.
17. Тупикова Н. А. Дневник и документы архива Яна Сапеги: лингвистический аспект описания текстов в составе архивного комплекса / Н. А. Тупикова // Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов: опыт реконструкции и источниковедческого анализа. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – С. 270–289.
18. Руднева С. Ф. Сибирские отписки конца XVI – второй половины XVIII в. в аспектах исторической стилистики и лингвистики текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Ф. Руднева. – Сургут, 2010. – 23 с.

#### ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

РАЯС – Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов. Тексты, переводы, комментарии / И. О. Тюменцев, Н. А. Тупикова, Н. Е. Тюменцева, Н. В. Рыбалко, С. В. Мирский. – Волгоград : Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2012. – 688 с.

*Поступила в редакцию 10.03.16 г.*

#### HISTORICAL AND LINGUISTIC ASPECT OF RESEARCH OF JAN PIOTR SAPIEHA'S RUSSIAN DOCUMENTARY ARCHIVE AS THE MATERIALS OF THE EPOCH (ERA) OF HARD TIMES AT THE BEGINNING OF THE 17<sup>TH</sup> CENTURY

*N.A. Tupikova, V.E. Ilyashenko*

The article focuses on the historical and linguistic research of business papers forming a part of the 17th century archives. The analysis of the Russian-language letters by Moscow Tsar Vasily Shumsky, the impostor False Dmitry II and the Polish hetman Jan Peter Sapieha has been carried out. Notably, it is for the first time that

the genre classification of these business documents is studied. The classification is based on the document form's characteristics and stylistic-linguistic markers in the texts under study. Structurally descriptive and functional specifics of the sources created within geographical and time space of the period of Hard Times are singled out.

**Keywords:** business writing, archives, structurally descriptive and functional classification of documents, linguo-stylistic characteristic of the text.

**Тупикова Наталия Алексеевна**

Доктор филологических наук, профессор.

Волгоградский государственный университет.

**Tupikova Nataliya Alexeyevna**

Doctor of Philological Sciences, Professor.

Volgograd State University.

E-mail: tupikova195@mail.ru.

**Ильяшенко Виктория Евгеньевна**

Волгоградский государственный университет.

**Iyashenko Viktoriya Evgenevna**

Volgograd State University.

УДК 821.111 Маккензи

## ПОЭТИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ КАК ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В РОМАНЕ КОМПТОНА МАККЕНЗИ «ГАЙ И ПОЛИНА»

© 2016. Л. В. Сапегина

---

В статье исследуется ряд поэтических аллюзий, использованных в романе К. Маккензи «Гай и Полина», в их интертекстуальной функциональности. Последовательно рассматриваются художественные функции включённых стихотворных отрывков, образов и мотивов из произведений У. Шекспира, Дж. Китса, Д. Г. Россетти, К. Россетти, У. Морриса, Р. Браунинга. Анализируемые интертексты выступают в качестве жанрообразующего элемента, проекции сюжетного действия, используются как дополнительная характеристика персонажей (*alter ego*, «двойник»), участвуют в разработке тем и мотивов (тайны, «бегства влюблённых»), быстротечности молодости).

**Ключевые слова:** Комптон Маккензи, пастораль, интертекстуальность, аллюзия, цитата, тема быстротечности молодости.

---

Одним из лучших произведений раннего творчества Комптона Маккензи (1883–1972) является роман «Гай и Полина» (1915). Четвёртый роман цикла «Театр молодости», он составляет определённый контраст с предшествующим ему романом воспитания «Зловещая улица», где в качестве второстепенного персонажа и появляется впервые Гай Хейзелвуд, главный герой «Гая и Полины». В отличие от «Зловещей улицы», наделённой эпическим масштабом, «Гай и Полина» предстаёт камерной пасторальной интерлюдией, лирической историей любви.

Парное именное заглавие произведения отсылает к многовековой традиции любовной повести, имеющей древнегреческое происхождение («Херей и Каллироя», «Левкиппа и Клитифонт»). Поскольку в центре «Гая и Полины» – история любви, разворачивающаяся в рамках пасторально-идиллического хронотопа, и характер действия совершенно лишён авантюризма, его прототипом следует считать любовно-буколический роман Лонга «Дафнис и Хлоя». Обращение к пасторальному жанру в 1915-м году, в разгар военных событий, симптоматично: пастораль всегда несла в себе идею эскапизма, связанную с неприятием реальной действительности.

Действие начинается с того, что Гай Хейзелвуд, выпускник Оксфорда, перспективный молодой дипломат, бросает успешно начавшуюся карьеру и уезжает в глухую английскую провинцию, в Оксфордшир, чтобы посвятить свою жизнь поэзии. В живописных окрестностях городка Уичфорд (*Wychford*), где Гай надеется обрести вдохновение, он арендует старинную усадьбу XVI века с поэтическим названием «Плэшез Мид» (*Plashers Mead*). По приезде Гай знакомится с семьёй приходского священника, пастора Грея, и влюбляется в его младшую дочь Полину. Развитие взаимоотношений героев - от зарождения их любви до разрыва помолвки - и составляет фабулу романа. История Гая и Полины - это рассказ о крушении любовной идиллии как под давлением внешних обстоятельств (социальных и финансовых), так и вследствие внутренних причин: инфантильности героини, её боязни выйти за границы своего пасторального мирка, а также неспособности героя оставаться на той нравственной высоте, которой требовали идиллические отношения (в конце романа он отчетливо осознаёт усталость от уичфордской пасторали и желание сбежать за её пределы).

Главной целью приезда Гая в Уичфорд было написать и издать в течение года сборник стихотворений. Публикация книги, по замыслу героя, должна была принести

ему известность и состояние, и доказать его отцу, что можно жить на доходы от литературного творчества. В дальнейшем он видел себя в ряду первых поэтов страны, одним из тех, кто вернёт английскую поэзию к её классическим традициям, вырвав из состояния упадка. Однако если не считать одного четверостишия в «Эпиграфе» (так называется финальная часть романа), в тексте «Гая и Полины» образцов лирики Гая нет, но присутствуют размышления о природе поэтического творчества и технике версификации, мнение о национальной поэтической традиции и произведениях отдельных авторов, критика современной школы и собственная творческая рефлексия.

История несостоявшегося поэта и его несостоявшегося брака потребовала привлечения весомого интертекстуального ресурса, основу которого составляют цитаты из лирических произведений, поэтические аллюзии и реминисценции. В тексте романа упоминаются имена и произведения многих выдающихся английских поэтов – У. Шекспира, Д. Донна, Д. Мильтона, А. Поупа, С. Кольриджа, Дж. Китса, П. Б. Шелли, А. Теннисона, Р. Браунинга, Д. Г. Россетти, К. Россетти, У. Морриса, А. Ч. Суинберна.

Биографические аллюзии выступают в качестве параллелей или иллюстраций к ситуации главного героя, который не только использует в качестве образца творческое наследие поэтов, но и опирается на их жизненный опыт. Например, историю четырнадцатилетней помолвки Теннисона Гай вспоминает, чтобы убедить себя в том, что два или три года ожидания брака с Полиной – это не так уж долго. Раздумывая, как скоро они смогут пожениться при его доходе в сто пятьдесят фунтов, он вспоминает, что Кольридж когда-то вступал в брак с меньшим доходом.

Поэтические интертексты выполняют многообразные художественные функции. Прямое цитирование стихотворений и поэм в некоторой мере служит задачам жанрообразования: таким образом Маккензи изящно обыгрывает использование в пасторальном романе лирических вставок. Например, песня шута из «Двенадцатой ночи» Шекспира, которую Гай поёт, плывя на лодке из Оксфорда в Уичфорд, выступает в роли «пастушеской» монодии. Шекспировский текст здесь также напоминает об основной теме цикла «Театр молодости»: быстротечности молодости, выступающей своеобразной вариацией старинного мотива ‘carpe diem’:

<i>What is love? 'tis not hereafter;</i>	<i>Нам любовь на миг даётся.</i>
<i>Present mirth hath present laughter;</i>	<i>Тот, кто весел, пусть смеётся:</i>
<i>What's to come is still unsure:</i>	<i>Счастье тает, словно снег.</i>
<i>In delay there lies no plenty;</i>	<i>Можно ль будущее взвесить?</i>
<i>Then come kiss me, sweet and twenty,</i>	<i>Ну, целуй – и раз, и десять:</i>
<i>Youth's a stuff will not endure.</i> [1, с. 155]	<i>Мы ведь молоды не век.<sup>2</sup> [2, с. 568]</i>

Поэтические произведения иногда намечают проекцию дальнейшего развития сюжета. Например, после первой встречи и знакомства с сёстрами Грей на фоне романтического лунного пейзажа, Гай читает «Канун Святой Агнессы» Дж. Китса. Сюжет поэмы, где действие тоже разворачивается лунной ночью, «предвещает» грядущее рождение собственной любви Гая.

Второй раз эта же поэма Китса появляется на страницах романа в главе «Ещё одна осень. Ноябрь». В развитии действия прошёл год. Терзаемый «любовным безумием» (*love madness*), Гай впервые уговаривает Полину выйти ночью к нему на свидание в сад. В напряжённом ожидании условленного времени – одиннадцати часов вечера – герой читает «Канун Святой Агнессы», когда к нему неожиданно заходят местные знакомые Брайдон и Уилшер. Вынужденный вести с ними пустяшную светскую беседу,

<sup>2</sup> Перевод Э. Линецкой

Гай: «смотрел на томик Китса, лежащий лицом вниз на столе, надеясь, что ему еще позволят вернуться к рыцарям и дамам, предающимся своим бессловесным молитвам, пока с трепетом не подумал о моменте, когда сможет прочесть.<sup>3</sup> "О, сотни лет, должно быть, пролетели, - / Следы влюблённых стёрты, сметены..."<sup>4</sup>» [3, с. 556]. ("eyed the volume of Kleats lying face downward on the table, hoping he would be allowed to come back to the knights and ladies praying in dumb oratories, while he thought with a thrill of the moment when he should be able to read: "And they are gone; ay, ages long ago / These lovers fled away into the storm" [1, с. 263-264]).

Несовпадение внешнего и внутреннего дискурсов усиливает драматизм ситуации, не лишённый элемента комизма: Гай хочет вернуться к героям Китса, чтобы настроиться на возвышенный лад, но вынужден слушать, какая искусственная муха служит лучшей насадкой на рыбалке. В данном эпизоде мотивы «Кануна Святой Агнессы» актуализируют тему тайны и «бегства влюблённых», по крайней мере, из-под контроля родителей и от взглядов любопытствующих. Звучит здесь и элегическая нота, связанная с «убивающим» временем – в заключительных строках поэмы Китса речь идёт о том, что теряются следы даже большой любви. В контексте романа поэма Китса развивает мотив быстротечности молодости, чьё приближающееся окончание так драматично ощущает Гай.

Поэтические образы выступают порой в роли «предвестников» судьбы или alter ego персонажей. Имя Святой Агнессы, которая считалась покровительницей брака, но также целомудренных дев, не желающих вступать в брак, наряду с упоминанием ещё ряда непорочных девственниц – Святой Розы Лимской, Святой Урсулы - косвенно указывает на неосуществимость брачных планов Полины. С другой стороны, образ нежной Маделины, героини поэмы Китса, дистанцирующейся от грубого пиршества в родовом замке, живущей в собственном мире грёз и фантазий, выступает «двойником» Полины, чье существование, по её собственному определению, – 'half-dream'. Полина упорно цепляется за своё детство: хотя ей исполняется двадцать лет, она хранит свои детские игрушки и читает «Алису в стране чудес». Реальность взрослой жизни страшит ее: "Sometimes I feel quite weighed down by the responsibility of being grown up" [1, с. 247]. («Иногда меня совершенно угнетает ответственность быть взрослой».)

Однако когда нежное и трепетное чувство любовного восторга перерастает в пылкую страсть, образ Полины в сознании Гая трансформируется в образ Безжалостной красавицы из баллады Китса *La Belle Dame Sans Merci*. По определению Н. Я. Дьяконовой, тема этого стихотворения – «ужас возвращения к реальности после того как миновали обольщения, мечты и фантазии» [4]. И хотя в отношениях Гая и Полины до момента разочарования ещё далеко, эта баллада по-своему пророчит им несчастье. Первая строчка четвёртой строфы стихотворения Китса – *I met a lady in the meads, / Full beautiful - a faery's child* [5] ("Я встретил девушку в лугах / Дитя пленительное фей,..."<sup>5</sup>), отсылает к ситуации рождения чувственности в отношениях героев. Речь идёт о сцене, когда Гай и Полина тайком сбегают из дома Греев и носятся по залитым майскими дождями лугам, упиваясь ощущением свободы: "The meadow they had found was crimsoned over with ragged robins that in this strange light glowered angrily like rubies. Pauline bent down and gathered bunches of them until her arms were full. Her skirt was wet, but still she plucked the crimson flowers; and Guy was gathering them too,

<sup>3</sup> Здесь и далее перевод наш, Л. С., если не указано иначе

<sup>4</sup> Перевод Е.Витковского

<sup>5</sup> Перевод Л. Андрусона представляется наиболее точным. Режим доступа: <http://top-antropos.com/john-keats-la-belle-dame-sans-merci-leonid-andruson>

*knee-deep in soaking grass. What fever was in the sunset to-night? <...> Guy caught her to him; and into that kiss the fiery sky entered, so that Pauline let fall her ragged robins and they lay limp in the grass and were trodden under foot” [1, с. 163-164]. («Луг, который они нашли, был малиновым от кукушкиного цвета, цветки которого под этим странным освещением, казалось, уставились на них сердитым рубиновым взглядом. Полина наклонилась и стала рвать их охапками, сколько вместилось в руки. Её юбка намочила, но она продолжала срывать кроваво-красные цветы; Гай тоже их рвал, стоя по колено в мокрой траве. Что за лихорадка была в сегодняшнем закате? <...> Гай притянул её к себе, и в их поцелуй вошло пламенеющее небо, Полина уронила сорванные цветы, и они безвольно лежали на траве, пока их не растоптали.»)*

Растоптанный кукушкин цвет станет для героев символом страсти и беды. А образ Полины в сознании Гая начинает двоиться, подобно тому, как это происходит с образом героини в упомянутой балладе Китса. На то, что Полина тоже несёт в себе угрозу (любовной муки, опасность для свободы поэта), указывает сближение её с образом Безжалостной красавицы, когда Гай и его друг Майкл Фэйн называют Полину между собой ‘fairy’s child’ (дитя феи), как героиню баллады. В ту же ночь в воспалённом сознании Гая многократно повторяются строки из этого стихотворения Китса: “*La belle Dame sans mercy hath thee in thrall!* / *La belle Dame sans mercy hath thee in thrall!* / *La belle Dame sans mercy hath thee in thrall!* The words did not cool Guy’s pillow that night, but they led him by strange ways into a fevered sleep” [1, с. 164]. («*Жестокой нашей госпожи / Теперь ты будешь раб!*”<sup>6</sup> Эти слова не остудили подушку Гая той ночью, но странным образом погрузили его в лихорадочный сон.»)

Полина, живущая в мире фантазии и воображения, вызывает у Гая также ассоциации с Блаженной девой – Небесной подругой (*The Blessed Damozel*) Д. Г. Россетти. Известный переводчик Г. Кружков по поводу этого стихотворения заметил: «Многие критики первой чертой прерафаэлитской школы называют dreaminess – мечтательность, задумчивость, погружённость в грёзы. Такой грёзой видится знаменитое стихотворение “Блаженная дева” (*The Blessed Damozel*) Россетти» [6]. Образ появляется во внутреннем монологе Гая в связи с размышлением о религии и церкви. Получив приглашение от Полины на её двадцатый день рождения и сообщение, что в восемь она будет в церкви, Гай впервые задумывается о том, что они никогда не обсуждали проблему религии. Он, «*несчастный и недостойный скептик*» (*‘miserable and unworthy sceptic’* [1, с. 159]), считает для себя святотатством «*посягать на её сегодняшнее священнодействие*» (*‘to intrude upon such sanctities as hers would be today’* [1, с. 158]). С другой стороны, он понимает, что Полина будет его ждать, и если он не придёт, огорчится: “*She would be like the blessed damozel leaning out from the gold bar of Heaven and weeping because he did not come. There was no gain from honesty, if she were made miserable by it*” [1, с. 159]. («*Как Блаженная дева, она будет выглядывать из-за золотой ограды небес и плакать, потому что он не пришёл. Что толку от честности, если из-за неё она будет несчастна.*») По сути, вопрос веры впервые осмысливается Гаем как серьёзное препятствие, хотя сами отношения влюблённых ещё находятся на подъёме.

В следующий раз аллюзия, связанная с этим стихотворением Россетти, появляется в главе «Ещё одна весна. Март». За год в отношениях влюблённых накопилось множество противоречий, на пути их союза возникло множество препятствий. Гая

<sup>6</sup> Полный и достаточно точный перевод этой строчки предлагает А. Щедрцов. Режим доступа: <http://top-antropos.com/literature/biblioteka/item/188-john-keats-la-belle-dame-sans-merci-aleksandr-shedretsov>

преследуют кредиторы, и чтобы погасить долги, ему приходится продать большую часть своей библиотеки. Ему никак не удаётся опубликовать сборник стихотворений, и раз в несколько дней очередной издатель возвращает ему рукопись. Гай впервые задумывается о том, чтобы покинуть Уичфорд, хотя сам такое решение считает предательством Полины. В то же время Полина вызывает у него первые приступы раздражения, что его пугает. Ощущая, что они на краю катастрофы, пытаясь найти способ преодолеть духовные противоречия, Гай начинает проявлять свою любовь с особой страстностью, но это не сближает влюблённых: *“He was aware that she was terribly tried by this, but the knowledge made him more selfishly passionate/ A sort of brutality had entered into their relation which Guy hated, but to which in these circumstances that made him feverishly glad to wound her he allowed more liberty every day. <...> He was horribly conscious of abusing her love for him, and the more he was aware of that, the more brutal he showed himself until sometimes he used to wonder in dismay if at the back of his mind the impulse to destroy his love altogether had been born [1, 318].* («Он знал, что причиняет ей страдания, но понимание этого лишь подстёгивало его эгоистическую пылкость. В их отношениях появилась какая-то жестокость, что самому Гаю было ненавистно, но в сложившихся обстоятельствах, когда он испытывал лихорадочное удовольствие от того, что причиняет ей боль, он ежедневно позволял себе всё больше вольностей. <...> Он с ужасом осознавал, что оскорбляет её любовь к нему, но чем больше он это понимал, тем более грубо себя вёл, пока не стал иногда в испуге задаваться вопросом, а не родилось ли в глубине его души стремление разрушить свою любовь до основания»).

Первая серьёзная размолвка влюблённых происходит, когда Гай узнаёт, что Полина была на исповеди. Его возмущает то, что постороннему человеку его невеста рассказывала о нюансах отношений, которые они не обсуждают даже между собой, и он требует, чтобы она отказалась от этого обычая. По сути, Гай ставит Полину перед выбором «любовь или вера» и впервые сознательно даёт ей возможность разорвать помолвку. Позже, успокоившись, он пытается понять, почему религиозность Полины нравилась ему раньше, но стала раздражать теперь: *“The spectacle of Pauline's simple creed had hitherto pleasantly affected his senses; and she had taken her place with the heroines of romantic poets and painters. It had been pleasant to murmur: “Pray but one prayer for me 'twixt thy closed lips,/ Think but one thought of me up in the stars”<sup>7</sup>: and to compare himself with the lover of **The Blessed Damozel** had been a luxurious melancholy. Pauline and he had worshipped together in chapels of Lyonesse where, if he had knelt beside her with rather a tender condescension toward her prayers, he had always been moved sincerely by the decorative appeal they made to him [1, с. 323].* («До сегодняшнего дня созерцание простодушной Полиной веры доставляло ему удовольствие; и она [Полина] заняла своё место среди героинь романтических поэтов и художников. Было так приятно шептать: “Помолись только раз обо мне сквозь сомкнутые губы, / Подумай лишь раз обо мне в вышине среди звёзд<sup>8</sup>”: а сравнение себя с возлюбленным **Блаженной девы** погружало в роскошную печаль. Вместе с Полиной они были в часовнях Лайонесса, где, если и преклонял колени рядом с ней с довольно нежным снисхождением к её молитвам, он был всегда искренне тронут их декоративной привлекательностью»).

<sup>7</sup> Строки из стихотворения У. Морриса “Summer Dawn”

<sup>8</sup> В сети Интернет есть украинский перевод М. Ореста: *Подумай мисль одну про мене в висоті, / Одну лише мольбу за мене піднеси.* Режим доступа: [http://oklib.com.ua/photos/zarubijna\\_literatura/pdf/litnie\\_svitannya-vilyam\\_morris-zarubijna\\_literatura.pdf](http://oklib.com.ua/photos/zarubijna_literatura/pdf/litnie_svitannya-vilyam_morris-zarubijna_literatura.pdf)



Если в первом случае образ Небесной подруги – Блаженной девы, предстаёт в контексте искреннего и трогательно чувства (хотя и несколько снижается в бытовых реалиях), второй раз он вписан в иронический обертоном, маркером которого выступает словосочетание *'a luxurious melancholy'*. Очевидно, что речь идёт об игре, позе страдающего влюблённого. Гай признаётся себе, что Полинина вера в Бога стала декоративным обрамлением множества его стихотворений. Ему становится стыдно, когда он вспоминает строки, которые теперь воспринимались как отвратительная неискренность, с которой он позволил поиграть своему перу: *"Her faith had been the decorative adjunct of a great deal of his verse, and he flushed hotly to remember lines that now appeared as damnable insincerities with which he had allowed his pen to play"* [1, с. 323]. Романтизация и эстетизация Гаем образа Полины – сотворение из неё Музы, Прекрасной дамы - искажает «пасторальную» природу героини, выступающей самим воплощением естественности и любви, в некотором роде «лишает» её жизни (пример «убийственной» эстетизации – Сибилла Вэйн), и это сыграет свою фатальную роль в расставании влюблённых.

Гай понимает, что воспетое им благочестие Полины было реальным и способным обратиться против него и его любви. Он вспомнил, что, читая стихотворение Кристины Россетти об отречении от возлюбленного, который не разделял её веру в Бога, он думал, что это поэтическое преувеличение. Теперь Гай понял, что так могло быть на самом деле: *"Now indeed he could see why she was so much the greatest poetess of them all: her faith had been real. Lines from that Sonnet of sonnets came back to him, broken lines but full of dread: "I love ... God the most; / Would lose not Him but you, must one be lost:"* [1, с. 324]. («Теперь он действительно понял, почему она была величайшей поэтессой среди них всех: её вера была настоящей. Строки из «Сонета сонетов» пришли ему на ум, разорванные строки, но внушающие трепет: "Я люблю ... Бога больше всего; / Потерять его не могу, лишусь тебя, утраты одного не избежать"».)<sup>9</sup>

В приведённых отрывках из трёх интертекстем атрибутирована только одна, цитата из поэмы Кристины Россетти *"Monna Innominata: A Sonnet of Sonnets"*, которая намечает дальнейшее развитие сюжета, а именно расставание влюблённых. Две другие отсылают к творчеству выдающегося поэта, художника, дизайнера, издателя, «универсального человека» эпохи викторианства Уильяма Морриса. В первом случае это начальные строчки стихотворения *Summer Dawn* («Летний рассвет»), посвящённое тому, как лирический герой вместе с просыпающейся природой страстно ждет рассвета и хотя бы мысленного знака от своей возлюбленной (в романе Маккензи подобная сцена будет вписана в сюжет). Во втором случае речь идёт о реминисценции, вызывающей в памяти поэму Морриса *The Chapel in Lyonesse* («Часовня в Лайонессе»). Страстный поклонник Средневековья и активный участник «артуровского возрождения», многие свои произведения, в том числе поэтические, У. Моррис создавал на основе образов и мотивов легенд о рыцарях «Круглого стола». К ним относится и «Часовня в Лайонессе», где представлены монологи трёх персонажей: сэра Озанны Храброе сердце, похороненного в часовне, но не умершего, «зависшего» между сном и явью, жизнью и смертью, сэра Галахада и сэра Борса де Ганис, созерцающих эту странную «жизнь в смерти».

<sup>9</sup> В сети Интернет есть достаточно вольный перевод Тани Каммер: *Любить сильнее могу я только Бога, / Поверь, не оглянусь я у порога ...* Режим доступа: <http://www.proza.ru/2013/11/02/754>; и не очень точный перевод Дмитрия Густова: *Люблю тебя, но Бог сильнее любим; / Как быть, ведь в сердце может быть один;* Режим доступа: [http://samlib.ru/g/gustow\\_d\\_j/m\\_i\\_6.shtml](http://samlib.ru/g/gustow_d_j/m_i_6.shtml)

Если учесть, что Лайонесс – легендарная страна, упоминающаяся в сказаниях о короле Артуре, то упоминание Гая о том, что они были в часовнях Лайонесса, – свидетельство того, что герой в значительной мере живёт в мире фантазий, как и Полина, проживая там не только свою любовь, но и свою славу, и мечты о создании Поэтической академии.

Примечательно, что имя Уильяма Морриса ни разу не упоминается в тексте «Гая и Полины», хотя влияние его эстетики и философии здесь самое существенное. Оно определяет не только художественные пристрастия героя, но и его жизненную модель. Само решение Гая бросить все и уехать в деревню писать стихи – это стремление в моррисовском духе соединить природу и искусство. По словам исследовательницы творчества У. Морриса Э. В. Седых, писатель стремился «... согласовать поэтическую мечту с практицизмом бытия, сделать искусство жизнью, а жизнь – искусством. В такой идеальной жизни красивый человек, создающий красивые вещи, жил бы в красивом окружении, где бы слились воедино все составляющие моррисовского синтеза искусств: прекрасный Дом, совершенная Книга и гармоничная Личность» [7, с. 21]. Именно поэтому в романе уделяется такое большое внимание дому. Плэшез Мид – старинное здание постройки 1590-го года, настолько срослось с окружающим пейзажем, что стало его органичной частью, напоминая обнажившуюся породу, “... *the house displayed itself as much an integral part of the landscape as an outcrop of stone*” [1, с. 15]. Дух Средневековья и вписанность в природу – это выбор дома в моррисовском духе. В романе Маккензи подробно описаны интерьеры, библиотека, окружающий сад, что в эстетике Морриса было важно: «Моррис был ваятелем эстетичного дома; он стремился не только украшать интерьеры и эстетизировать окружающую среду, но и придавать дому осмысленное литературно-живописно-декоративное звучание» [7, с. 19-20].

Фигура Уильяма Морриса послужила прототипом для образа художника Джона Ламберта, чьё поместье, Лэдингфорд Мэнор (*Ladingford Manor*), Гай посещает вместе с Полиной и её сестрой Маргарет: “<...> *and so the three of them set out across a path in the meads that Guy populated with romantic figures of the mid-Victorian days. On this style Swinburn may have sat; here Burne-Jones may have looked back at the sky; and surely it were reasonable to suppose that Rossetti might have tied up his shoe on this big stone by the brook, even as Guy was tying up his shoe now*” [1, с. 190-191]. («<...> и вот они втроём отправились по тропинке через луга, которые Гай тут же населил романтическими фигурами средневикторианского периода. На этом перелазе мог сидеть Суинберн, вот тут Бёрн-Джонс мог оглянуться и посмотреть на небо, ну и вполне резонно можно было предположить, что Россетти мог завязывать шнурок на ботинке, поставив ногу на этот большой камень у ручья, как это делает сейчас Гай».)

В описании интерьеров Лэдингфорд-Мэнор, гобеленов и книг, изготовленных Джоном Ламбертом, картин, где изображена миссис Ламберт в образе Сидонии, Гиппархии, Эрменгарды и королевы Бланш угадывается наследие Морриса, в частности, его летний дом Кельмскотт Мэнор, который наряду с другими домами, в которых он жил, воплощал «его идеал синтеза искусств, взаимодействия литературы с живописью и декоративными искусствами (Ред Хауз, Кельмскотт Мэнор, Кельмскотт Хауз)» [7, с. 19-20]. Хотя вышеперечисленных картин не существовало, они вызывают ассоциации со множеством других женских портретов, написанных Моррисом и прерафаэлитами: Гвиневры, Лилит, Прозерпины, Марианны и др. Такой «тип отсылки к несуществующим произведениям искусства и литературы» можно обозначить термином «псевдоинтертекстуальность» [8, с. 80]. Отказавшись от имени Морриса,

Маккензи создаёт универсальный образ человека-творца, которым мечтает стать Гай вслед за своим кумиром.

Моррисовское влияние моделирует и образно-композиционный строй романа, организованного по принципу «времен года». Э. Седых отмечает важность этой темы в творчестве У. Морриса: «Передача состояния, длительности – главная задача изобразительного искусства Морриса; отсюда его частое обращение к теме «Времена года», которые рассматривались им как упорядоченные циклы природы и человеческой жизни, состояния души. Для изображения времен года он использовал аллегорические женские фигуры <...>» [7, с. 27]. Присутствует этот приём и в романе «Гай и Полина». Сёстры Грей, ассоциируясь с Орами, богинями времен года, выступают аллегориями сезонов. Строгая и сдержанная Моника, «выписанная» в холодной гамме, – олицетворение зимы. Маргарет, чей портрет создан тёплыми красками, – воплощение чувственного лета. Юная и порывистая Полина, занимающая в цветовой гамме промежуточное положение между Моникой и Маргарет (голубые глаза, светло-каштановые волосы), – портрет весны. Осень воплощает миссис Грей.

Ещё одно весомое поэтическое «присутствие» в романе «Гай и Полина» связано с Робертом Браунингом. В романе упоминается его поэма «Полина» и приводятся цитаты из двух стихотворений, «Двое в Кампанье» и «Статуя и бюст». Первое произведение обращает на себя внимание идентичностью имён главных героинь, в чём можно усмотреть пример «интерфигуральной аллюзии» [8, с. 81]. Самому Гаю эта поэма не нравится. По его мнению, Браунинг не уважает свою Полину, обходясь с ней слишком эгоистично, но в дальнейшем со своей Полиной будет вести себя практически так же. Обращает на себя внимание ряд биографических совпадений: Браунинг в юности по линии дипломатического ведомства, побывал в России и Персии. Гай служил в Македонии и планировал в конце романа отправиться в Персию, но в конце концов возвращается в Македонию, откуда когда-то сбежал в пасторальную реальность. Стихотворение Браунинга «Двое в Кампанье» посвящено теме сложности любовных взаимоотношений. Оно о том, что двое одним стать не могут, даже при огромном желании. Поэма «Статуя и бюст» – история неосуществившейся любви, развивающая тему скоротечности молодости и общий контекст неспособности современных молодых людей к реализации великой истории любви.

Поэтические аллюзии в романе «Гай и Полина» выполняют многообразные функции, придавая в целом тривиальному сюжету объём и глубину. Любовная история Гая и Полины предстаёт, с одной стороны, одной из многих подобных историй, уже рассказанных в мировой литературе. С другой стороны, «поэтическое сопровождение» наделяет повествование лиризмом и психологической убедительностью, и история гибели любви Гая и Полины обретает своё индивидуальное лицо, свежесть и значительность.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mackenzie C. Guy and Pauline / Compton Mackenzie. - London: Martin Secker, 1915. - 395 p.
2. Шекспир В. Двенадцатая ночь, или Что угодно / Вильям Шекспир // Вильям Шекспир. Собрание сочинений. – Харьков: Фолио, Кристалл, 1996. – С. 533-655.
3. Китс Дж. Канун Святой Агнессы / Джон Китс // Поэзия английского романтизма. – М.: Изд-во «Худож. лит.», 1975. – С. 544-556.
4. Дьяконова Н. Я. Джон Китс. Стихи и проза [Электронный ресурс] / Н. Я. Дьяконова // Джон Китс. Стихотворения и поэмы. - Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. – Режим доступа: [http://read.newlibrary.ru/read/kits\\_dzhon/page0/stihotvorenija\\_i\\_poyemy.html](http://read.newlibrary.ru/read/kits_dzhon/page0/stihotvorenija_i_poyemy.html)

5. Keats, John. La Belle Dame Sans Merci [Электронный ресурс] / John Keats // John Keats. Works. – London: Macmillan, 1884; Bartleby.com, 1999. – Режим доступа: <http://www.bartleby.com/126/55.html>
6. Кружков Г. М. Видение красоты в прерафаэлитской поэзии / Г. Кружков // Поэтический мир прерафаэлитов. Новые переводы. – Режим доступа: <http://profilib.com/chtenie/133604/alfred-tennison-poeticheskiy-mir-prerafaelito-2.php#t1>
7. Седых Э. В. Творчество Уильяма Морриса в контексте эстетизации средневековья и взаимодействия литературы с другими видами искусства: автореферат дисс. ... доктора филол. наук: спец. 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» [Электронный ресурс] / Э. В. Седых. – Санкт-Петербург, 2009. – 43 с. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/v/314810/a/#?page=1>
8. Папкина Д. С. Типы литературных аллюзий [Электронный ресурс] / Д. С. Папкина // Вестник Новгородского государственного университета. – 2003. - №25. – С. 78-82. - Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/typy-literaturnyh-allyuziy>

*Поступила в редакцию 05.07.16 г.*

**POETICAL ALLUSIONS AS AN INTERTEXTUAL COMPONENT  
IN COMPTON MACKENZIE'S NOVEL "GUY AND PAULINE"**

*L. V. Sapegina*

The article studies intertextual functionality of a number of poetical allusions in Compton Mackenzie's novel "Guy and Pauline". The intertext inclusions consequently considered include verse fragments, figures and motifs from the works by W. Shakespeare, J. Keats, D. G. Rossetti, K. Rossetti, W. Morris, R. Browning. The 'intertexts' analyzed serve as a genre-making element, project the plot development and are used as means of a personage characteristics (alter ego, a double). They also take part in building up certain themes and motifs (mystery, elopement, youth's transience).

**Keywords:** Compton Mackenzie, pastoral, intertextuality, allusion, quotation, youth's transience theme.

**Сапегина Лилия Вячеславовна**  
Донецкий национальный университет.

**Sapegina Lilia Vyacheslavovna**  
Donetsk National University.  
E-mail: lilsapeg18@mail.ru

УДК 811.111`373.7

## СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ГРАДУАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ

© 2016. С. Г. Ткаченко

---

В статье рассматриваются особенности структуры английских фразеологических единиц с градуальной семантикой. Материалом исследования послужили английские фразеологические единицы, в чьих лексикографических толкованиях был зафиксирован градуальный маркер. Наиболее распространенными структурными типами являются глагольные и субстантивные фраземы (фразеологизмы со структурой словосочетания), к менее многочисленным типам относятся адъективные и адвербиальные фраземы. Коммуникативные фразеологические единицы характеризуются наименьшей частотностью.

**Ключевые слова:** градация, градуальная семантика, фразеологическая единица

---

В свете все большей популярности антропоцентрического подхода к изучению языка градация, отражающая способность человеческого сознания соотносить и сравнивать объекты окружающей действительности, входит в сферу научных интересов зарубежных и отечественных лингвистов. Градуальность рассматривается как одна из универсальных категорий языка, то есть общее свойство, которое отражается с помощью специальных средств. Истоки лингвистической интерпретации этой категории были заложены в работе Э. Сепира, где градуирование было определено как «психологический процесс, предшествующий измерению и счету» [1: 43]. За последние десятилетия эволюционировало понимание природы этого явления от рассмотрения градуальности как понятийной или логической категории на раннем этапе (Г. П. Павский, А. А. Шахматов, В. В. Виноградов), семантической или лексико-грамматической категории в работах конца XX века (Н. Д. Арутюнова, М. Бирвиш, Ч. Осгуд, Дж. Суси, И. Г. Соколова, Л. Тондл, И. И. Туранский, Е. И. Шейгал) или функционально-прагматической (С. М. Колесникова, Н. Н. Горшкова, Л. Н. Марчук, Т. М. Спильнык) в современных научных работах. Вслед за Т. В. Подуфаловой градуальность в данной работе понимается как свойство признака, его способность изменяться (проявляться в той или иной мере, степени) и быть зафиксированным в определенный момент изменения [2: 22].

Одним из перспективных направлений исследования представляются фразеологические единицы (далее – ФЕ) с градуальной семантикой, которые, с одной стороны, являются средством выражения универсальной категории градации, а с другой, отражают лингвокультурную специфику того или иного языка. В. А. Маслова [3: 38] рассматривает фразеологизм как текст, образующий двойную связь с культурой, через его «внутреннюю» и «внешнюю» формы. О. Л. Бессонова [4: 68] отмечает, что внутренняя форма фразеологизма выступает своеобразным посредником в связи ФЕ с культурной действительностью, в силу того, что фактуальный план внутренней формы ФЕ фиксирует реальный фрагмент культуры. Особая роль фразеологических единиц в изучении градации обусловлена тем, что ФЕ передают отношение субъекта к фактам окружающей действительности, усиливают логическое и эмоциональное содержание, выражают интерпретацию и оценку окружающего мира [5: 148-149]. Лингвокультурологический аспект изучения фразеологических единиц (ФЕ) с градуальной семантикой определяет актуальность исследования.

Фразеологизмы с градуальной семантикой представляют собой устойчивые, воспроизводимые единицы, наделенные целостным значением, в структуре которых обязательно наличие градусемы [6: 5]. Градусема, зафиксированная в структуре фразеологического значения, может актуализировать один или несколько градуальных признаков, входящих в семантическую структуру фразеологизма. Градуальный признак, т.е. признак способный изменяться, проявляться в той или иной степени, может быть зафиксирован в лексикографических толкованиях эксплицитно или имплицитно. Парадигма степеней сравнения прилагательных и наречий является одним из самых иллюстративных средств экспликации градации в языковой системе, относящихся к «грамматикализованному ядру поля градуальности» [7: 50], например: *blood is thicker than water* (family relationships are **stronger and more important** than any others) ‘кровь не водица’. Имплицитное градуирование предполагает присутствие признака с необычайно большой или маленькой степенью его проявления, актуализируя неявное сравнение с объективно существующей нормой. Имплицитное градуирование реализуется через кванторные слова или (де)интенсификаторы в толковании значения ФЕ, например: *be rolling in the aisles* (laughing **a lot** while watching or hearing something) ‘покатываться со смеху’, *above board* (**completely** honest and legal) ‘честный, открытый, прямой’.

Целью данного исследования является анализ структурных особенностей ФЕ с градуальным признаком. Объектом исследования послужили 2942 фразеологические единицы английского языка, в структуре которых была зафиксирована градусема. ФЕ были отобраны методом сплошной выборки из специализированных англоязычных словарей Longman Idioms Dictionary, Cambridge Idioms Dictionary, Collins Cobuild Dictionary of Idioms, Oxford Idioms Dictionary for Learners of English. Предметом изучения являются структурные особенности английских фразеологических единиц с градуальным признаком.

Структурные особенности ФЕ с градуальной семантикой можно проанализировать на основе классификации А. В. Кунина [8], который выделяет такие классы ФЕ как: номинативные фраземы (ФЕ со структурой словосочетания), которые составили 82 % (2412 единиц) и коммуникативные ФЕ (единицы со структурой предложения), составляющие 18 % (529 единиц) см. табл. 1.

Таблица 1

Структурные типы английских ФЕ с градуальной семантикой

	Структурные типы	Кол-во	%	Примеры
<b>I.</b>	<b>Номинативные</b>	<b>2412</b>	<b>82</b>	
1.1.	Глагольные	1383	51	<i>break the back of</i> (to deal with the worst part of a problem) ‘завершить самую сложную часть чего-либо’; <i>to live in cloud-cuckoo land</i> (to think that things are much better than they really are) ‘жить в мире грез’;
1.2.	Субстантивные	617	15	<i>a gravy train</i> (something from which many people can make money and have a nice life) ‘кормушка, источник легких денег’; <i>gift of the gab</i> (the ability to talk a lot, or with a great effect) ‘дар красноречия’;
1.3.	Адъективные	265	12	<i>as keen as mustard</i> (very enthusiastic) ‘горящий желанием, полный энтузиазма’; <i>whistling in the dark</i> (seeming more confident about a situation than you really are) ‘демонстрирующий показной оптимизм; бодрящийся’;

Продолжение табл. 1

1.4.	Адвербиальные	147	4	<i>quick as a wink</i> (very quickly) ‘мгновенно’; <i>at a price</i> (for a lot of money) ‘не бесплатно’;
<b>II.</b>	<b>Коммуникативные</b>	<b>530</b>	<b>18</b>	
2.1.	Цельнопредикативные	353	12	<i>absence makes the heart grow fonder</i> (being away from sb you love makes you love them more) ‘в разлуке чувство крепнет’; <i>it's a bit much</i> (something is rather unfair, unreasonable or rude) ‘это уж чересчур’;
2.2.	Частичнопредикативные	177	6	<i>the hair of the dog that bit you</i> (an alcoholic drink that is supposed to make you feel better when you have drunk too much alcohol the night before) ‘подобное лечится подобным, клин клином’; <i>to think the world revolves around you</i> (to think that you are more important than anyone else) ‘думать, что весь мир вращается вокруг тебя’;
	Всего	<b>2942</b>	<b>100</b>	

Класс номинативных фразем является наиболее многочисленным и разнообразным. Номинативные фраземы, в свою очередь, разделяются на четыре типа: глагольные (1383; 51 %), субстантивные (617; 15 %), адъективные (265; 12 %) и адвербиальные (147; 4 %).

1.1. Глагольные ФЕ характеризуются наличием наибольшего количества моделей образования. Наиболее продуктивными моделями являются: Verb + Noun, например: *fan the flames* ‘раздувать пламя’, Verb + Preposition + Noun – *be on the mend* ‘идти на поправку’, Verb + Noun + Preposition – *get a wiggle on* ‘поторапливаться; пошевеливаться’, Verb + Noun + Preposition + Noun – *keep the wolf from the door* ‘сводить концы с концами’, Verb + Adjective – *go the extra mile* ‘делать все возможное’, Verb + Noun + Preposition + Adjective + Noun – *wrap somebody in cotton wool* ‘пылинки сдувать’, Verb + Adverb – *breathe easy* ‘вдохнуть с облегчением’. В целом для глагольных фразем с эксплицитным градуальным признаком характерны распространённые модели образования с многочисленными компонентами, усложняющими их структуру. Среди глагольных фразем с градуальным признаком преобладают единицы с подчинительной структурой, выражающие объектные и объектно-обстоятельственные отношения.

1.2. Субстантивные фраземы с градуальным признаком являются второй по количеству группой номинативных фразем. В этой группе также можно выделить различные образовательные модели, однако, многие из них представлены лишь немногочисленными примерами. Наиболее продуктивными являются модели Adjective + Noun, например: *a vicious circle* ‘порочный круг’ и Noun + Noun – *halcyon days* ‘мирные, счастливые дни’. Проявляют более низкую частотность модели Noun + Preposition + Noun (*icing on the cake* ‘вишенка на торте, нюанс, делающий благоприятную ситуацию лучше’) и Adjective + Noun + Preposition + Noun (*the black sheep of the family* ‘белая ворона’). Наиболее характерными структурными типами субстантивных фразем с эксплицитным градуальным признаком являются атрибутивные фразы и предложно-именные образования с подчинительной связью. Сочинительная связь (например: *belt and braces* ‘излишняя перестраховка’) является менее продуктивной.

1.3. Адъективные фраземы имеют сравнительно меньше образовательных моделей. Среди этих единиц преобладают словосочетания с подчинительной связью. Несмотря на

небольшое количество, в ней можно выделить некомпаративные фраземы и компаративные (ФЕ с компонентами *as* и *than*). К повторяющимся моделям образования относятся Adjective + Adjective (*short and sweet* ‘краткий и по делу’), Preposition + Noun (*in mothballs* ‘пропахший нафталином, неактуальный’), Adjective + Conjunction + Noun (*larger than life* ‘больше натуральной величины, колоссальный, невероятный’). В этой группе зафиксированы немногочисленные ФЕ с сочинительной связью, среди ФЕ с подчинительным видом связи самым частотным является предлог *in*.

1.4. Адвербиальные ФЕ имеют наименьшее количество образовательных моделей. В этой группе также выделяются компаративные и некомпаративные ФЕ. Среди повторяющихся моделей образования можно отметить Preposition + Noun – *to a fault* ‘чрезмерно, чересчур, слишком’, Preposition + Adjective – *in the raw* ‘как оно есть’. Однако, встречаются и распространенные модели образования, например: *out of the frying pan into the fire* ‘из огня да в полымя’, *in the grand scheme of things* ‘по большому счету’. Адвербиальные ФЕ разделяются на качественные и обстоятельственные. Подавляющее большинство исследуемых единиц характеризует образ действия, например: *one step ahead of* ‘на шаг впереди’.

Класс коммуникативных ФЕ с градуальной семантикой представлен группой цельнопредикативных ФЕ (со структурой простого или сложного предложения) и частичнопредикативных ФЕ (со структурой придаточного предложения).

2.1. Коммуникативные ФЕ представлены пословицами и поговорками, которые составляют 353 единицы (12%). В исследуемой группе зафиксированы повествовательные и побудительные предложения. Вопросительных пословиц или поговорок с градуальным признаком не зафиксировано. Большинство ФЕ, относящихся к этой группе, являются простыми утвердительными предложениями, например: *familiarity breeds contempt* ‘чрезмерная близость порождает презрение’. В группе цельнопредикативных ФЕ зафиксированы также единицы, являющиеся простыми отрицательными предложениями (*somebody is not long for this world* ‘кому-то недолго осталось жить’) и сложные предложения (*there’s more to smb/sth than meets an eye* ‘все не так просто, как кажется’). Как среди простых предложений, так и среди сложных предложений встречаются фразеологизмы (9; 5%) без фиксированного подлежащего, например: *something begs the question* ‘1) что-то является голословным утверждением, 2) что-то требует доработки’. Отсутствующее подлежащее в таких случаях подставляется в процессе употребления.

2.2. Самым немногочисленным структурным подклассом являются так называемые номинативно-коммуникативные ФЕ со структурой придаточного предложения, которые А. В. Кунин называет частичнопредикативными. Примерами таких оборотов являются: *bite off more than you can chew* ‘откусить больше, чем можешь прожевать, пожадничать, зарваться’, *to know how the other half leave* ‘знать как живется людям беднее/богаче тебя’, *the hair of the dog that bit you* ‘подобное лечится подобным, клин клином вышибают’. Данная группа ФЕ является крайне малочисленной и составляет всего 6% от выборки (177 единиц). Как видно из примеров, частичнопредикативные ФЕ бывают глагольными и субстантивными и различаются по типу придаточного предложения. Антецедент частичнопредикативных оборотов может выражаться одним словом (*know* в ФЕ *to know how the other half leave*) или словосочетанием (*bite off more, the hair of the dog*). Во всех частичнопредикативных ФЕ с градуальным признаком градосема указывает на степень интенсивности качества или действия. Частичнопредикативные ФЕ представлены в основном глагольными и субстантивными единицами.



*Заключение:* Анализ отобранного материала показал, что ФЕ с градуальным признаком представлены в основном фраземами, т.е. ФЕ со структурой словосочетания и в значительно меньшей степени ФЕ со структурой предложения.

В классе номинативных фразем большинство исследуемых единиц относятся к типу глагольных фразем, крайне разнообразных по своей структуре. Среди глагольных фразем с градуальным признаком преобладают единицы с подчинительной структурой, выражающие объектные и объектно-обстоятельственные отношения. В группе субстантивных ФЕ также можно выделить достаточно много образовательных моделей, однако, многие из них представлены немногочисленными примерами. Чаще всего градуальные ФЕ этой группы являются атрибутивными фразами и предложно-именными образованиями с подчинительной связью. Адвербиальные и адъективные фраземы имеют значительно меньше образовательных моделей, большая часть которых представлена немногочисленными ФЕ, среди которых также преобладают словосочетания с подчинительной связью. Класс коммуникативных ФЕ с эксплицитно выраженным градуальным признаком представлен преимущественно простыми повествовательными предложениями, среди которых можно выделить фразеологизмы без фиксированного подлежащего. Частичнопредикативные ФЕ – крайне малочисленны и представлены в основном глагольными и субстантивными единицами.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сепир Э. Градуирование: Семантическое исследование / Э. Сепир // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. № 16. – С. 43 - 78.
2. Подуфалова Т. В. Когнитивно-семантические и функциональные особенности градации в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. В. Подуфалова. – Харьков, 2006. – 240 с.
3. Маслова, В. А. Национальный характер сквозь призму языка : монография [Текст] / В. А. Маслова. – Витебск, 2011. – 68 с.
4. Бессонова О. Л. Фразеологические единицы с национально-культурным компонентом значения в британском и американском вариантах английского языка: семантика и структура / О. Л. Бессонова, А. А. Гайдаш // Філологічні трактати. – Т. 6, № 1. – 2014. – С. 67-73.
5. Трофімова О. В. Фразеологія негативних емоцій в англійській та українській мовах : монографія [Текст] / О. В. Трофімова // Лінгвокогнітивні та лінгвокультурологічні дослідження. – Том 1, Донецьк : ДонНУ, 2013. – 269 с.
6. Горшкова Н. Н. Фразеологические единицы с градуальной семантикой в современном русском языке // Н. Н. Горшкова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Моск. гос. обл. ун-т, – 2004. 21 с.
7. Колесникова С. М. Градуальность: системные связи и отношения в русском языке. / С. М. Колесникова. – М.: МПГУ, 2012. 294 с.
8. Кунин А. В. Фразеология и количественный подход к изучению фразеологических единиц // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц / А. В. Кунин. – Тула: ТГПИ, 1968. – С. 36-41.

*Поступила в редакцию 20.11.16 г.*

#### STRUCTURAL PECULIARITIES OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS WITH GRADUAL SEMANTICS

*S. G. Tkachenko*

The article focuses on the structural peculiarities of the English phraseological units with gradual semantics. The idioms under study comprise gradual markers in their definitions. The most productive types are

verbal and substantive phrasemes (having the structure of a phrase), adjectival and adverbial phrasemes are somewhat less productive. Communicative phraseological units belong to the least numerous group.

**Keywords:** gradation, gradual semantics, phraseological unit

**Ткаченко Софья Геннадьевна.**

Аспирант кафедры английской филологии.

Донецкий национальный университет.

**Tkachenko Sofia Gennadiivna**

Postgraduate student of English Philology Department.

Donetsk National University.

E-mail: [curuxa.sabia@gmail.com](mailto:curuxa.sabia@gmail.com).

УДК 81`342,81`23

## ПОСТРОЕНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ РЕЧИ КАК ЕДИНЫЙ ПРОЦЕСС ОБЩЕНИЯ

© 2016. *Е. В. Филатова*

---

На основе сопоставления выясняется характер передачи содержания речи в устной и письменной формах. В результате наблюдений за устной речью как первичной и естественной формой общения, за делимитацией её субъектом выясняются реальные единицы порождения и восприятия речи, их признаки и функции. Уделяется внимание разделению речевых единиц по их участию в порождении или оформлении речи, а также по их отношению к устной и письменной её формам.

**Ключевые слова:** язык, речь, порождение речи, исходная единица речи, синтагма.

---

В науке существует несколько концепций порождения (построения) речи, представленных лингвистами и психолингвистами. В связи с этим возникает естественный вопрос: почему процесс порождения речи у всех людей один, а его интерпретаций несколько? Такая ситуация вызывает сомнения относительно своей логичности и объективности, заставляет размышлять о её причинах. Очевидно, что научная концепция порождения речи должна строиться на основе речевой деятельности с учётом всех её видов – и продуцирующих, и рецептивных. Ею же она должна проверяться и верифицироваться. Вспомним наиболее известные из этих концепций.

Н. Хомским была предложена стохастическая модель порождения речи, которая представляет речь в виде цепочки непосредственно составляющих её компонентов. Обосновывается она тем, что речь строится на основе элементарных “ядерных предложений”, квалифицируемых как непосредственно составляющие “базовые” языковые элементы. Речь у него представлена как последовательность элементов языка, появление каждого нового элемента в речевой цепи обусловлено предыдущими компонентами. Модель разработана на основе принципа, согласно которому язык является особым механизмом, создающим правильные фразы. Грамматические правила представляют систему, позволяющую порождать и понимать бесконечное число предложений. По отношению к синтаксической структуре предложения Хомский активно пользуется понятиями поверхностная структура, глубинная структура, ядерная структура. Поверхностная структура та, которую слышат или воспринимают при чтении. Глубинная структура отражает смысл высказывания. Ядерная – простейшая структура [1]. Эти мысли, безусловно, интересны, но они не проясняют вопроса о реальном построении речи и её исходной единице. Они интересны как попытки, направленные на изучение тех или иных сторон речевой деятельности. Исследователь выделяет общеизвестные лингвистические единицы, используя метод наглядной констатации, и не ставит своей целью определить реальную исходную единицу речи, выяснить её сущность и признаки. Обращает на себя внимание тот факт, что при построении конкретной классификации используются разные принципы, что сразу порождает сомнения в правомерности такого подхода.

Коллега Хомского Дж. Миллер, опираясь на результаты экспериментов, делает вывод о том, что человек при восприятии речи оперирует единицами, которые больше, чем отдельное слово [2]. Этот вывод важен в том отношении, что речевые единицы восприятия одновременно являются и единицами порождения речи, именно из них

составлены её структура и содержание, понять которое можно только на основе единиц его непосредственного порождения. Из каких единиц речь составляется, на их основе она и воспринимается. И наоборот, на основе каких единиц речь воспринимается, именно из них она непосредственно и составлена.

Основу теории порождения речи, предложенной Л.С. Выготским, составляют постулаты о единстве процессов мышления и речи, о соотношении понятий “смысл” и “значение”, а также учение о структуре и семантике внутренней речи. Согласно его теории, процесс перехода от мысли к слову осуществляется от мотива, порождающего мысль, к её оформлению: сначала отражению ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов и, наконец, в самих словах [3].

Утверждение Выготского – “Мысль не выражается, а совершается в слове” – воспринимается в качестве афоризма: такое же лаконичное и образное. Но оно не соответствует речевой практике. Мысль не совершается и не может совершаться в слове, так как она всегда отражает динамику, движение и время, тогда как слово – обобщённый знак, который статичен. По мнению А.А. Потебни, слово носит вневременной характер и вне речи мертво. Оно представляет отдельную обобщённую единицу наименования предмета, действия, качества, состояния. Так что мысль не совершается в слове, а выражается (и передаётся) в **сочетаниях слов**.

А.А. Леонтьев строит свою концепцию на основе структуры акта речевой деятельности, центральное место в ней занимает модель порождения речевого высказывания [4]. Процесс его порождения включает пять этапов. Начальным является мотивация, порождающая речевую интенцию – направленность сознания, воли, чувства субъекта на конкретный предмет. Вторым этапом является замысел, который преобразуется в обобщённую смысловую схему высказывания с чётким определением темы и ремы. Третий этап – внутреннее программирование, предполагающее процесс построения определённой схемы порождаемого высказывания. Реализуется он благодаря операции определения основных смысловых элементов, установления иерархии смысловых единиц в контексте высказывания и последовательности их в высказывании. Четвёртый этап отражает лексико-грамматическое распространение высказывания и знаменует переход от внутренней речи к семантическому отражению. Происходит переход к языковым единицам как средству объективного кода. И пятый этап завершает реализацию высказывания во внешней речи.

При решении проблемы психолингвисты уделяют психологическому аспекту порождения речи и схеме больше внимания, чем живой речи, в связи с чем их концепции носят схематический (“досинтаксический”) характер. В вопросе восприятия речи у них единое мнение: **единицей её восприятия является слово**, что выглядит неубедительно после мыслей И.А. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы об исходной речевой единице. К тому же если содержание речи составляется не из последовательного наращения значений слов как самостоятельных смысловых единиц языка, что признаётся всеми лингвистами, то как может слово быть единицей восприятия содержания, к составлению которого оно не имеет непосредственного отношения? Общий недостаток упоминаемых концепций порождения речи с их моделями, схемами и алгоритмами в том, что они, игнорируя разграничение сфер языка и речи, не только не прояснили вопроса о порождении речи, но и не определили её реальную исходную единицу. Трудно представить убедительную концепцию, не разграничивая сфер языка и речи, языковых единиц и речевых.

**Цель статьи** – отразить лингвистический (синтаксический) аспект построения речи, обращая основное внимание не на психологические предпосылки её порождения,

а прежде всего на характер лингвистического воплощения актуального содержания. Для этого необходимо:

- 1) разграничивать сферы языка и речи, как разные лингвистические форматы;
- 2) разграничивать и не смешивать языковые единицы и речевые: у них разные сферы, разные признаки, назначения и функции;
- 3) разграничивать устную речь (первичную, естественную, данную от природы) и письменную (вторичную, искусственную, созданную людьми);
- 4) разграничивать речевые единицы по их отношению к устной речи и письменной; у них разное материальное выражение и разные функции;
- 5) разграничивать речевые единицы по их участию в порождении речи или традиционном её оформлении, а также в её восприятии.

На наш взгляд, реальную картину порождения речи наиболее точно отразил В. фон Гумбольдт: *“Речь течет непрерывным потоком, и говорящий, прежде чем задуматься над языком, имеет дело только с совокупностью подлежащих выражению мыслей* (выделено нами – Е.Ф.). *Нельзя себе представить, чтобы создание языка начиналось с обозначения словами предметов, а затем уже происходило соединение слов. В действительности речь строится не из предшествующих ей слов, а, наоборот, слова возникают из речи”* [5, с. 100].

Гумбольдт отмечает спонтанность речи (*течёт непрерывным потоком*). При этом её субъект меньше всего занят языком, его внимание сосредоточено на передаваемом содержании (*на мыслях*). Трудно представить, да и наивно полагать, что сначала люди установили слова в качестве наименований предметов окружающего мира, а потом стали соединять их в речь. В реальности речь не строится из слов, а слова появляются из спонтанной речи в процессе общения. Данная концепция порождения речи представляется убедительной, её следует признать важным **исходным принципом** при исследовании речи, оценке полученных результатов и их верификации.

В процессе порождения речь (фраза, предложение) составляется не из единиц языка, а из минимальных единиц речи, которые автоматически возникают в сознании человека в результате спонтанной трансформации языкового материала в **речевой**. В устной речи вместе с её порождением осуществляется и восприятие на основе делимитации её исходных речевых компонентов говорящим с помощью интонации, в частности мелодики и пауз, что выливается в единый процесс общения с двумя субъектами – говорящим и слушающим.

При восприятии письменной речи текст расчленяется читателем на **минимальные единицы** – именно те, из которых были составлены его структура и содержание. Осознание читателем их границ, объёма и значения гарантирует ему точное понимание авторского содержания. Речь как формирование, передача и восприятие информации не просто предполагает делимитацию реальных исходных единиц, – без неё невозможно осмысление компонентов, из которых она составляется и на основе которых воспринимается.

В синтаксисе широкое распространение получила концепция, согласно которой исходной единицей построения речи (предложения) является слово: дескать, предложение строится путём распространения его структурной схемы с помощью лексических распространителей, т.е. отдельных слов, выступающих в качестве членов предложения. Она закрепилась в научных статьях, монографиях, учебниках, справочниках, словарях и известна каждому лингвисту и студенту. Но существует ряд фактов, которые свидетельствуют о том, что не всё так просто, как может показаться на первый взгляд, что такое решение вопроса противоречит логике, речевой практике и

научной истине, в связи с чем вызывает естественные сомнения. Во-первых, если речь строится из отдельных слов, почему она воспринимается не на уровне отдельных слов? В соответствии с логикой она должна восприниматься на основе тех единиц, из которых была непосредственно составлена, ведь именно они определили её содержание. Во-вторых, слова в языке многозначны, а в речи они однозначны. Кроме того, слово является общим кодовым средством для всех носителей языка, у него в системе языка обобщённый характер значения, тогда как речь индивидуальна, конкретна и носит креативный характер. В-третьих, против речепорождающей функции слов, которые, сочетаясь, образуют речевую цепь, свидетельствуют многочисленные факты, когда в речи между рядом стоящими словами отсутствует синтаксическая и смысловая связь. В-четвёртых, обращаясь к устной, речи, как первичной форме общения, можно убедиться в том, что говорящий разграничивает паузами не слова, а структурно-смысловые группы слов с единым значением [6], и это опровергает тезис о самостоятельности слова в предложении.

Что касается структурных схем предложения, то очевидно, что не строительство предложений является следствием структурных схем, а, наоборот, структурные схемы стали следствием анализа и обобщения устройства реальных предложений как речевых фактов, одним из способов их систематизации на основании особенностей их строения. Первичны не структурные схемы, якобы обеспечивающие носителям языка построение речи, а именно предложения как реальные речевые структуры.

Не менее сомнительна ситуация и со словосочетанием в роли речепорождающего компонента. Известно, речь **составляется путём последовательного наращивания исходных единиц**, на которые она легко и естественно членится. Несложно убедиться в том, что словосочетание не соотносится с идеей **последовательного наращивания** речевых единиц. Речь нельзя расчленить на словосочетания. Их из неё можно только вычленишь (если они вообще в ней есть). По мнению сторонников речепорождающей функции словосочетаний, предложение типа *Вчера они весь день отдыхали с друзьями на лесном озере* построено из словосочетаний *Вчера **отдыхали**, весь день **отдыхали**, **отдыхали** с друзьями, **отдыхали** на лесном озере* с использованием предикативного центра *они **отдыхали***. Словоформа **отдыхали** неоднократно повторяется в “строительных частях”, а в предложении она представлена один раз. Но если предложение построено из словосочетаний, где её остальные экземпляры? Думается, приведённых доводов достаточно, чтобы появилось сомнение в речепорождающей функции декларируемых единиц.

Отдельного слова в качестве самостоятельной единицы недостаточно для порождения речи. Слова изначально должны использоваться комплексно, совместно отражая элементарные факты содержания. Согласно синтагматической теории исходной структурой порождения речи является **синтагма** – конкретная, минимальная речевая единица, представляющая интонационное, грамматическое и смысловое сочетание нескольких слов с общим ситуативным значением. Она одномерна, т.е. недифференцирована, – такая, в которой единой конкретной структуре соответствует один компонент содержания. Внутри синтагмы пауз нет: они разрушили бы её структуру и содержание. Обычно синтагма включает несколько слов, но её также может образовать отдельное слово, если, по мнению субъекта речи, его достаточно для выражения мысли [7, с. 83]. Сочетаясь с другими синтагмами, оно меняет характер своего значения, сферу и статус – становится однокомпонентной синтагмой, минимальной единицей коммуникации. Ср.:

*После операции / ходить / долго не мог (был неподвижен) и*

*После операции / ходить долго / не мог* (быстро уставал).  
*Сегодня только / брат пришёл к нему* (до этого не приходил) и  
*Сегодня / только брат пришёл к нему* (больше никого не было).

Такое расчленение речи читателем на синтагмы возможно лишь потому, что именно такое построение возможно её автором при передаче конкретного ситуативного содержания. Чтобы читателю правильно понять автора, ему необходимо восстановить **авторскую интонацию**, отражающую разграничение, реальную структуру и значение всех исходных речевых единиц, из значений которых составлено общее содержание текста. Синтагма характеризуется конкретным речевым значением, которое обычно отличается от языкового, и нередко – весьма существенно. Чтобы увидеть различия между значениями языковой и речевой единиц, обратимся к следующему диалогу как наиболее типичной форме общения:

– *Ты позвонишь до перерыва или после него?* – **После.**

Ответная реплика **После** является самостоятельной синтагмой, которая выполняет функцию отдельного предложения с конкретным содержанием, т.е. функцию полного сообщения: **После** = *Я позвоню после перерыва*. Это речевое значение. В сфере языка (в словаре) ничего подобного у данного предлога мы не найдём. Речевое значение всегда обусловлено конкретной речевой ситуацией.

Слово имеет статус **самостоятельной единицы**, но не само по себе, а применительно к своей сфере – к сфере языка. В словарной системе оно действительно является отдельной, самостоятельной единицей, которая часто имеет несколько значений. В морфологии оно тоже самостоятельная единица, представленная в виде парадигмы всех своих словоформ.

Однако в сфере речи такой самостоятельной единицы, как *слово*, нет. Здесь слова обычно используются в единых структурно-смысловых группах и квалифицируются они иначе, так как представляют уже минимальную **единицу речи**, отражающую конкретную реалию действительности путём актуализации её акцидентных признаков.

Порождение речи и восприятие её содержания осуществляется на уровне синтагм. Содержание речи составляется из последовательного наращения значений синтагм, в той же последовательности они и воспринимаются. Даже на таком элементарном предложении, как *Брат купил книгу*, можно убедиться в том, что в разных речевых ситуациях оно будет восприниматься как однокомпонентное, двухкомпонентное или трёхкомпонентное. Достаточно проанализировать делимитацию его единиц в ответах на некоторые вопросы.

– *Что случилось?* – **Брат купил книгу** (одна синтагма);

– *Кто купил книгу?* – **Брат / купил книгу** (две синтагмы);

– *Что сделал брат?* – **Брат / купил книгу** (тоже две синтагмы, но уже иного качества в отношении их интонации и актуальности значений);

– *Что сделал брат с книгой?* – **Брат / купил / книгу** (три синтагмы).

Ответы представлены графически одной и той же структурой, но имеют разное содержание, состоят из разного количества синтагм, у них разная интонация и разная актуальность значения. Синтагмы, выделенные жирным шрифтом, могут выполнять функцию фраз в устной речи и предложений в письменной. Ср.:

– *Что случилось?* – **Брат купил книгу**;

– *Кто купил книгу?* – **Брат**;

– *Что сделал брат?* – **Купил книгу**;

– *Что сделал брат с книгой?* – **Купил**.

Разные по смыслу ответы свидетельствуют, что перед нами разные предложения – по интонации, структуре их исходных компонентов и актуальности значений. Хотя графически они представлены одними и теми же словами, в одних и тех же формах, и их последовательности. Но если эти предложения имеют разное содержание, то выходит, что не из слов как отдельных знаменательных единиц языка они составлены.

Если слова попадают в предложение в синтагме, то естественно, что их самостоятельность в структуре предложения вызывает большие сомнения, так как реально они являются компонентами не предложения, а своих синтагм, из которых составлено предложение. Предложение как речевая структура и слово как единица лексической и морфологической систем языка непосредственно не соотносятся, между ними нет отношений. Они соотносятся только через синтагму. Так что функции слов исчерпываются на уровне синтагм, которые в процессе общения обычно автоматически появляются в сознании человека в виде лексического комплекса с единым ситуативным значением. Объединять слово и предложение – значит смешивать не только единицы разных лингвистических сфер, но и сами сферы. В предложении и в речи в целом слова попадают не как самостоятельные единицы, а как **заданные компоненты синтагм**. Как звуки – заданные элементы морфем и слов, точно так и слова – заданные компоненты синтагм. Различие в том, что в языке заданность всеобщая, а в речи она индивидуальная, авторская.

Если в речи отдельное слово интонационно выделяется паузами, что, безусловно, указывает на его самостоятельность, то это уже однокомпонентная синтагма, а её связи и отношения с аналогичными единицами подтверждают такую мысль.

Синтагмы в речи не строятся. Они появляются в сознании спонтанно на основании знаний, умений и речевых навыков, доведённых до автоматизма, в результате психоречевой реакции личности на актуальную ситуацию или информацию. Синтагма – это индивидуальное креативное порождение [8, с. 173]. Автоматически сочетаясь в подсознании человека в синтагму, слова объединяют свои значения [9], благодаря чему появляется структурно-смысловой речевой блок как минимальная единица коммуникации. И только при трансформации устной речи в письменную синтагмы сознательно уточняются, подвергаются шлифовке и отделке.

Слова в языке и они же, объединённые в синтагму (а на уровне синтагм – в предложения, высказывания и тексты), имеют разное качество значения: первые – обобщённое, вторые – ситуативное. На этот факт обращали внимание А.А. Потенба, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба. Для их разграничения И.А. Бодуэн де Куртенэ использовал даже разные термины: **лексема** – для слова в языке и **синтагма** – для слова в предложении. Однако термин **синтагма** не прижился в лингвистике. Бодуэн де Куртенэ допустил неточность: у него синтагма по объёму была эквивалентна слову, в связи с чем его концепция не была принята. Вместе с ней в тень ушли важнейшие научные и методологические идеи, мысли о необходимости разграничения сфер языка и речи, языковых единиц и речевых, а также мысль о реальной исходной речевой единице.

Синтагмы – многоаспектные единицы [10, с. 104]. Их типологические характеристики осуществляются по разным показателям: 1) структуре; 2) объёму; 3) активности в речи; 4) функциям; 5) отношению к устной и письменной формам речи; 6) внешним и внутренним синтаксическим связям и значениям; 7) морфологической характеристике ключевого слова; 8) отношению к другим речевым единицам.

По **структуре** синтагмы бывают простые, 1-словные, и составные, включающие несколько слов; 1-словных синтагм в русской речи порядка 15%, а составных – соответственно около 85 %.



По объёму синтагмы разделяются на 1-словные, 2-словные, 3-словные и т.д. По мнению Н.В. Черемисиной, объём синтагм в русской речи включает до семи слов [11, с. 29]. Наше сопоставительное исследование объёма синтагм в художественной, научной и разговорной русской, английской и украинской речи в принципе подтверждает этот вывод применительно к русской речи.

**Активность** синтагм в речи – весьма важный их функциональный показатель. Она обусловлена их объёмом. С увеличением объёма синтагм (начиная с 4-словных) их активность резко снижается. Наиболее активные 2-словные и 3-словные синтагмы. У них примерно одинаковая активность: вместе они составляют от 55 до 60% текста и используются в 8–9 раз чаще, чем 6-словные, и в 17 раз чаще, чем 7-словные синтагмы.

У синтагм несколько **функций**, но основных две – порождение речи при их наращении и восприятие её путём последовательного их осмысления. Эти функции в устной речи очевидны, в письменной их несложно определить путём моделирования авторской интонации, “вписанной” в текст. Письменная речь – результат трансформации устной речи в графическую форму на основе традиционных средств, правил и приёмов. Так что способ порождения речи один, а форму её представления – устную или письменную – субъект выбирает по необходимости. Функции остальных речевых единиц заключаются в традиционном оформлении речи (например, выделение в тексте типичных структурно-смысловых его частей).

Синтагма, как и другие речевые единицы, соотносится с формами речи. Она единственная из всех речевых структур функционирует как в устной, так и в письменной формах. Остальные единицы разделяются на структуры, которые характерны только для устной формы (фраза и сообщение) или только для письменной (предложение, высказывание и текст), что вполне естественно, так как они имеют разное материальное выражение и выполняют разные функции.

Количество фраз в конкретной устной речи – величина постоянная. Но если её будут записывать на слух несколько человек и им придётся самостоятельно выделять в ней предложения, то количество предложений у них окажется разным. У каждого будет своя предложенческая структура контекста. Видимо, поэтому Л.В. Щерба призывал не смешивать фразу и предложение.

Сопоставляя синтагму с другими речевыми единицами можно отметить, что она предельно минимальна, недискретна, тогда как остальные речевые структуры являются составными, многомерными. Все они традиционно выделяются в тексте при последовательном наращении синтагм – для его адаптации. На уровне предложений легче восстановить авторскую синтагматическую структуру текста и его интонацию, а значит, быстро и точно понять передаваемые мысли.

Морфологическая природа синтагмы определяется по частеречной принадлежности её ключевого слова. Все речевые единицы – от синтагмы до текста – коммуникативные структуры. Синтагмам присущи внутрисинтагматические и межсинтагматические связи и отношения.

**Выводы.** При последовательном разграничении языка и речи, опираясь на авторскую делимитацию последней, можно убедиться в том, что речь имеет синтагматическую природу: исходной единицей её порождения и восприятия является не слово, а синтагма, минимальная индивидуально-авторская речевая структура, присущая всем видам речевой деятельности.

Адекватное восприятие содержания речи обеспечивается осознанием её авторской синтагматической структуры и интонации.

Синтагматическая сущность речи – реальность, осознание которой способствует формированию и развитию всех видов речевой деятельности, совершенствованию речевых умений и навыков, а также адекватному пониманию содержания текста при чтении.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский. – М.: МГУ, 1972. – 230 с.
2. Миллер Дж. Психолингвисты. Теория речевой деятельности (проблемы психолингвистики) / Дж. Миллер. – М.: МГУ, 1968. – 272 с.
3. Выготский Л.С. Мысль и слово / Л.С. Выготский // Мысль и речь // Изд. 5. – М.: Лабиринт, 1999. – 353 с.
4. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
5. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. – М., 1964. – с. 100.
6. Раева О.В. Синтагма и сегментация в устной спонтанной речи / О.В. Раева, Е.И. Риехакайнен // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. – 2015. – Вып. 4 (32). – С. 14–20.
7. Щерба Л.В. Фонетика французского языка / Л.В. Щерба. – М.: Учпедгиз, 1937. – 256 с.
8. Филатова Е.В. Авторская делимитация речи как способ представления её реальных исходных единиц / Е.В. Филатова // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 10, ч. 2, 2015. – С. 173–176.
9. Влавацкая М.В. Комбинаторная лингвистика: аспекты изучения сочетаемости слов / М.В. Влавацкая. – Новосибирск: НГТУ, 2016. – 244 с.
10. Филатова Е.В. Сопоставительное исследование объёма синтагм в русской, украинской и английской речи / Е.В. Филатова // STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA. – 1/ 2016. – Донецк. – С. 104–112.
11. Черемисина Н.В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь / Н.В. Черемисина. – М.: Русский язык, 1982. – 205 с.

*Поступила в редакцию 07.09.16 г.*

#### SPEECH CREATION AND PERCEPTION AS A SINGLE PROCESS OF COMMUNICATION

*E. V. Filatova*

Real units of speech creation and perception, their intonation delimitation by the subject and features are tackled in the article. The oral speech is treated as the initial main form of communication. The focus is made on demarcation of speech units in terms of their role in speech production, definite functions and their relation to its oral and written forms.

**Keywords:** derivative speech unit, language, speech, syntagma, syntagmatic speech recording, syntagmatic speech structure.

**Филатова Елена Владимировна**

Кандидат филологических наук, доцент.  
Донецкий национальный университет.

**Filatova Elena Vladimirovna**

Candidate of Philology, Associate Professor.  
Donetsk National University.  
E-mail: taranushchenko@mail.ru.

УДК 811.111'01

## СЕМАНТИКА ОЦЕНОЧНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОЦЕДУРА АНАЛИЗА

© 2016. *М.И. Хейхель*

---

Статья посвящена методике исследования семантических особенностей оценочных наименований лица в древнеанглийском языке, определены критерии отбора материала, описана процедура анализа корпуса выборки.

**Ключевые слова:** наименования лица, оценочные номинации, древнеанглийский язык

---

Основное направление современной лингвистики – исследование соотношения семантических процессов с когнитивными. К началу XXI в. лингвистика вышла на тот рубеж, на котором обозначилась необходимость видеть и изучать не только историческую изменчивость языка, его сложную системную организацию, но и «язык в человеке и человека в языке», «язык как дом сознания». Безусловной стала актуальность прежде всего диахронической семантики. Е.С. Кубрякова среди недостатков раннего этапа лингвокогнитивистики отмечает то, что «существенным ограничением являлось нежелание когнитологов рассматривать языковые явления в их широкой исторической перспективе. Между тем последующие исследования в данной области выявили явные преимущества синхронно-диахронного изучения фактов языка как позволяющего придать всему анализу очевидный объяснительный характер» [5, С. 6].

В отечественной лингвистике широко представлена когнитивная лингвистика, которая относительно своих методов заявляет, что при исследовании концептов и когнитивных процессов «делает выводы о типах и содержании концептов в сознании человека на основе применения к языку имеющихся в распоряжении лингвистики собственно лингвистических методов анализа с последующей когнитивной интерпретацией результатов исследования. Лингвистические методы, используемые для описания лексической и грамматической семантики языковых единиц, становятся методами лингвокогнитивного исследования» [6, С. 7]. Такое определение метода совершенно естественно и логично, учитывая, что когнитивная лингвистика позиционируется как разновидность особого (когнитивного) интерпретирующего подхода к анализу языка.

Обсуждая вопрос о возможности и необходимости использования историко-лексикологического и этимологического анализа, нацеленного на установление (восстановление) особенностей эволюции понятий, следует подробнее остановиться на особенностях современного диахронического исследования. В первую очередь это вопрос о закрепившейся неоднозначности употребления термина «синхронический (синхронный) анализ». Нередко под этим термином понимают анализ фактов только современного языка, забывая, что синхрония – это «состояние языка в определенный момент его развития как системы одновременно существующих взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов; период в развитии языка, выделенный условно по признаку отсутствия в нем изменений или же несущественности последних («синхронный срез языка»)» [4, С.26]. В результате диахроническое исследование противопоставляется синхроническому, и, поскольку

синхронический анализ соотносится с анализом системных отношений в языке, не принимается во внимание или берется под сомнение необходимость исследования системных отношений языковых фактов в современном состоянии языка как начального этапа любого исторического анализа в любом диахронном исследовании. Как первый этап анализа языковых фактов возможен только синхронный анализ, и такой анализ может быть самостоятельным как определенный синхронный срез языка. На каждом срезе языкового состояния возможен только синхронный анализ. По утверждению Л.П. Дроновой, диахронный анализ без синхронного не существует [4, С.27].

Вследствие существующего взаимоотношения между синхронным и диахронным подходами к фактам языка нельзя считать объективными результаты исследований, в которых факты современного языка без соответствующего исторического (историко-лексикологического) рассмотрения возводятся напрямую к праязыковому состоянию (праславянскому, прагерманскому и т.п.), без поэтапной реконструкции сразу к реконструкту индоевропейского уровня. Переход от фактов современного состояния языка напрямую к праязыковым реконструкциям возможен в том случае, если последовательный исторический анализ уже сделан в других работах, другими лингвистами, и на их выводы можно сослаться.

Рассмотрение оценочных номинаций лица в древнеанглийском языке позволяет выявить специфику мировосприятия носителей английского языка того времени и их культуры, так как оценочные наименования лица вербализуют психоповеденческие, внешние, социальные характеристики личности и являются важной составляющей национальной картины мира, образуют этнический культурный код. Коды культуры неоднократно рассматривались учёными, однако, несмотря на лингвосомиотический подход, исследования выполнены преимущественно с позиции синхронии (Гудков, Ковшова 2008; Красных 2002; Шаховский 2008), в то время как их диахроническому описанию не уделялось достаточного внимания.

В понятии ценности, которое является категорией философии и аксиологии с античных времен, выражается отношение социума к объектам действительности с позиций добра и зла, с одной стороны, и к человеку и его деятельности, с другой стороны. Взаимодействие субъекта с окружающим миром, в процессе которого происходит его познание, неизбежно приводит к формированию ценностного видения действительности, когда её объекты рассматриваются с точки зрения их значения для человека и удовлетворения его потребностей. Индивид, дифференцируя объекты по их значимости, дает им оценку, то есть реализует тем самым свое ценностное отношение. Категория оценки, тесно связанная с категорией ценности, нашла отражение в работах философов различных эпох (Аристотель, И. Бентам, М. Вебер, Т. Гоббс, П.С. Гуревич, В. Дильтей, Д. Милль, М. Мур).

В лингвистике категория оценки неоднократно являлась объектом исследования. Оценочное значение рассматривалось с точки зрения семантической структуры языкового знака (Арутюнова, 1988; Ахманова, 2004; Вольф, 1985; Кошель, 1985; Скребнев, 2003; Хидекель, 1985; Шаховский, 1987; Шмелев, 2003, 2008), с позиций лингвокультурологии и когнитологии (Карасик, 2002; Катермина, 2004; Костомаров, 1980, 1994; Писанова, 1999; Ретунская, 1996), в русле концептологии (Бессонова, Сарбаш, Трофимова, Олейник, Стоянова, 2012), в рамках социолингвистики (Жельвис, 2008; Карасик, 2002), в различных дискурсах (Камичиотти и Бонелли, 2004; Бэднарк, 2006; Бонди и Моринен, 2003), в области фразеологических исследований (Ковшова, 2008; Лошак, 1980).

Оценочные номинации лица в совокупности образуют антропоморфный код английской лингвокультуры, понимаемый как культурный код, репрезентирующий человека в описании предметов окружающего мира, явлений природы, различных действий и процессов (Гудков, 2004). Имена лица, принадлежащие данному культурному коду, являясь знаками вторичной семиотической системы, обладают, помимо общезыкового, ещё и особым значением, в структуре которого выделяется культурная коннотация, имеющая, в числе прочего, и оценочную составляющую.

Сложное взаимодействие между четырьмя параметрами коммуникации (автором, реципиентом, содержанием высказывания и действительностью) находит свое отражение в структуре оценки, включающей четыре основных компонента: субъект, объект, собственно оценку и её основание [7]. Оценочные номинации лица маркируют положительно или отрицательно основные характеристики субъекта, релевантные для англоязычной культуры. Таким образом, количество и характер, а также лексическое наполнение рассматриваемых подгрупп номинаций лица позволяет сделать выводы о ценностных установках, заключенных в оценочном компоненте значения единиц, образующих антропоморфный код английской лингвокультуры.

Диахронический подход будет определять методику исследования в целом. Корпус материала исследования сформирован на базе авторитетных словарей древнеанглийского языка: Concise Anglo-Saxon Dictionary под редакцией Джона Кларка Холла, а также Anglo-Saxon dictionary под редакцией Джозефа Босфорса и Томаса Носкота Толлера. Поскольку в словарях древнеанглийского периода зарегистрированы только лексемы и их современные эквиваленты, то в исследовании также использован Shorter Oxford English Dictionary, который основан на исторических принципах.

На этом этапе выделяются критерии отбора материала, которые целесообразно разделить на инвариантные и вариативные [7]. Инвариантным критерием будет наличие в дефинициях современного эквивалента маркеров, обозначающих лицо – *a person of, a person who, a person like, a person with, adjective+person, one who*. Вариативными критериями отбора материала служат маркеры и обозначения сем негативной и позитивной оценок, специальные пометы в дефинициях (*offensive, derogatory, coarse, vulgar, ironical, disapproving, contemptuous, slang, humorous, jocular, facetious, expletive*); индикаторы позитивной или негативной оценки в самом лексикографическом толковании слова (качественные прилагательные, которые помимо собственно признака, указывают на его позитивную и негативную оценку); семы, которые указывают на чрезмерность/недостаточность признака.

В качестве примера рассмотрим древнеанглийское слово *ðeof* I. (*ǣ, ēa*) *m.*, *criminal, 'thief,' robber* 'преступник, вор, грабитель'. II. *f. theft.* 'кража, воровство' (Concise Anglo-Saxon Dictionary), которое в современном английском языке имеет форму – *'thief'*.

В связи с отсутствием толковых словарей древнеанглийского языка обратимся к определению эквивалентов древнеанглийского *ðeof* из современного толкового словаря Shorter Oxford English Dictionary:

**Thief** [ORIGIN Old English *þīof, þēof* = Old Frisian *thiāf*, Old Saxon *þiof* (Dutch *dief*), Old High German *diob* (German *Dieb*), Old Norse *þjófr*, Gothic *þiufs*, from Germanic. Cf. *theft*.]

- 1) A person who steals or appropriates portable property from another or others, now spec. by stealth and without using force or violence. (OE)
- 2) A worthless or villainous man. Now Scot. & dial. (ME)

- 3) A protuberance in the snuff of a candle which causes the candle to gutter and waste. (E17)

**Robber** [ORIGIN Anglo-Norman, Old French rob(b)ere]

- 1) A person who commits robbery. (ME)

**Criminal** [ORIGIN Late Latin criminalis from Latin crimin-, crimen crime noun]

- 1) A person guilty or convicted of a crime. (E17)  
2) A person accused of a crime. (M–L17)

Инвариантным ядром является человек, что в словарных статьях выражено наличием *a person /a man*, негативная оценка во всех трёх определениях выражена в лексикографическом толковании, актуализируясь прилагательными (*guilty, convicted, worthless, villainous*), глаголами (*to steal, to appropriate, to accuse*), существительным (*a robbery, crime*).

Семантический анализ включает в себя также определение типа оценки.

Традиционно различают оценки по типам (независимо от оснований оценки) и видам (по характеру отношения субъекта к объекту). По своей природе оценки могут быть трех видов: 1) рациональные, 2) эмоциональные, 3) рационально-эмоциональные [1;4].

Рациональная оценка основана на логических суждениях об объективно присущему референту свойству. Шкала оценки в этом случае выглядит как оппозиция «норма / отклонение от нормы», «добро / зло» и др. Рациональная оценка, или оценка в денотате обычно фиксируется в дефиниции. В качестве ее маркеров выступают прилагательные, означающие положительную или отрицательную оценку и соответственно делящиеся на две категории: «хорошо» и «плохо». Выбор слов основан на принципе наличия семы «хороший» (например, *good, normal, reasonable, true* и т.д.) и «плохой» в смысле слова (например, *bad, abnormal, unreasonable, false* и т.д.). О.Л. Бессонова выделяет две группы рационально-оценочных слов [7]. К первой относятся непосредственно оценочные слова (маркер оценки содержится непосредственно в их дефиниции). Они противопоставляются производно-оценочным. Для определения оценки в структуре значения производно-оценочных слов необходима дальнейшая трансформация дефиниции, в частности, при помощи словарей идеографического типа.

Эмоциональная оценка также называется эмотивной, эстетической, чувственной. Этот тип оценки базируется на оценочных переживаниях, чувствах, эмоциях, то есть, ориентирован на эмоциональное отношение говорящего к предмету оценки и отличается определенной субъективностью. Отсутствие точного определения эмоции препятствует теоретическому обоснованию и построению эмоциональной оценочной шкалы. Трудно четко распределить оценочные наименования по аксиологической шкале, поскольку большинство из них выражают несколько эмоций. Соответственно, виды эмоциональной оценки могут быть представлены в довольно общем виде [7]. Главная оппозиция эмоциональной оценочной шкалы – противостояние «одобрение / осуждение», означающее + / – оценку.

В словаре эмоциональная оценка реализуется с помощью помет, которые имеют положительный (*approving, facetiously* и др.) или отрицательный характер (*disapproving, derogatory, derogatorily, offensive*).

Что касается маркеров рационально-эмоциональной, или смешанной оценки, они находят выражение и в дефиниции слова, то есть, в той части словарной статьи, в

которой фиксируется денотативная сфера, и в ремарке, которая традиционно закрепляет коннотативные признаки.

Таким образом, оценка может занимать какое-либо место в структуре значения слова или его лексико-семантических вариантов. Она может быть компонентом денотата или коннотации, а также может пронизывать оба аспекта лексического значения слова.

Лексема *ðeof* ‘преступник, вор, грабитель’ является оценочным наименованием лица и обладает рациональной оценкой. Оценка в данном случае носит отрицательный характер. Необходимо отметить, что в древнеанглийском данная лексема была мужского рода, а также была полисемична. Особенностью является тот факт, что второе значение древнеанглийского слова *ðeof* - ‘кража, воровство’ являлось формой женского рода и в современном английском имеет отдельную форму *a theft*. Также исследуемая лексема на данном этапе развития языка имеет значения ‘дрянной, подлый человек’, которое возникло в среднеанглийский период, однако сейчас используется как диалектное. В ранненовоанглийский период появляется значение ‘нагар’, которое сохранилось и в современном английском. Что касается происхождения, то лексическая единица *ðeof* ‘вор, грабитель’ произошла от прагерманского \**theubaz*, который также является основой для древнефризского *thiāf*, древнесаксонского *þiof*, среднеголландского и голландского *dief*, древневерхненемецкого *diob*, немецкого *dieb*, древнеисландского *þjófr* и готского *þiufs*. Можно сделать вывод о том, что данное понятие было и остается общим для многих германских языков, сохраняя свое оценочное значение в каждом из них.

Использование предложенной методики исследования оценочных наименований лица в древнеанглийском языке позволяет сделать выводы о ценностных установках лингво-культурного сообщества в динамике.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. / Н. Д. Арутюнова. – М., Наука, 1988. – 341 с.
2. Бессонова О.Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований / О. Л. Бессонова // Лингвоконцептология: перспективные направления / А. Э. Левицкий, С. И. Потапенко, И. В. Недайнова, редакторы. – Изд-во ГУ ЛНУ имени Тараса Шевченко Луганск, 2013. – С. 624.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – 168 с.
4. Дронова Л. П. Методика диахронического исследования и когнитивный подход к языку / Е. М. Вольф // Вестник Томского государственного университета. Филология. – Томск, 2013. – №2 (22). – С.22-39.
5. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2009. – № 1. – С. 5–12.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т.1.1. – С. 7-10.
7. Бессонова О. Л., Сарбаш О. С., Трофімова О. В., Олійник С. В., Стоянова І. Д. Процедури концептуального аналізу в різноструктурних мовах / За заг. ред. Бессонової О.Л. (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження. — Т. 7). — Донецьк: ДонНУ, 2012. — 359с.

Поступила в редакцию 20.11.16 г.

SEMANTICS OF OLD ENGLISH EVALUATIVE NAMES OF PERSON:  
ANALYSIS PROCEDURE

*M.I. Kheikhel*

The study deals with procedures of material selection from Old English dictionaries. The criteria are defined, the description of the stages of the analysis are described on the example of the Old English word *ðeof*.

**Keywords:** evaluation, Old English, names of person.

**Хейхель Майя Игоревна**

Аспирант кафедры английской филологии.  
Донецкий национальный университет.

**Kheikhel Maiia Igorevna**

Postgraduate student of English Philology Department.  
Donetsk National University.  
E-mail: kheikhelmaia@gmail.com.



## ПЕДАГОГИКА

---

УДК 378

### ПРОБЛЕМА АКТУАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕДУРНЫХ И ДЕКЛАРАТИВНО-ПРОЦЕДУРНЫХ ЗНАНИЙ В СОДЕРЖАНИИ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2016. А. И. Дзундза, В. А. Цапов

---

Декларативные и декларативно-процедурные знания в настоящее время доступны в интернете. Целесообразно университетское математическое образование переориентировать на формирование процедурных знаний, учить студентов алгоритмам, схемам логических переходов, методам доказательства.

**Ключевые слова:** декларативные знания, процедурные знания, цифровое поколение, сенсорное восприятие, аналитически цифровое восприятие.

---

Молодых людей, рождённых в XXI веке, в научно-педагогической литературе называют поколением Z, «цифровыми» или «электронными» детьми. Психологи утверждают, что у цифрового поколения имеются значительные специфические особенности функционирования памяти. Наши нынешние студенты являются типичными представителями цифрового поколения. Они, активные пользователи Интернета, в первую очередь запоминают не содержание источника информации, а место в Сети, где эта информация находится. Так же меняются основные характеристики внимания молодых людей – есть данные, что средняя продолжительность концентрации внимания поколения Z по сравнению с 10-15-летней давностью уменьшилась в несколько раз [2]. Иначе говоря, если 10 лет назад среднеуспевающий студент на лекции мог удерживать внимание в течение 30-40 минут, и это считалось нормой, то сейчас такую сосредоточенность демонстрируют единицы: основная масса студентов может сосредоточиться на одном понятии, факте не более 10-15 минут. Принимая или не принимая социокультурные ценности цифровой эпохи, мы понимаем, что эта эпоха реально существует, поэтому нужно проектировать учебно-воспитательную деятельность в ВУЗе в соответствии с условиями и правилами современного информационно-коммуникационного пространства.

Как известно, восприятие информации человеком условно разделяют на аналитически-цифровое и сенсорное. Сенсорное восприятие – это произвольное, пассивное получение информации. Так, например, человек, не прилагая усилий, произвольно запоминает наизусть фразы-клише, которые часто всплывают в виде контекстной рекламы в Интернете или по телевизору. В отличие от этого, аналитически-цифровое восприятие основано на анализе информации. У цифрового поколения современных студентов в силу недостаточного развития информационно-коммуникационной культуры, в силу неконтролируемости потока поступающей из сети информации чаще работает именно сенсорное восприятие. Безусловно, часто при этом найденная информация является беспорядочной, неосмысленной, затруднено ее применение на практических моделях. Наша задача – научить их не только правильно

искать нужную информацию, но и анализировать результаты поиска. Необходимо скорректировать цель обучения – сместить акценты с обучения содержанию теорий в сторону обучения алгоритмам поиска информации, методам анализа полученной информации и формирования умений применять информацию при решении задач.

Представители цифрового поколения неохотно запоминают содержание той или иной информации: для них привычнее и удобнее запомнить способ получения этой информации в Интернете. Многие преподаватели констатируют, что современные студенты «не знают формул». Наизусть элементарные тригонометрические формулы, табличные интегралы по нашей просьбе назвали всего лишь двое из 39 опрошенных нами студентов первого курса специальности «Прикладная математика», в то время как еще 10-15 лет назад отлично и хорошо успевающие студенты не испытывали трудностей при воспроизведении этих формул наизусть. И этот факт преподносится коллегами как доказательство падения уровня математической подготовки студентов, отставания в интеллектуальном развитии современных студентов. «Вот раньше у студентов и память была более развитой, и мышление, и грамотность, школьная подготовка была на несколько порядков качественней», – часто сетуют преподаватели. При этом студенты достаточно быстро находят в Интернете любую справочную информацию (хотя воспринимают эту информацию преимущественно на сенсорном уровне). Заметим, что некоторые преподаватели безнадежно отстают от студентов в развитии навыка поиска информации в сети.

С одной стороны, доступность любой информации практически в любое время суток меняет подход к необходимости ее запоминания. Фактически человеческий интеллект оказывается встроенным в некую единую информационно-коммуникационную интеллектуальную систему. Если ещё 10-15 лет назад студенты вынуждены были запоминать формулы, доказательства теорем и прочее либо записывать этот материал в справочники, конспекты, то современные студенты не видят в этом необходимости. С другой стороны, чрезмерная доступность любой информации в любое время создает у студентов иллюзию «абсолютной ненужности» работы в университетской аудитории и уверенности в возможности воспроизведения необходимых знаний. Зачем записывать лекцию, если любое определение, теорему, доказательство можно найти в Интернете. Наша задача – научить разумно комбинировать «содержательное» обучение и «информационное», сочетать аналитически-цифровое и сенсорное восприятие. Заметим, что, во-первых, всегда существует опасность «отключения сетевого рубильника» просто по тем или иным техническим причинам. А во-вторых, чтобы создавать программные сервисы, инновационные интеллектуальные продукты, автор должен глубоко изучить соответствующие теории, приёмы, методы, подходы, идеи, накопленные социокультурным опытом человечества.

Мы, безусловно, можем, пользуясь своим авторитетом либо угрозой, выставить низкую оценку на экзамене, пытаться заставлять студентов выучивать наизусть материалы лекций, учебников, с последующей проверкой качества усвоения материала во время контрольных мероприятий. Но это, на наш взгляд, будет идти вразрез с общемировыми тенденциями, трендом в информационно-коммуникационном поле. Нам видится более продуктивным очертить в рабочих программах а) круг действительно необходимых для выпускника университета знаний, так называемых «декларативных знаний», которые всё-таки необходимо глубоко освоить, выучить, б) круг «декларативно-процедурных знаний», которые в виде пакетов прикладных программ, стандартных алгоритмов могут быть использованы из Интернета, в) круг

«процедурных знаний», которые, как правило, в виде готовых сведений найти среди сетевых ресурсов затруднительно, и требуется определённый, достаточно высокий, уровень подготовки для их воспроизведения и применения в практических моделях.

В современных психолого-педагогических исследованиях в соответствии с природой знаний выделяют: декларативные и процедурные знания. М. Кордуэлл определяет декларативные знания, как знания, к которым «человек имеет осознанный доступ и которые могут быть выражены тем или иным способом». В то время как процедурные знания – это любой вид знаний, к которым человек не имеет сознательного доступа и которые можно проявить лишь косвенно, через определенные действия. В оксфордском толковом словаре по психологии декларативное знание представлено как знание о мире, которое понимается как фактическое знание. То есть знание, которое человек может заявить, декларировать. Процедурное знание – это знание «как делать что-то; знание, которое является операциональным, практическим» [1].

Таким образом, под *декларативными знаниями* мы понимаем такие, в которых содержатся представления о сущности, структуре, свойствах тех или иных понятий. Эти знания являются фактическими, описательными, информационными, они несут в себе информацию о фактах и свойствах определенной предметной области. С точки зрения доступности в Интернете, декларативными являются такие знания, которые содержатся в памяти информационно-коммуникационной системы так, что они легко доступны после соответствующего обращения к определенному полю памяти.

Под *декларативно-процедурными знаниями* мы понимаем общепринятые, стандартизированные методы, алгоритмы, широко доступные в Интернете в виде пакетов прикладных программ, текстов доказательства известных теорем и пр. *Процедурные знания* характеризуются трансформационной и управляющей природой. Они содержат средства, методы преобразования декларативных знаний, способы получения новой информации. Это различные процедуры, алгоритмы, методы, формализованные цепочки логических умозаключений. С точки зрения доступности в Интернете процедурные знания в явном виде не содержатся в памяти информационно-коммуникационной системы, они присутствуют в виде описаний алгоритмов, процедур, инструкций, методик, с помощью которых можно трансформировать декларативные или декларативно-процедурные знания в процедурные.

Соотношение декларативных и процедурных знаний в содержании учебного процесса в современном ВУЗе мы оцениваем, по оптимистичной оценке, как 50 на 50. Хотя в реальных условиях, скорее, акцент смещен в сторону декларативных знаний. Наш опыт позволяет нам утверждать, что преподавание математических дисциплин на данном этапе демонстрирует доминирование декларативных знаний, что отчасти объясняется попытками адаптировать курсы к уровню знаний современных студентов, отчасти с неготовностью преподавателей классических математических дисциплин активно пользоваться пакетами компьютерной математики. В рабочих программах учебных дисциплин в разделе «Тематический план» перечислены многочисленные определения, понятия, теоремы. Преподаватель стремится «больше материала вычитать», сокрушается, что не «успевает вычитать программу». Умения, как определённые проявления процедурных знаний, не выходят на первый план. Попытки использовать в таких дисциплинах, как «Дифференциальные уравнения», «Дискретная математика», «Алгебра и геометрия», «Математический анализ», пакеты Maple, MathCAD, MATLAB на факультете математики и информационных технологий ДонНУ

предпринимались, но они не имели системного характера. И в настоящее время можно констатировать, что классические математические дисциплины читаются без применения современных информационно-коммуникационных средств. Существуют и другие современные автоматизированные системы аналитических расчетов. Такие, как Derive, MathTutor, MathMat, Mathematica, SPSS, Statistica, многие из которых дополнены встроенными библиотеками, что позволяет считать их наиболее универсальным инструментом математических исследований.

Очевидно, что в настоящее время происходит трансформация знаний. Некоторые знания, ранее процедурные, становятся декларативными, например, решение алгебраических уравнений, извлечение корней, значения тригонометрических функций, логарифмов и прочее. Некоторые процедурные знания становятся декларативно-процедурными. Например, умножение матриц или решение систем линейных уравнений в условиях доступности различных пакетов прикладных программ переходят из разряда «Уметь» в разряд «Знать, где найти программу». Безусловно, показать, как эти операции делаются вручную, и заставить студентов это проделать, необходимо. Но, на наш взгляд, нет необходимости предлагать для выполнения объемные индивидуальные задания с необходимостью ручного счета.

Иначе говоря, определённые стандартные алгоритмы, безусловно, из разряда «процедурных» знаний уместно переводить в разряд «декларативных» или «декларативно-процедурных». Мы полагаем, что в современных условиях «процедурными» или «функциональными» знаниями остаются те методы, модели, алгоритмы, при реализации которых требуются человеческий интеллект (недостаточно компьютерного интеллекта). Мы их представляем в виде функции, областью определения которой являются «декларативные» и «декларативно-процедурные» знания, а множеством значений – новые знания, в явном виде не представленные в сети Интернет.

Для актуализации декларативно-процедурных знаний в рамках учебных дисциплин «Алгебра и геометрия», «Дискретная математика», «Математический анализ» мы некоторые стандартные процедуры и алгоритмы реализуем не только классическим способом «на доске и в тетради», но и с использованием электронных калькуляторов, пакетов прикладных программ и пр. Например, на практических занятиях по «Дискретной математике» мы предлагаем студентам воспользоваться прикладной компьютерной программой eXpimal free 1.4, которая доступна на любых андроид-устройствах. Скачать локализованную версию eXpimal free можно в Google Play. Эта программа доступна также в online-версии по адресу <http://tablica-istinnosti.ru/ru/>. Она предоставляет студентам готовые процедурные решения по построению таблиц истинности булевой функции, СДНФ и СКНФ, полинома Жегалкина, карты Карно, минимизации булевых функций с помощью эквивалентных преобразований. На занятиях по «Алгебре и геометрии», «Математическому анализу» студенты активно применяют компьютерные программы на online-сервисах Math.Semestr.ru, OnlineMSchool, Webmath, которые позволяют вычислять пределы, производные, находить неопределенные и определённые интегралы, вычислять площади, объёмы и площади поверхности геометрических фигур, производить различные действия с комплексными числами. Так же решаются разнообразные задачи из векторной алгебры, аналитической геометрии, выполняются операции с матрицами, решаются системы линейных уравнений с любым количеством уравнений, вычисляются определители любого порядка. Контрольные работы мы проводим в режиме «стоп-интернет»: студенты должны решить задачи самостоятельно с

подробным изложением этапов решения. А навык работы с компьютерными программами отрабатываем при выполнении индивидуальных заданий.

Таким образом, благодаря доступности декларативных и декларативно-процедурных знаний в Интернете, в университетском математическом образовании имеется реальная возможность высвободить временные и интеллектуальные ресурсы для формирования процедурных знаний. Многие декларативные знания современный студент может получать самостоятельно. В условиях доступности любой информации в любое время университетское образование может сосредоточиться преимущественно на процедурных и декларативно-процедурных знаниях (учить алгоритмам, логическим переходам, методам доказательства). С этой точки зрения, систему университетского образования, в особенности математического, целесообразно трансформировать в некую функциональную модель, в которой аргументом являлись бы декларативные знания, а значением функции – процедурные знания. Тогда университет будет действительно выпускать интеллектуала с широким культурным кругозором и способностью усваивать и продуцировать процедурные знания.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кордуэлл М. Психология от А до Я: Словарь-справочник / М. Кордуэлл. – М. : Фаир-Пресс, 2000. – 448 с.
2. Palfrey J., Born Digital. Understanding the first generation of digital natives / J. Palfrey, U. Gasser. – N.Y.: Basic, 2008. – 375 p.

*Поступила в редакцию 21.05.16 г.*

#### DEEPENING PROCEDURAL KNOWLEDGE AND DECLARATIVE-PROCEDURAL KNOWLEDGE IN MATHEMATICAL EDUCATION

*A. I. Dzundza, V. A. Tsapov*

The article deals with the problem of procedural updating and declarative-procedural knowledge actualization in mathematics education. It is stressed that declarative and declarative-procedural knowledge is available in the Internet. Notably, it is necessary to reorient the university-level mathematics education to the formation of procedural knowledge. Students should be taught algorithms, circuits, logic transitions, methods of proof.

**Keywords:** declarative knowledge, procedural knowledge, digital generation, sensory perception, analytically-digital perception.

**Дзундза Алла Ивановна**

Доктор педагогических наук, профессор.  
Донецкий национальный университет.

**Dzundza Alla Ivanovna**

Doctor of Pedagogy, Professor.  
Donetsk National University.  
E-mail: mian@i.ua.

**Цапов Вадим Александрович**

Кандидат физико-математических наук, доцент.  
Донецкий национальный университет.

**Tsapov Vadim Aleksandrovich**

Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor.  
Donetsk National University.  
E-mail: tsapva@mail.ru

УДК 378:37.013

## АКТУАЛЬНОСТЬ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ДОЛГОЛЕТИЮ

© 2016. *Г. Л. Кривошеева*

---

В статье исследуется проблема необходимости подготовки будущих педагогов к профессиональному долголетию. Актуальность проблемы обусловлена особенностями профессионально-педагогической деятельности, которые могут оказывать влияние на здоровье человека, ростом числа заболеваний, распространённых в педагогической среде, отношением педагогов к своему здоровью. Это с одной стороны, а с другой, увеличением пенсионного возраста во многих странах мира. Поэтому подготовка будущих педагогов к профессиональному долголетию является крайне важной и актуальной проблемой высшей школы и требует ее всестороннего исследования и решения.

**Ключевые слова:** профессиональное долголетие, активное долголетие личности, будущие педагоги, заболевания педагогов, профессионально-педагогическая деятельность.

---

Современная система образования требует решения первоочередных задач, неразрывно связанных с кадровым обеспечением, подготовкой будущих педагогов, нацеленных на долгую, творчески насыщенную, плодотворную профессиональную жизнь, инновационную деятельность, на творческую самореализацию, самосовершенствование своих профессиональных и личностных качеств уже во время обучения в вузе. Проблема кадрового обеспечения обостряется и в связи с тем, что сегодня наблюдается как старение населения страны в целом, так и педагогических кадров в частности.

Социальный и научно-технический прогресс, достижения медицины улучшили качество жизни человека и увеличили её продолжительность. В связи с этим во многих странах мира наблюдается тенденция к повышению пенсионного возраста.

Решая вопрос профессиональной квалификации учителя, формирования морально-этических качеств, обеспечения социального комфорта в условиях длительного социально-экономического кризиса, не следует забывать, что профессия учителя относится к разряду стрессогенных и эмоционально напряжённых. При длительной многолетней работе повышается риск возникновения многих заболеваний, связанных с особенностями педагогической деятельности, уменьшается профессиональная активность и сокращается возможность профессионального долголетия педагога. У педагогов наблюдаются крайне низкие показатели здоровья, которые еще больше ухудшаются при увеличении стажа работы, поскольку эта профессия имеет определенные особенности: интенсивные голосовые нагрузки, систематические нагрузки на зрительный анализатор, выраженное нервно-эмоциональное напряжение, незначительная двигательная активность, длительное вертикальное положение при проведении занятий, контакт с многочисленной аудиторией учеников. Невнимательное и пренебрежительное отношение к этим факторам ставят под угрозу полноценную, активную, творчески насыщенную профессиональную жизнь человека, уменьшают стремление к познанию и самопознанию, тормозят готовность личности к изменениям, к открытому взаимодействию с миром, формированию положительного самоотношения.

Цель статьи – обосновать актуальность и необходимость подготовки будущих педагогов к профессиональному долголетию.

Модернизация высшей школы призвана удовлетворить социальную потребность в педагогах, способных в течение своего трудового пути к прогнозированию и самопроектированию своей деятельности, к карьерному росту и профессиональному долголетию.

В образовательных проектах Совета Европы, ЮНЕСКО подчеркивается, что современный специалист должен быть готов успешно и продуктивно сотрудничать с людьми разных культур, брать на себя ответственность, владеть новыми информационными технологиями, устным и письменным общением, важным в работе и общественной жизни для того, чтобы быть полноправным деятельным участником демократического общества.

Эти документы побуждают педагогов высших учебных заведений к уточнению стратегии подготовки высококвалифицированных кадров, нацеленных на долгую, активную профессиональную жизнь в условиях непрерывного образования с учетом задач общенациональной политики, перспективных потребностей личности и общества. Подготовка такого специалиста становится возможной в рамках гуманистической и человекоориентированной парадигм.

Обучение студентов в вузе – это прежде всего творческое развитие личности, профессиональная подготовка, период становления личностных качеств, характеристик в различных видах деятельности, формирование «Я-профессионального». Но и продуктивное проживание отрезка студенческой жизни как таковой, играет важную роль в приобретении опыта самосохранения здоровья, самопрогнозирования и самопроектирования собственного профессионального долголетия, творческой самореализации, что задает траекторию их будущих профессиональных и личностных проявлений. Сегодня востребован педагог – творческая личность, обладающая развитыми способностями к самопознанию и самосовершенствованию, который способен рефлексивно относиться к оценке своего уровня профессионализма, самопроектировать индивидуальные программы собственного развития, чтобы адекватно природному назначению, индивидуальным возможностям и социальным запросам найти свое место в жизни, всесторонне творчески самореализоваться в течение трудового пути, утвердить себя в обществе и выбранной профессии без вреда для здоровья.

Проблема формирования основ профессионального долголетия у будущих педагогов в условиях непрерывного образования является многоаспектной. Предпосылки для её решения созданы многочисленными исследованиями различных аспектов здорового образа жизни личности, её культуры здоровья, творчества, творческого потенциала личности, профессионального долголетия как явления, объединяющего индивидуальные, социальные и культурные основы в жизни конкретного человека в трудах ведущих учёных. Концептуальные основы для исследования данной проблемы освещаются в трудах представителей философской науки (Л. Антроповой, Г. Батищева, Н. Бердяева, И. Бескова, Т. Ветошкина, М. Кагана, Л. Никифоровой, Ж. Сартра, Л. Соханя, В. Тихоновича, А. Шумилина, В. Яковлева, Л. Яценко и др.), которые изучают источники, движущие силы, потребности личности в творческом самовыражении своих способностей без ущерба для здоровья, приводят свое видение диалектики творчества; социологов (Р. Зобова, В. Келасьева, В. Харчева и др.), которые раскрывают пути и средства творческой самореализации личности в различных социальных структурах; исследования проблемы творческих способностей личности, её адаптации к окружающей среде, самореализации как её потребности, как деятельности и как результата этой деятельности находим в трудах психологов

(К. Абульхановой-Славской, Б. Ананьева, Д. Богоявленской, Л. Выготского, М. Гинзбурга, Г. Костюка, О. Леонтьева, А. Маслоу, Я. Пономарева, Б. Теплова, К. Роджерса, В. Романца и др.).

В классической гуманистической педагогике особое внимание проблемам подготовки педагога, творческого развития личности, самовоспитания и самосовершенствования как процессов, лежащих в основе профессионального долголетия, уделяли К. Вентцель, А. Дистервег, И. Песталоцци, Н. Пирогов, Ж.-Ж. Руссо, К. Ушинский и другие ученые.

Однако ведущая роль в определении условий и факторов, сдерживающих и тормозящих процесс профессионального долголетия, творческого развития личности, педагогических средств развития творческих способностей учащейся молодежи, их творческой самореализации в течение жизни, принадлежит педагогам (В. Алфимову, В. Андрееву, Т. Барышниковой, Л. Бондареву, Н. Борисовой, В. Горашуку, Л. Дроздиковой, Л. Левченко, Л. Поповой, В. Рыбалко, С. Сисоевой, М. Ситниковой, Г. Шевченко и др.). Различные аспекты профессионального выгорания учителей исследуются педагогами, психологами, медиками (Е. Асмаковець, В. Алфимов, И. Мартынюк, Л. Карамушка, Л. Колесников, Р. Мильруд, Л. Митина, Ж. Новикова, В. Орел, Д. Трунов, и др.). В Украине проблема профессионального долголетия педагогов наиболее разработана в работах доктора педагогических наук, профессора В. Алфимова.

Общественно значимой целью высшей школы является не только формирование знаний, умений, навыков, духовно-нравственной и функциональной подготовки студентов к педагогической деятельности, но и создание оптимальных условий для актуализации и реализации личностного потенциала каждого из них, самовыражения индивидуальных особенностей и их учета в выбранной профессии, что закладывает основу профессионального самосовершенствования и профессионального долголетия ещё во время обучения в вузе. Между тем практика показывает, что современная система обучения в вузе недостаточно ориентирована на формирование целостной личности с учётом её индивидуальности, неповторимости, уникальности, направленности на активное профессионально-творческое долголетие.

Отдельные аспекты проблемы профессионального долголетия педагога исследовались в психолого-педагогической науке достаточно основательно, однако в целом, как фундаментальная педагогическая проблема, она ещё не решена. Анализ научной литературы позволяет констатировать, что формирование основ профессионального долголетия у будущих педагогов в условиях непрерывного образования – одна из важнейших проблем высшей школы, которая требует немедленного решения, однако предметом специального научного исследования она еще не стала и не нашла своего решения в педагогической теории. В решении этой сложной проблемы существуют противоречия между:

– объективно растущей потребностью общества в подготовке педагогов-профессионалов, ориентированных на долгую, активную профессиональную жизнь, творческое саморазвитие и самосовершенствование и традиционной системой обучения в вузе, ориентированной в большей степени на формирование профессиональных знаний, умений и навыков;

– осознанием новой парадигмы образования, которая провозглашает уникальность и неповторимость каждой личности, и отсутствием необходимой теоретико-методологической основы, научно-методической базы для обеспечения её творческого развития и саморазвития, которая является основой профессионального долголетия;



– актуальностью проблемы формирования основ профессионального долголетия у будущих педагогов в условиях непрерывного образования, социальным заказом образовательной системе на подготовку таких специалистов и неразработанностью теоретико-методологического обоснования решения проблемы;

– традиционной системой подготовки студентов в высшей школе и их стремлением к индивидуально-творческому характеру деятельности, творческому самовыражению своих способностей;

– существующей системой обучения, не направленной на развитие рефлексивных способностей студентов, и современными требованиями личностно-ориентированного подхода к организации педагогического процесса в высшем учебном заведении;

– необходимостью обеспечения готовности студента к профессиональному долголетию и несогласованностью с этим требованием целей подготовки в вузе, неопределенностью форм, методов и средств их воплощения, отсутствием методик, практического опыта работы по решению данной проблемы.

Активное долголетие личности – это результат такой организации человеком своей собственной жизни, которая обеспечивает всесторонность её развития, полноту жизненных проявлений в их максимальной продолжительности. Профессиональное долголетие будущего педагога можно понимать как комплекс способностей личности, необходимых для достижения высокого уровня профессиональной деятельности и поддержания его в течении всего трудового пути.

Формирование основ профессионального долголетия начинается в высших учебных заведениях, предназначенных выработать у студентов потребность в профессиональном самосовершенствовании и профессиональном самосохранении, готовность к саморазвитию и самовоспитанию в течение жизни, следствием которых является духовное, физическое, психическое и профессиональное творческое долголетие. Система формирования основ профессионального долголетия будущих педагогов базируется на целостной, личностно-ориентированной, деятельностной и культуросообразной основах в их диалектическом единстве. Она обеспечивает субъектам педагогического процесса необходимые условия для самореализации в творческой самосохраняющей и профессиональной деятельности, учитывая особенности педагогического труда и индивидуальные особенности. Согласно этому студент рассматривается не только как объект, но и как субъект целостного педагогического процесса в высшей школе, активно усваивает на личностном уровне профессиональные и личностные ценности, к которым относится и профессиональное долголетие. Студент осознает, что процесс формирования профессионального долголетия не заканчивается в высшей школе, а продолжается всю жизнь в условиях непрерывного образования.

Для обеспечения эффективности этого процесса необходимо решить следующие задачи:

1. Раскрыть сущность концептуальных подходов к проблеме формирования основ профессионального долголетия у будущих педагогов в условиях непрерывного образования в мировой и отечественной философско-педагогической мысли современности.

2. Теоретически обосновать и раскрыть специфику организации целостного процесса формирования основ профессионального долголетия у будущих педагогов в условиях непрерывного образования

3. Обосновать комплексную программу профессионального долголетия будущих педагогов и определить пути её реализации.

4. Выявить пути, формы, методы, умения эффективной реализации концептуальных положений организации целостного процесса формирования основ профессионального долголетия у будущих педагогов в условиях непрерывного образования.

5. Разработать критерии и показатели сформированности системы формирования основ профессионального долголетия у будущих педагогов в условиях непрерывного образования.

6. Определить теоретические основы проектирования содержания системообразующего учебного курса «Профессиональное долголетие будущего педагога».

7. Экспериментально подтвердить концептуально значимые положения проводимого исследования и эффективность педагогической технологии формирования основ профессионального долголетия у будущих педагогов в условиях непрерывного образования.

Большое значение в подготовке студентов к профессиональному долголетию имеет конструктивное обучение. При конструктивном обучении происходит не только подготовка будущих педагогов к профессиональному долголетию в системе высшего образования, но и формируется направленность на самообучение и самообразование в течение всей жизни. С появлением понятия «образование в течение всей жизни» в центр новой парадигмы образования становится личность со своими потребностями, интересами, возможностями. Образованность личности сегодня предполагает развитые способности к самоисследованию, самоопределению, самосовершенствованию собственных сил для всесторонней самореализации и утверждению себя в профессиональной деятельности. Учебно-воспитательный процесс университета, в большей степени, ориентирован на подготовку студента к профессиональной творческой самореализации, а не на осуществление этой самореализации уже во время обучения в вузе. Поэтому в рамках высшего образования при подготовке студента к профессиональному долголетию важно создавать благоприятные условия для формирования, в первую очередь, конструктивных навыков и конструктивного мышления.

При вовлечении студента в конструктивную творческую деятельность вырабатывается способность к построению и управлению собственной жизнью, формируются такие качества, как: самостоятельность, инициативность, ответственность, решительность и смелость в генерировании новых идей, готовность к критическому их осмыслению, к самопостроению творческого активного профессионального долголетия.

Выводы. Педагогическая деятельность является сложной, специфической и многогранной, требует творческого применения профессиональных знаний, умений, способностей от современного учителя. Изучение законов педагогической деятельности не поможет, в полной мере, будущему педагогу, который выучил теорию, стать еще и компетентным специалистом в сфере собственного профессионального долголетия, поскольку знания в готовом виде не передаются и готовых решений, и рекомендаций в этом плане не существует.

Будущему педагогу необходимо самому выработать такую стратегию, которая позволит ему в условиях будущей неопределенности совершать конструктивные действия и принимать конструктивные решения. Поэтому при подготовке будущего педагога важно создавать условия для самопроектирования и самоконструирования собственного профессионального долголетия. Таким образом, подготовка будущих

педагогов к профессиональному долголетию является крайне важной и актуальной проблемой высшей школы и требует ее всестороннего исследования и решения.

*Поступила в редакцию 28.04.16 г.*

#### **PRIORITY OF FUTURE TEACHERS' TRAINING FOR PROFESSIONAL LONGEVITY**

***G. L. Krivosheeva***

The present article stresses the relevance and the need for future teachers training in terms of their professional longevity. The objective contradictions in solving this complicated problem have been formulated. The important tasks ensuring efficiency of future teachers' professional longevity formation are considered.

**Keywords:** professional longevity, person's active longevity, future teachers, teachers' diseases, professional and pedagogical activity.

**Кривошеева Галина Леонидовна**

Кандидат педагогических наук, доцент,  
Донецкий национальный университет

**Krivosheeva Galina Leonidovna**

Candidate of Pedagogy, Associate Professor.  
Donetsk National University.  
E-mail: kafedra-pedagogica@rambler.ru

## И С Т О Р И Я

---



УДК 94(410) «1981/1985»

### ЦИКЛЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ИСТОКИ РАДИКАЛИЗАЦИИ КУРСА США В ОТНОШЕНИИ СССР В ПЕРИОД АДМИНИСТРАЦИИ Р. РЕЙГАНА (пер. пол. 1980-х гг.)

© 2016. *Доманов В. Г., Крысенко Д. С.*

---

В статье проведён анализ социальной философии США в контексте взаимоотношений с СССР, отражающей имманентные им внутренние процессы во всех гранях бытия – духовной, морально-психологической, социальной, экономической и общественно-политической. Установлена эволюция геостратегической конфигурации мира в течение заключительного периода «холодной войны». Аргументируется вывод о том, что истоки «консервативной революции» в США, как и радикализация курса в отношении СССР, кроме экономических, имеют мистико-эсхатологические и социально-циклические причины.

*Ключевые слова:* США, СССР, общественно-исторические циклы, интроверсия, экстраверсия.

---

Размышляя над проблемами философии истории, американский писатель У. Фолкнер выразил мнение о том, что «...всё это – Сейчас. Вчера не закончится, пока не наступит Завтра, а Завтра началось десятки тысяч лет назад» [1, р. 132]. Показательным в этом отношении является заявление командующего корпусом морской пехоты США генерала Дж. Данфорда, сделанные им 9 июля 2015 г. в Сенате о том, что «Россия является главным противником национальной безопасности Соединённых Штатов». Генерала Дж. Данфорда поддержал один из претендентов на пост президента М. Ромни, подчеркнувший, что «вне сомнений, Россия остаётся нашим геополитическим врагом № 1» [2]. Учитывая это, вопреки распространённому мнению, следует поставить под сомнение тезис об окончании «холодной войны» в 1991 г. Характеризуя американско-советскую конфронтацию, отметим, что на протяжении всего её периода фазы напряжения сменялись смягчением, и в 1970-х гг. обе стороны, казалось, «привыкли» друг к другу, смирившись с существованием альтернативной общественно-политической системы. Ситуация резко изменилась в начале следующего десятилетия с приходом к власти республиканской администрации Рональда Рейгана. Восьмидесятые годы XX в., на которые пришлись оба срока его президентского правления, в американской литературе характеризуются как «консервативная революция»; это время называют одним из ключевых периодов новейшей истории как Соединённых Штатов, так и мира в целом. Вопрос о предпосылках и движущих силах этого явления является открытым и вызывает неоднозначные оценки исследователей. Среди них, в частности, следует упомянуть Ю. Мельвиля, О. Фурсенко, П. Подлесного, О. Попова, А. Кокошина, Р. Овинникова, Ю. Мельникова, А. Кортунова, М. Мильштейна, К. Злобина, Ю. Катасонова, О. Никитина, В. Батюка и С. Чернова [3]. Однако эволюция советско-американских отношений в начале 1980-х гг. в связи с циклическими процессами в США освещена ими в недостаточной степени. Исходя из этого, целью данной статьи является выявление закономерностей и циклов внешней политики США в контексте биполярной конфронтации.

Следует начать с того, что в правильно интерпретированном феномене времени укоренена центральная проблематика всей онтологии, учения о бытии. Характеристиками же времени являются линейность и цикличность, следовательно, развитие чего бы то ни было (как в природе, так и в обществе) проходит через определённые фазы, которые имеют свои закономерно-неравномерные циклы [4, с. 4]. Понятие же цикла появилось в Античной Греции, где его понимали как движение по замкнутому кругу и периодическое возвращение к исходному пункту. Учение о круговороте локальных цивилизаций трёх поколений и их циклическую динамику изложил и английский историк А. Тойнби в 12-томном «Исследовании истории» [5]. Однако наиболее полно идея цикличности используется в статистических методах экономической науки. В этой связи следует упомянуть Н. Д. Кондратьева, основоположника теории экономических циклов продолжительностью 40–60 лет [6]. Кроме того, внимание исследователей сосредоточено на корреляции больших циклов с циклами утопических учений и движений (М. Баркан) [7], динамике ценностных ориентаций (М. Вебер) [8], цикличности избирательных кампаний (Д. Наменвирт) [9].

Итак, циклические закономерности, которым подвергаются экономические и политические процессы всего мира, характерны и для США. В американском контексте прежде всего следует упомянуть об исследовании Дж. Ричлея, который выделил в политическом развитии Соединённых Штатов волны, определяющиеся их социально-экономическим положением: аграрная демократия (1796–1856); индустриальный национализм (1860–1928) и, наконец, либеральное государство всеобщего благосостояния, которое начало свой отсчёт в 1932 г. с избранием Ф. Рузвельта на пост президента. Основой жизненного ритма американского общества с тех пор выступает воля большинства, приводящего в Белый дом людей, фокусирующих свою волю на проводимом политическом курсе. Впрочем, во внешней политике циклический ритм этого государства отличается от циклов политики внутренней. Эту идею убедительно и последовательно развил Артур Мейер Шлезингер на страницах своего труда «Циклы американской истории» [10, с. 39]. Данный автор опирается на исследования Г. Адамса, который отметил двенадцатилетний маятниковый ход в политической жизни Америки [10, с. 41]. Оба исследователя рассматривали политические циклы с точки зрения внутренней политики государства. Анализируя приливы и отливы в национальной жизни, чередование тенденций к консерватизму и обновлению, фактор влияния смены поколений на политику страны, А. Шлезингер пришёл к выводу о наличии в политической истории США фаз продолжительностью примерно в 30 лет. Исследователь подчеркнул в этой связи большое значение того явления, которое в 1952 г. впервые открыл Ф. Л. Клинберг, определив его как «историческую смену настроений в американской внешней политике». Он обнаружил периодические колебания от «экстраверсии» (готовности использовать прямое дипломатическое, военное или экономическое давление на другие государства для достижения политических целей) к «интроверсии» (сосредоточенности на внутренних проблемах американского общества) [10, с. 47, 71].

Характерно, что во внешней политике Соединённых Штатов две указанные тенденции достигли крайней степени выражения, о чём А. Шлезингер сожалеет: «И консерватизм и реформизм выродились, доходя до крайностей». Прогноз, сделанный этим автором в 1949 г., оказался пророческим: «Уход от либерализма, который начался в 1947 г., должен прекратиться в 1962-м, возможно, на год-два раньше или позже. Основываясь на этом, можно сделать вывод, что следующая консервативная эпоха наступит где-то около 1978» [11, р. 97].

Отметим и то, что авторы имеют разные мнения о хронологических границах американских внешнеполитических циклов. В частности, по Ф. Клинбергу, интровертные фазы имеют продолжительность в среднем по двадцать одному году, а экстравертные – по двадцать семь лет. Современный российский исследователь В. Пантин проследил корреляцию циклов, обнаруженных Ф. Клинбергом, американской внешней политики за последние два века с повышающейся (экстравертность) и понижающейся (интровертность) волнами кондратьевских циклов, как это показано в таблице [12, с. 89]:

Интровертные фазы циклов внешней политики	Экстравертные фазы циклов внешней политики
1776–1798	1798–1824
1824–1844	1844–1871
1871–1891	1891–1918
1918–1940	1840–1960
1960–1983	1983–2009
2009–2030	

Если сопоставить эти волны во внешней политике США с кондратьевскими циклами, то окажется, что они во многом коррелируют. «Интровертные» фазы американской внешней политики приходятся в основном на понижающиеся волны циклов, а «экстравертные» фазы – на повышающиеся. Эту интересную и многозначительную корреляцию, которую исследователи в основном обходят вниманием, можно трактовать как проявление цивилизационных особенностей Соединённых Штатов, поскольку для этого государства в силу его географического и геополитического положения характерно сочетание и противоборство двух противоположно направленных тенденций – изоляционизма и экспансионизма. При этом решающим стимулом для выбора ориентации в политической и общественной жизни «наружу» или «внутри» выступает мировая рыночная конъюнктура. Если на мировом рынке она является благоприятной, то в американском обществе, обладающем богатыми ресурсами, преобладают настроения экспансионизма, создающие благоприятную основу для распространения и навязывания другим странам собственного образа жизни. Если конъюнктура мирового рынка в целом неблагоприятна и нестабильна, то в американском обществе нарастает разочарование в международной экспансии и стремление сократить расходы, связанные с продвижением «американской модели», т.е. усиливается стремление решать в первую очередь свои внутренние экономические и социальные проблемы. Таким образом, вопреки распространённым стереотипам, североамериканская субцивилизация (по терминологии С. Хантингтона) не является ориентированной исключительно ни на экспансию, ни на изоляцию: обе тенденции реально сосуществуют, воплощаясь в волнах общественных настроений и внешней политики, сменяя друг друга.

Отметим, что выделенные выше «приливы» и «отливы» американской внешней политики в большей степени характерны для тактики, чем для стратегических средств реализации целей. Выражая национальные интересы, они остаются стабильными при любых обстоятельствах. Примером этого является «советский» («русский») вектор американской внешней политики, что отмечают в своих работах дипломаты обеих сторон: бывший советский посол в США А. Добрынин и американский госсекретарь Г. Киссинджер [13, с. 261; 14, с. 421]. В качестве «водоразделов» фаз в отношениях двух государств ими были указаны: 1917–1918 гг. – отправная точка; 1933 г. – признание Вашингтоном советского государства; вторая половина 1940-х гг. – начало

«холодной войны»; 1962 – Карибский кризис, после которого в отношениях США и СССР следовала «оттепель», продолжавшаяся до начала афганского конфликта и совпавшая с концом президентства Картера; 1981 – начало работы администрации Р. Рейгана, который придал внешней политике Соединённых Штатов экспансивный характер, несколько нивелированный на рубеже 1980-х – 1990-х гг. Если условно назвать одни периоды взаимоотношений умеренно-позитивными, а другие агрессивными, то рассмотренные во времени колебания напоминают движения маятника. Естественно, зигзаги внешней политики – это не колебания физического маятника, и её крайние точки не равно удаляются от центра. Если условно названная агрессивной политика отходила от центра довольно далеко, то умеренно-позитивная – лишь немного. Но если система уходила от центра слишком далеко влево, то создателей такой политики уничтожали или физически (как Дж. Кеннеди), или морально-политически (как Р. Никсона) [15, с. 132].

Как агрессивно-консервативный, так и позитивно-либеральный периоды американской внешней политики имели свои особенности. Первый характеризовался прекращением политических отношений с Москвой, военным противоборством или подготовкой к войне и гонкой вооружений; информационная политика в такие периоды носила подстрекательски-агрессивный характер, переходя в психологическую войну. Второй – это конструктивный диалог, который характеризовался активизацией экономических связей, попытками ограничить или сдержать гонку вооружений, мягкой пропагандой «американского образа жизни». Тенденция определялась не сразу, и новое направление определённое время преодолевало старую инерцию. В каждой узловой точке можно видеть уходящую старую и новую рождающуюся парадигму: разворачиваясь во времени, все волны идей и людей, то возникая, то прячась, уступают место новым. Вместе с тем, каждая «волна» (цикл) имела свои хронологические границы [16, с. 78, 88].

В общих чертах, «маятниковый» ход политики Соединённых Штатов в отношении Советского Союза можно объяснить реакцией на неблагоприятные изменения в мировой политике: рост политического влияния и усиление присутствия СССР в «зонах жизненно важных интересов» США стимулировали негативизацию «имиджа» Кремля. Соответствующее сужение поля деятельности Америки побуждало деятелей из государственного департамента и Белого дома обращаться к опыту, накопленному в предыдущих теориях и доктринах, которые с соответствующим «совершенствованием» касательно обстоятельств ложились в основу новой концепции. В условиях ограниченных возможностей силового давления на поверхность выталкиваются умеренные идеи. Часто «новое» соседствовало с агонизирующим «старым»: победа союзников и проба «сил» Трумэна, операции на Кубе и становление новой политики Кеннеди, подписание договора ОСВ-II Картером и свёртывание советско-американских отношений, наконец, тезис «империя зла» (цели первого кабинета Р. Рейгана в отношении Москвы, по сравнению с предыдущими администрациями, претерпели значительные изменения и теперь сводились не только к смещению союзников СССР с социалистического пути развития, но и трансформации этого строя внутри него самого, свидетельством чего была радикализация публичной риторики). Корректив также претерпела тактика реализации этой задачи, которая сводилась к таким направлениям:

- в военно-политической сфере – прекращение диалога по сохранению мира и контролю над стратегическими силами, усиление гонки вооружений, провокации и дестабилизация ситуации в приграничных с СССР республиках;

- в экономическом секторе – полное прекращение хозяйственного сотрудничества с приобщением к эмбарго максимально широкого круга государств и формирование международной конъюнктуры, направленной на сужение доходной части советского бюджета;

- в идеологической области – расшатывание нравственных устоев советского населения и подрыв авторитета власти методами «мягкой силы».

Таким образом, начало 1980-х годов оказалось одним из наиболее опасных периодов во всём более чем сорокалетнем противостоянии Кремля и Белого дома. Однако, в отличие от предыдущих «горячих фаз» «холодной войны», в этот раз СССР не выдержал напряжения и во второй половине десятилетия не сопротивлялся модификации ялтинско-потсдамского порядка в сторону однополярной системы международных отношений. Уникальность ситуации заключается в том, что победа в глобальной борьбе была одержана невоенными средствами: демонтаж социалистического лагеря произошёл по инициативе стороны, инспирировавшей его создание. Согласимся с признанным немецким теоретиком и историком, генерал-майором прусской армии Карлом фон Клаузевицем, который считал, что «победа в войне достигается тогда, когда противник уверен в поражении».

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Faulkner W. Requiem for a Nun / William Cuthbert Faulkner. – N.-Y.: Vintage Books, 1975. – 245 p.
2. The Cold War is back: Putin's Russia named as number one threat to US by Obama's nominee to lead the Joint Chiefs of Staff [Электронный ресурс] // The Daily Mail. – Режим доступа к документу: [http://www.dailymail.co.uk/news/article-3155130/Russia-U-S-national-security-threat-U-S-Gen-Dunford.html#i\\_xzz3g3KGrSZs](http://www.dailymail.co.uk/news/article-3155130/Russia-U-S-national-security-threat-U-S-Gen-Dunford.html#i_xzz3g3KGrSZs).
3. Кокошин А. А. США в системе международных отношений 80-х годов. Гегемонизм во внешней политике Вашингтона / Андрей Афанасьевич Кокошин. – М.: Междунар. отношения, 1984. – 303 с.; Овинников Р. С. Зигзаги внешней политики США. От Никсона до Рейгана / Ричард Сергеевич Овинников. – М.: Политиздат, 1986. – 398 с.; Мильштейн М. А. США: военно-стратегические концепции / Михаил Абрамович Мильштейн, Радомир Георгиевич Богданов. – М.: Наука, 1980. – 304 с.; Батюк В. И. Трудное партнёрство. Двусторонние режимы и институты в российско-американских отношениях после окончания «холодной войны» / Владимир Игоревич Батюк. – М.: Прометей, 2008. – 212 с.; Чернов С. А. Внешняя политика США и системный подход: автореф. дисс... докт. полит. наук: 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений и глобального развития» / Сергей Алексеевич Чернов. – М., 1999. – 41 с.
4. Сапронов М. В. Цикличность исторического процесса: дисс... канд. ист. наук: 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» / Максим Викторович Сапронов. – Челябинск, 2003. – 207 с.
5. Реферативная версия: Тойнби А. Постижение истории / Арнольд Джозеф Тойнби. – М.: Прогресс, 1991. – 730 с.
6. Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики / Николай Дмитриевич Кондратьев. – М.: Экономика, 1989. – 523 с.
7. Баркан Д.И. Международный менеджмент: организация и стратегия / Давид Иосифович Баркан. – СПб.: Питер, 2001. – 574 с.
8. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения / Макс Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
9. Namenwirth J. Dynamics of culture / J. Zvi Namenwirth, Robert Philip Weber. – L.: Unwin Hyman, 1987. – 288 p.
10. Шлезингер А. М. Циклы американской истории / Артур Мейер Шлезингер. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 688 с.
11. Schlesinger A. M. Path of the present / Arthur Meier Schlesinger. – N.-Y.: Macmillan, 1949. – 374 p. – P. 97.
12. Пантин В. И. Циклы и ритмы истории / Владимир Игоревич Пантин. – Рязань: Аракс, 1996. – 156 с.
13. Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно / Анатолий Фёдорович Добрынин. – М.: Автор, 1996. – 688 с.
14. Киссинджер Г. А. Дипломатия / Генри Альфред Киссинджер. – М.: Ладомир, 1997. – 849 с.



15. Чернов С. А. США: политика в отношении СССР (Циклы, волны, система) / Сергей Алексеевич Чернов. – М.: ФОН, 1997. – 260 с.
16. Чернов С. А. Анализ политики США в отношении СССР: системно-циклический подход / Сергей Алексеевич Чернов // США и Канада: экономика, политика, культура. – № 6. – 2001. – С. 76–88.

*Поступила в редакцию 05.02.16 г.*

**FOREIGN POLICY CYCLES AND ORIGINS OF THE US POLICY RADICALIZATION TOWARD THE USSR DURING R. REAGAN'S ADMINISTRATION (THE FIRST HALF OF 1980S)**

***V. G. Domanov, D. S. Krysenko***

The present article focuses on the study of the USA foreign policy formation, with its consistent patterns having a cyclic character. It is established that each cycle has two phases, i.e. of active and passive policy. It is pointed out that during the active phase official Washington pursues an active foreign policy aimed at qualitative transformation of the international relations system by creating a community of states with a market economy.

***Keywords:*** the USA, the USSR, foreign policy, cycle, the Cold War.

**Доманов Валерий Георгиевич**

Доктор политических наук, профессор.  
Южный федеральный университет.

**Domanov Valeriy Georgiyevich**

Doctor of Political Sciences, Professor.  
Southern Federal University  
E-mail: [doman-off@mail.ru](mailto:doman-off@mail.ru).

**Крысенко Дмитрий Сергеевич**

Кандидат исторических наук, доцент.  
Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко.

**Krysenko Dmitriy Sergeyevich**

Candidate of History, Associate Professor.  
Luhansk Taras Shevchenko National University.  
E-mail: [mamaj2@rambler.ru](mailto:mamaj2@rambler.ru).

УДК 94(47)"1864-1914":616-082

## ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСТВ ЮГА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

© 2016. *Н. Н. Разумная*

---

В статье рассмотрено становление земской медицины в южных губерниях Российской империи во второй половине XIX ст. Путем введения в научный оборот новых источников, охарактеризовано особенности медицинского обслуживания региона в пореформенный период.

*Ключевые слова:* земское самоуправление, история земств, земская медицина.

---

После создания в России в 90-х гг. XX в. муниципальных органов власти стало возможным решение актуальных вопросов здравоохранения на местном уровне. Определелись наиболее актуальные проблемы, а именно: поиск средств финансирования медицины, обеспечение медицинских учреждений квалифицированными специалистами и четкого функционирования скорой медицинской помощи, безразличие медиков к проблемам жителей определенных регионов – все эти вопросы являются лишь частью проблем современной сельской медицины. Муниципальным органам власти, решая данные проблемы, следует учитывать исторический опыт, накопленный в свое время органами земского самоуправления Российской империи во 2-й пол. XIX – начале XX вв. Здравоохранение с самого начала деятельности земств стало приоритетной сферой их социальной политики. Именно земская медицина была единственной формой квалифицированной помощи сельскому населению в Российской империи. В пользу земств отошли остатки капиталов и лечебные учреждения приказов общественного призрения, послужившие первоначальной базой для развития земской медицины.

Следует вспомнить о становлении земской медицины. На основании «Положения о земских учреждениях», изданного в 1864 г., в 34 губерниях Российской империи были созданы земства. Общественности была предоставлена возможность самостоятельно, на свое усмотрение решать социальные вопросы, в частности связанные с предоставлением населению медицинской помощи. Введение земских учреждений, было вызвано необходимостью наладить хозяйственную жизнь в каждой губернии, и системы здравоохранения населения, в частности, с целью обеспечения эффективной реализации социальных, политических и экономических преобразований. Иначе говоря, процесс возникновения, и становления земской медицины был непосредственно связан с важнейшими проблемами внутренней реструктуризации страны.

Острая необходимость развития народной медицины в целом не вызывала споров в земских кругах. Путь поступательного совершенствования местного самоуправления помог земствам определить приоритетные направления деятельности. Одним из таких направлений была охрана народного здоровья.

Однако освещение этих вопросов осталось вне поля зрения предыдущих исследователей. Современников XIX ст. — земских врачей — интересовали преимущественно количественные показатели медицинской деятельности. Однако

цифры не смогли отразить социального фактора в развитии земской медицины. Возможно, для научных работников отмеченного периода эти вопросы не являлись актуальными, так как они, являясь частью социума, по большей части оценивали этот процесс с субъективной точки зрения и в таком же контексте излагали собственные рассуждения на бумаге.

Авторы советского периода С.М.Игумнов, Г.И.Розет [1] не слишком далеко пошли в социальном аспекте: большинство документальных и статистических материалов, приведенные ими, только подтверждали успехи земств. В частности, Г.И.Розет охарактеризовал состояние охраны здоровья в дореволюционный период на территории Донбасса. П.Е.Заблудовский и Н.И.Пирумова [2] обобщили процесс развития медицины, территориально охватив всю территорию Российской империи.

Современные исследователи Г.В.Савицкий, А.М.Глазман [3] и М.С.Низамова [4] в своих публикациях рассматривают развитие земского санитарно-гигиенического дела на примере Оренбургского и Пензенского края, а также эволюцию земской системы здравоохранения и санитарно-эпидемиологической службы в Поволжском и Уральском регионах, не затрагивая Южные губернии Российской империи.

Принимая во внимание эти обстоятельства, считаем целесообразным проанализировать процесс создания земской медицины в южных губерниях Российской империи. Следует отметить, что к моменту введения земств проблемы медицинского обеспечения населения принадлежали к компетенции приказов общественного призрения. В результате реформы состоялось определенное как функциональное, так и имущественное перераспределение между этими структурами. Земства стали создавать собственные медицинские участки, одновременно с расширением тех лечебных заведений, которые перешли в их подчинение от приказов. Этот процесс происходил постепенно и достаточно длительное время отмечался практически в каждом уезде и губернии своими специфическими особенностями.

На момент проведения земской реформы в 1864 году все губернские города имели по одной больнице, рассчитанных на разное количество мест, в которых работало незначительное количество врачей [5]. К примеру, Херсонская городская больница насчитывала только 60 мест, в Таврической городской больнице их было до 120, в больницах, как Екатеринославской, так и Харьковской губернии количество мест было больше, чем в Херсонской и Таврической губерниях вместе взятых.

Земства сразу же после возникновения (1865 и 1866 гг.) получили от приказов общественного призрения определенную часть имущества вместе с медицинским персоналом (от других ведомств несколько позже). При этом губернские земства оставили в своем подчинении психиатрические и большие больницы, госпитали, а все мелкие больницы и всю организацию здравоохранения в уездах передали в полное ведение земств [6].

В распоряжение Херсонского земства от приказов общественного призрения перешло: 8 врачей, 85 фельдшеров, (акушеров не было). Херсонская городская больница насчитывала 45 приемных покоев для больных. Из них по 14 в Александровском и Елисаветградском уездах. Менее 10 – в Херсонском, Одесском, Ананьевском, а в Тираспольском – приёмной не было вообще. При этом врачи работали во всех уездах, кроме Александровского; количество фельдшеров колебалось от 4 в Ананьевском до 29 в Одесском. Тираспольский уезд обслуживал только один врач, фельдшеров не было. Больные могли наблюдаться в губернской больнице, которая находилась в г. Херсоне, однако должны были платить 25 копеек в сутки, или же лечение осуществлялось на средства сельского общества. Обязательно плата

бралась за лечение психиатрически больных. В 1870 г. была введена карточная регистрация больных, а в губернской больнице введена ежедневная уплата за лечение. Позже, согласно постановлению губернского земства от 1885 года, больным, которые не имели возможности платить за лечение, медицинская помощь предоставлялась бесплатно, а все расходы, связанные с этим, покрывало губернское земство [7].

На какие средства земствам удалось все это осуществить?

Бюджеты земских учреждений формировались за счет налогов, которыми облагалось население. Со стороны правительства финансовая поддержка земствам не оказывалась. Земские доходы разделялись по средствам поступления на окладные и неокладные. К окладным относили прибыли от налогов на недвижимое имущество в городах и уездах, промышленных свидетельств и патентов предприятий по производству напитков и содержанию заведений, которые осуществляли продажу спиртных напитков, в частности трактирного типа вне городских поселений. К неокладным принадлежали налоги на недвижимое имущество земства и проценты от капиталов: судебная пошлина, шоссейный сбор, сборы с земских дорог и мостов, уплата за лечение и учебу в земских заведениях, а также прибыли от земских промышленных предприятий; штрафы и пеня за несвоевременную уплату земских сборов, помощь разных обществ и частных лиц, преимущественно с конкретным назначением (на медицину, стипендии, строительство и тому подобное) [8].

При этом исследователь Б.Б. Веселовский отмечал, что медицинский бюджет земств увеличивался быстрее, в отличие от общего. Особенно быстро увеличивалась прибыльная часть бюджета на медицину в губернских земствах (с 1890-х годов). Однако и земские расходы в медицинской сфере увеличивались значительно быстрее, чем происходил прирост населения. Весомую долю медицинского бюджета губернские земства тратили на содержание больниц, а уездные – на медикаменты и содержание медицинского персонала.

Усиленный рост медицинской сметы с 90-х годов был связан, с одной стороны, с взятием на земский счет расходов, которые полагались раньше на сельские общины, другие структуры (содержание фельдшерских пунктов и амбулаторных участков), а с другой, — предопределялся интенсивным развитием медицинской помощи. На протяжении 90-х годов сфера охраны народного здоровья развивалась в двух четко очерченных направлениях: психиатрические и сельские больницы увеличивались, штаты губернских больниц резко сокращались. При этом штат городских уездных больниц оставался в отмеченный промежуток времени практически в неизменном виде [9].

Откровенно классовый характер земских собраний на начальном этапе сказывался и на вопросе организации медицины. Обозначилось это в переложении значительных расходов на крестьян (в частности, на содержание фельдшерских пунктов, осуществление оспопрививания, оплату труда медицинского персонала и тому подобное), а также в приоритетности общественных взглядов по поводу земской медицины (игнорирование больничного обслуживания, сдерживания улучшения больничного режима и тому подобное) [10].

С 1890 г. состояние дел в сфере финансового обеспечения медицины несколько изменилось, поскольку уездными земствами тратилось, по меньшей мере, по 13 копеек на одного человека. В свою очередь, и губернские увеличили свои расходы до 7,2 и 8,5 копеек, на что непосредственно влиял рост количества больниц, фельдшерских и врачебных пунктов, нуждающихся в соответствующей финансовой поддержке. Наиболее активной и в этом отношении была деятельность Херсонского губернского земства, что обратно пропорционально отражалось на противоэпидемической ситуации

в регионе. До 1912 года наибольшего успеха в направлении финансового обеспечения добились земства Екатеринославской губернии.

Больницы, построенные в 80-х-90-х годах XIX столетия, на время своего появления в принципе удовлетворили потребности населения. Впоследствии, в связи с быстрым совершенствованием уровня асептики, когда необходимы были и операционные, и перевязочные помещения, больницы уже не могли отвечать новым требованиям медицинского обслуживания. Они продолжали функционировать, по возможности приспособливаясь к новым условиям, но новые помещения строились по более сложным планам. Это существенно увеличивало расходы при строительстве, в результате чего количество вновь построенных больниц в начале XX столетия ощутимо уменьшилось. При этом наблюдается стабильное увеличение количества стационарных мест, в первую очередь, за счет строительства больших больниц или укрупнения уже имеющихся. Больницы с развитой хирургией расширялись за счет обустройства специальных хирургических барачков, кое-где оборудованных благодаря земствам даже рентгеновскими кабинетами.

Например, Мариупольское уездное земское собрание 28 октября 1891 года постановило: «...разрешить сооружение при земской больнице необходимых помещений с затратой до 5 тыс. руб. серебром. Данная сумма была внесена в смету на 1892 год, но за нехваткой имеющихся средств в земской кассе, вследствие несвоевременного поступления уездного земского сбора, строительные работы не были произведены вовремя. В 1894 году уездная земская управа выполнила настоящую доверенность, ... всего на сумму до 5 тыс. 200 руб. серебром» (как утверждалось в объяснительной записке, смета была превышена, потому что за три года назрела острая необходимость в дополнительных ремонтных работах). Однако за выполненные работы местная земская управа оказалась несостоятельной рассчитаться, так как к смете проходящего года было внесено лишь 3500 рублей. В связи с этим руководство управы просило внести в смету на будущий год дополнительно 1800 рублей серебром для окончания расчетов за произведенные в больнице работы. Этот доклад был одобрен ревизионной комиссией и единогласно согласован собраниями [11].

Однако следует отметить, достаточно часто на строительство больниц необходимые средства выделяли сельские общины. Построенные в таком случае медицинские заведения не считались сугубо земскими и приобретали общественный статус, прежде всего, потому что базировались на смешанном финансировании. Чаще всего такого рода инициативу проявляли большие села и греческие общины. Кроме этого, в экстраординарных случаях (эпидемии, стихийные бедствия, профилактические прививки) создавались временные фельдшерские пункты.

Земства заботились не только о строительстве больниц, о чем было сказано выше, но и о их содержании: обеспечивали необходимым инвентарем, осуществляли закупку лекарств, провианта и тому подобное. Например, согласно постановлению уездного земского собрания Мариупольского уезда в 1896 году, с целью расширения земской больницы в городе были проведены соответствующие строительные работы. По мнению руководства управы, это должно было надолго устранить те случаи, когда в переполненных больничных палатах больных приходилось размещать на полу и даже отказывать в приеме тяжелобольным со всего уезда, для которых пребывание в больнице было жизненно необходимым [12].

Предоставление медицинских услуг было бесплатным для жителей земского участка. Вместе с тем нередко в земских больницах находились лица, которые не принадлежали к данному земству. В таких случаях предусматривалась уплата за

медицинские услуги по выздоровлению. Как правило, больница этой платы так и не получала. В соответствии с данными земского делопроизводства, больница через суд посылала запрос по месту жительства каждого «постороннего» пациента, указывая затраты на лечение и питание. Случаи возврата долгов были исключительно редкими, поскольку механизм освобождения от уплаты был чрезвычайно упрощен: достаточно было сельскому старосте и двум свидетелям в письменном виде заявить о бедности и неплатежеспособности пациента, как обязанность уплаты долга больницы переводилась на земство, на балансе которого находилась та же больница.

С 1 января в 1912 г. земства, принимая во внимание тот факт, что земские больницы посещали исключительно бедные категории граждан, установили бесплатное больничное лечение для всех русско-подданных (до этого людей лечили бесплатно при наличии соответствующего удостоверения о бедности, другие лица платили по 40 коп. в сутки) [13].

Следует констатировать, что осуществленный количественно-статистический анализ показателей земской статистики даёт возможность утверждать, что главной целью и функциональным назначением земств в области здравоохранения было: создание, расширение и совершенствование медицинских участков (городских и сельских больниц, фельдшерских пунктов, амбулаторий и тому подобное).

При жёстких финансовых условиях и невзирая на нехватку опыта земства смогли создать фельдшерские участки, а также заложить фундамент для становления специализированной медицинской помощи. В процессе организации сферы охраны народного здоровья особое внимание уделялось: а) увеличению количества мест в стационарных учреждениях; б) уменьшению радиуса врачебных участков и количества жителей, закрепленных за ними; в) созданию фельдшерских пунктов в сельской местности; г) вопросам финансового обеспечения земской деятельности в направлении здравоохранения.

#### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Игумнов С.Н. Очерк развития земской медицины в губерниях вошедших в состав УССР. – К.: Киевский медицинский институт, 1940. – 155 с.; Розет Г.И. Очерки здравоохранения в Донбассе (1871-1964). – Донецк: Обл. дом. сан. Просвещения, 1966. – Т. 1. – С. 31.
2. Заблудовский П. Е. Медицина в России в период капитализма. – М.: Медгиз, 1956. – 150 с.; Заблудовский П. Е. История отечественной медицины. – М.: Медицина, 1960. – 399 с.; Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе к н. XX века. – М.: Наука, 1986. – 270 с.; Пирумова Н. Земства и политика // Семейство. – 1993. – №5/6. – С. 100-104.
3. Савицкий Г. В. Развитие санитарно-гигиенического дела в Оренбургском крае в XIX – начале XX: историографический аспект. // Вестник Оренбургского государственного университета. – Вып. № 5 (141) / 2012; Глазман А. М. Борьба земской медицины с массовыми острозаразными заболеваниями в конце XIX – начале XX вв. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – Вып. № 27 / 2012.
4. Низамова М.С. Эволюция системы земского здравоохранения и санитарно-эпидемиологической службы в Поволжском и Уральском регионах в период 1864-1917 гг. // Ученые записки Казанского университета. – Серия Гуманитарные науки. – Вып. № 1 / том 150 / 2008.
5. Игумнов С.М. Очерк развития земской медицины на Украине // Материалы к истории развития здравоохранения на Украине. Под ред. к.м. н. К.Ф. Дупленко. – К.: Государственное медицинское изд-во УССР, 1957. – С. 60.
6. Там же. – С. 59.
7. Земско-медицинский сборник. – М.: Тип. М. П. Щепкина, 1890. – Вып. 1. – С. 8-9.
8. Журналы заседаний Мариупольского уездного земского собрания XXXVI очередной сессии 26.09.1904. – Мариуполь, 1904. – С. 340; Гос. архив Донецкой обл. – Ф. 110, оп.1, д. 6. – Л.186; Систематический свод Постановлений и распоряжений Полтавского губернского земства за период (с 1904 по 1912 гг.) – Вып. IV. – Полтава, 1915. – С. 653; Гос. архив Харьковской обл. – Ф. 309, оп.1, д.2. Журнал заседаний Змеевского очередного собрания 1902 г. – Л.8; Гос. архив Донецкой обл. – Ф. 110, оп.1, д.124. Журнал сессии уездного земского собрания;

- приговоры сельских сходов. – л. 242-243, 245-311, 348; Кравцов П. И. Популяризация медицины и гигиены в Харьковском уезде. – Харьков, 1916. – С. 32-33; Отчет о Полтавской губернской земской больнице, фельдшерской школе и оспенном телятнике за 1886 год. – Полтаву, 1887. – С. 86; Гос. архив Донецкой обл. – Ф. 110, оп.1, д. 103. Циркуляры Екатеринославского губернатора. – Л.48-50, 186-187; Л.242-311, 348; Гос. архив Харьковской обл. – Ф. 304, оп.1, д.3. Журналы заседаний экстренной сессии губернского земского собрания 24-27 апреля 1870 г. – Л.78-81.
9. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет: В 4-т. – СПб., 1909-1911. – Т. 3. – С. 434.
  10. Веселовский Б.Б. Указанный труд. – С. 431.
  11. Гос. архив Донецкой обл. – Ф. 110, оп.1, д. 16. Приговоры сельских сходов. – Л.139-140.
  12. Гос. архив Донецкой обл. – Ф. 110, оп.1, д. 16. Приговоры сельских сходов. – Л.91.
  13. Отчет Бахмутской уездной управы за 1912 г. – Бахмут, 1913. – С. 16.

*Поступила в редакцию 27.01.16 г.*

#### THE SOUTH RUSSIAN EMPIRE ZEMSTVO SYSTEM PRACTICE IN THE SPHERE OF PUBLIC HEALTH IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

*N.N. Razumnaya*

The article deals with formation of zemsky health care system in the South of the Russian Empire in the second half of the 19-th century. The introduction of new sources into the scientific circulation enabled the author to focus on the peculiarities of regional health care system in the post-reformation period.

**Keywords:** zemstvo local self-governments, the history of zemstvo, medicine of zemstvo.

**Разумная Надежда Николаевна**

Кандидат исторических наук, доцент.

Донецкий национальный университет.

**Razumnaya Nadezhda Nikolayevna**

Candidate of History, Associate Professor.

Donetsk National University.

E-mail: nnrazumnaya@mail.ru.

## Ф И Л О С О Ф И Я

---

УДК [316.77 : 316. 647. 5] (477)

### ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ИНТОЛЕРАНТНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ СИМВОЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-ЕДИНИЦ ИНФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В УКРАИНЕ

© 2016. В. Н. Делянченко

---

В статье исследуются сравнительно новые формы и особенности проявления интолерантности в плоскости военного конфликта в Донбассе. Интолерантность может транслироваться посредством Интернет-коммуникации людей, что не ведёт к деэскалации конфликта, но усиливает гражданское противостояние граждан Украины и Донбасса.

**Ключевые слова:** военно-гражданское противостояние в Украине, интолерантность, коммуникативная толерантность, символы, Интернет-мемы, коммуникация.

---

До 2014 года невозможно было представить, что в государстве Украина, входившем в состав СССР и СНГ, может произойти гражданская война. Украинцы не отличались традиционно воинственным нравом. Тем не менее, украинский народ, проживающий на территории одного государства, но в разных регионах, под давлением внешнего воздействия и внутренних причин столкнулся с гражданской войной. Вряд ли кто-то предполагал, что протесты «Майдана» в Киеве, с которых все начиналось, приведут к агрессии, ненависти, обоюдным упрекам, вынужденным переселениям сотен тысяч людей и военным столкновениям. В связи с этими событиями несоизмеримо повысился градус напряженности в украинском обществе, выразившийся в политическом, экономическом, культурном, ценностном противостоянии людей. Вырос и уровень проявления интолерантности. Он вырос одновременно с происходящими событиями, а иногда и опережая их. Украинцы начинали с оскорбительных обращений в адрес друг друга, столкновений в Киеве, продолжая известной трагедией в Одессе 2 мая 2014 г., и – полноценными боевыми действиями в Донбассе. Результат – гражданская война в стране, разрушения промышленной и социальной инфраструктуры, тысячи раненых и погибших людей, нарушения политических, правовых, экономических, культурных связей внутри самой Украины и за её пределами. В связи с тем, что уровень проявления интолерантности граждан Украины превысил все допустимые пределы и проявился в гражданской войне, мы считаем исследование данной проблематики актуальной. Цель данной статьи – дать определение понятий «символ» и «интолерантность» и показать, что посредством символьных единиц информации возможна трансляция интолерантного поведения.

Интолерантность (нетерпимость) – явление, противоположное толерантности. Толерантность – это интегративное качество личности, которое может быть сформировано у разных людей в разной степени и обозначающее принятие другого человека таким, каким он есть. Соответственно, «интолерантность» – это проявление отрицания толерантного отношения к другим людям; это также качество личности, характеризующееся соответствующими признаками проявления, которыми могут быть оскорбления, насмешки, выражения пренебрежения; негативные стереотипы,



предубеждения, предрассудки, основывающиеся на отрицательных чертах и качествах; этноцентризм; дискриминация по различным основаниям в виде лишения социальных благ, ограничения прав человека, искусственная изоляция в обществе; расизм, национализм, эксплуатация, фашизм; ксенофобия в форме этнофобии, мигрантофобии; осквернение религиозных и культурных памятников; изгнание, сегрегация, репрессии; религиозное преследование [1].

Коммуникативную толерантность личности составляют определённые подструктуры. Такими элементами являются:

- интеллектуальная, передающая парадигму (образец, тип, стиль) мыслительной деятельности конкретного человека, т. е. принципы понимания им действительности, привычные для него стереотипы осмысления проблем, идей, принятия решений;
- ценностно-ориентационная, включающая основные мировоззренческие идеалы конкретного человека, его жизненные ближайшие и отдаленные цели, интересы, оценки происходящего и т.п.

Если нарушается система подструктур личности, обуславливающих коммуникативную толерантность, последняя непременно замещается интолерантностью. Происходит процесс нивелирования некоторых функций толерантного отношения: коммуникативной – снижается готовность к общению, сотрудничеству и пониманию, теряется возможность установления конструктивного общения с представителями различных групп, иного мировоззрения; воспитательной – затрудняется передача опыта позитивного социального взаимодействия, являющегося образцом организации жизнедеятельности в социуме, нарушается нравственное понимание, сопереживание, умение лояльно оценивать поступки других [2]. Личность начинает транслировать интолерантное отношение к окружающим людям.

Стремление к символьному переосмыслению окружающей действительности сопровождает человека с древних времен до сегодняшнего дня. Трактовку символа можно найти в работах Аристотеля, Платона, Эмпедокла, средневековых схоластиков, П. Флоренского, К.Г. Юнга, Р. Генона и других ученых. Символ является одним из центральных понятий различных научных сфер – философии, филологии, психологии, культурологии, искусствоведения и пр. [3].

Символы окружают человека с древнейших времен – он сам создавал их для своих целей. Древнейшим пещерным и наскальным рисункам 15-20 тысяч лет. Жизнь усложнялась, появлялись новые обозначения. Существуют символы астрономические, государственные, религиозные, символы пола и т.д. Т.е. посредством определённых условных обозначений люди передают информацию друг другу, общаются. Символ, как правило, чётко выражает определённую мысль. В. Луков в своей статье «Знаки и символы молодёжи» утверждает, что знаки создаются для самоидентификации, они находят отражение в языковом арсенале человека. Эти средства коммуникации наряду с другими составляют особую подсистему языка. Символ используется человеком в его деятельности и имеет в силу этого определённую цель. Он всегда служит обнаружению чего-то неявного, не лежащего на поверхности, непредсказуемого [4]. По нашему мнению, непредсказуемым событием в новейшей истории Украины оказалось противостояние в результате государственного переворота 2013–2014 гг. юго-восточной части гражданского населения государства и политических сил, пришедших к власти. В следствие этого в сознании людей начинают возникать новые смысловые единицы – символы, становящиеся нарицательными для миллионов граждан.

Ознакомимся с трактовкой понятия «символ». Словарь Ожегова так интерпретирует это слово: «Символ – это то, что служит условным знаком каково-нибудь понятия, явления, идеи (голубь – символ мира и т.п.)». Большой советский энциклопедический словарь трактует происхождение и значение слова «символ» так: «символ происходит от греческого слова *symbolon* – знак – опознавательная примета». В Толковом словаре В. Даля «символ – изображение картинное, и вообще чертами, знаками, с переносным, символическим иносказательным значением (весы – символ правосудия и т.п.)» [5].

В психологии понятие «символ» используется как наглядный образ чего-либо, идущего из подсознания. О. Ранк и Х. Закс дали своё определение символов в глубинно-психологической концепции: «Символ – это замещающее наглядное средство выражения чего-то скрытого, с чем у него есть какие-то общие очевидные признаки и с чем его объединяют какие-то общие очевидные признаки и внутренние ассоциативные связи». Символ стремится перевести абстрактную понятийную категорию в наглядную. Это сближает его с примитивным мышлением, благодаря чему симвообразование в значительной мере относится к области бессознательного [6].

Анализ указанных значений слова «символ» даёт нам возможность сделать вывод, что символ является отличным знаком для обозначения чего-либо (понятия, явления, идеи). Кроме этого, символы уходят корнями в подсознание человека и отличаются неоднозначностью своего содержания. Итак, «символ» – это знак, который, кроме информации, передаёт ещё и какой-то смысл, цель, может служить опознавательным знаком для членов определённого сообщества или конкретной социальной группы, несущей определённую ценностную норму или идеалы конкретной культуры [7].

Символы используются в системе культуры, науки, идеологических течений. Как показывает практика, символьная информация может быть использована в случае конфликтов и столкновений между людьми. Так, символ мужества в России – Георгиевская лента – используется украинскими националистами в качестве пропаганды проявления терроризма и сепаратизма сторонниками народных (непризнанных) республик Донбасса. Учитывая то, что символ может иметь неоднозначное понимание, мы рассматриваем применение сторонами противостояния символа как средства нанесения психологического удара, как средства проявления интолерантности по отношению друг к другу.

Наблюдать проявления нетерпимости, интолерантности можно не только в боевых столкновениях противников друг с другом (что является крайней формой её проявления), но и в виде столкновений и конфронтации людей в информационном, медийном пространстве. Современная молодежь выбирает Интернет в качестве одного из основных источников получения и распространения информации [8]. Кроме этого, у «Всемирной паутины» есть ряд преимуществ по сравнению с традиционными СМИ [9].

Посредством разнообразных услуг (веб-форумы, блоги, социальные сети, интернет-радио, интернет-телевидение, электронные библиотеки) пользователи могут получать или передавать интересующую информацию, общаться друг с другом. Интернет сегодня – это мощнейшее средство трансляции информации. В контексте нашего исследования мы выяснили, что слова-символы также активно используются субъектами Интернета. В Интернет-пространстве символы называются «мемами». Само слово «мем» означает единицу культурной информации, как правило ироничной и остроумной, которая мгновенно распространяется в обществе. Термин «мем» впервые употребил оксфордский профессор Докинз в своей книге «Эгоистичный ген» в 1976 году. В ней он экстраполирует на информационную среду

концепцию генетики и называет «мемом» «единицу культурной информации», способную «размножаться». Термин «мем» Докинз придумал, взяв за основу греческое слово *μίμημα* – «подобие» [10]. В русском языке прижилось написание и произношение «мем» и его производные (меметика, Интернет-мем).

В наши дни экспансия мемов – символов, активно бытующих в блогах, чатах, на форумах, в электронной почте, на радио и телевидении, пропитывающих речевую практику миллионов людей, – стала мощным, хотя и скрытым фактором формирования общественного мнения и современной ментальности; иначе говоря, социально-культурным явлением, с которым нельзя не считаться. Мемы – это прообразы новых понятий, результат нового понимания, своеобразная точка роста и развития общественного самосознания [11].

Ниже приведены символы-мемы, в которых мы видим проявление интолерантности украинцев. и непосредственно влияющие на формирование общественного сознания. Используются они не только в виртуальном общении, но и в реальной коммуникации. Речь идёт о семантических неологизмах – общеизвестных словах, которые в силу определённых исторических событий обрели новое значение и смысл. Проанализируем семантику следующих мемов: «ватники», «колорады», «укропы», «майдауны» и «вежливые люди». Сегодня это специфические символы, определяющие человеческое сознание определённых групп населения современной Украины.

Нынешнее сознание украинцев под влиянием приверженцев евроинтеграции наполнилась большим негативом к так называемым "ватникам". Понятие «ватник» в нашем понимании имеет как минимум два смысла.

1. Под «ватником» подразумевается собирательное название комплекта одежды, состоявшего из стеганой ватной телогрейки и таких же стеганых ватных штанов.

Частью форменной одежды ватник был и до войны, однако массовое распространение он получил с введением приказа НКО № 283 от 25.08.41 [12].

Ватник можно назвать таким же символом победы над фашизмом, как Катюша, Т-34 и ППШ. Очевидно, что появляющиеся карикатуры на ватник, экстраполяция негативного значения этой одежды на людей – это выплеск психологически нереализованной ненависти и злобы, т.е. проявление интолерантности.

2. Второе значение слова «ватник» – «человек». Однако в России и в Украине символическое значение слова «ватник» имеет различия.

Употребление слова «ватник» в значении «человек» в России началось относительно недавно. Причиной тому стал Интернет-персонаж появившийся «ВКонтакте» в начале сентября 2011 года в одной из либерально настроенных прозападных групп ВК под названием «Анти-Каддафи». Руководителем группы является Jedem das Seine, лично нарисовавший Ватника и выложивший свой «креатив» на её стенку [13].

Ватник в России – это определённая категория граждан РФ. Враги ватников настаивают на их агрессивности, бездумном патриотизме, предвзятости к алкоголю («Ватник не прочь накатить практически по любому поводу, а если его нет – то можно и без повода»). Сами же ватники считают себя хребтом нынешней России, который пытается отстаивать независимость во время смуты [14].

В Украине ватник – это человек с чрезмерным беспочвенным самомнением, редко выполняющий результативные действия. Это слово стало пренебрежительным названием человека, проживающего в Донбассе, поддерживающего Россию и считающего политику ее правительства правильной. Синонимом слова «ватник» в понимании «патриотов» Украины является «быдло», т.е. тупой, грубый,

неотёсанный, бескультурный человек [15]), который ошибочно считает Россию великой державой, беспочвенно надеется и, что придет «русская весна», и верит в «мифических» бандеровцев и фашистов. Уровень жизни ватника обычно низкий, как и его умственные способности, поскольку ватники – это зомбированные Россией несчастные люди [16].

Так, большинство граждан, применяя данную риторику, считают человека-ватника абсолютно не образованным. Даже факт наличия ученой степени у такого человека не является подтверждением обратного. В словесных перепалках «ватник» не вступает в полемику не в силу своей тактичности, а именно по причине своей необразованности.

Ватник – априори человек низкого достатка. Успешные достижения в бизнесе значения не имеют, при этом отметим, что прожиточный минимум самих украинцев в среднем за последний год значительно сократился [17], а в долларовом эквиваленте прожиточный минимум сократился втрое – со 150 долларов в 2013 году до приблизительно 50 долларов в 2015 году (хотя, по утверждению украинских СМИ, Донбасс – дотационный, ущербный регион). Тем не менее статистика показывает обратное: в 2013 году средняя заработная плата в Донецкой и Луганской областях была самой высокой в Украине после Киева [18]. Из доступных статистических данных видно, что Донбасс был (и потенциально остается) самодостаточным регионом в плане экономического базиса, следовательно, надстроечная часть (опираясь на марксистскую диалектику) не менее развита. Донбасс – самодостаточный регион с развитой экономической, культурной, социальной инфраструктурой.

Очевидно, здесь имеет место проявление интолерантности между жителями Украины из-за экстраполяции советского прошлого жителей Восточной Украины на современную действительность XXI века. Так, жители Восточных регионов Украины, по мнению националистически настроенных слоев населения, – это пережитки советского прошлого Украины, застрявшие в 70-х, 80-х годах прошлого столетия и не имеющие ничего общего с гражданами современной Украины, стремящейся примкнуть к ЕС. Они тянут Украину вниз, назад в советское прошлое. Кроме этого, необходимо отметить традиционно левые и левоцентристские политические предпочтения электората данных регионов Украины.

Кого называют «ватником», по мнению некоторой категории граждан Украины, уже понятно, но почему «колорады»? Как известно, символы появляются в подсознании человека и несут определённую смысловую нагрузку. Откуда в голове адекватного человека могло появиться это странное слово-символ? Анализ содержания социальных сетей и Интернет-пабликов позволил сделать определённые выводы. Мы выявили два значения этого слова. Первое значение впервые было применимо к жителям Крыма. Символом принятого решения о дальнейшей судьбе полуострова стал государственный флаг России, с которым вышли Крымчане. Таким образом, трёхцветный флаг – триколор, а тот, кто с ним ходит, – колорад. Так, люди получили название «колорады». Второе значение стали применять к донбассовцам, для которых Россия ближе, чем Европа, как по традициям, так и по духу. Колорад – сокращённое название колорадского жука. Удивительно, что окрас жука приравнивают к расцветке символа Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – Георгиевской ленте [19].

Психологическая наука объясняет причину происхождения указанных символов более глубинными подсознательными проявлениями славянской культуры. Так, по мнению украинского психолога В. Колесникова, и «колорады», и «укропы», и «ватники» – это проявление того, что и украинцы, и россияне имеют тесное отношение

к агрокультуре. В. Колесников утверждает также, что с помощью определённых слов можно отличить, кто на твоей стороне, а кто на стороне противника. Психологи объясняют, что такие специфические единицы информации служат своеобразными культурными метками, отражающими поляризацию между группами «свой-чужой», существующей в Украине. По мнению профессора А. Фильца, слово «колорады» намекает на то, что с противостоянием жителей Донбасса трудно бороться, потому, что это противостояние живуче, как колорадские жуки. В этом смысловом ряду стоит также мем «укропы» – его можно трактовать как нечто зелёное, то есть молодое и незрелое, утверждает психолог В. Колесников. По его мнению, «колорады» вместе с «укропом», являются классическим примером дегуманизации противника, то есть когда врага словесно обесценивают до уровня насекомых, растений или неживого существа. Об этом же говорит и психолог Г. Цыганенко: «Принижая соперника, мы возвышаемся над ним, он становится меньше в размере, становится слабым. А мы чувствуем силу и власть». Г. Цыганенко отмечает еще одну функцию таких информационных посылов: они позволяют высмеивать соперника и шутить в собственной травматической ситуации, смягчая её болевое воздействие и помогая справиться с внутренним напряжением. Здесь имеет место проявление интолерантности в форме высмеивания и принижения значимости оппонента, собеседника. В этом случае мы видим скрытый механизм психологической защиты, когда субъект использует данное средство для собственной психологической защиты. Максимальным проявлением этой защиты является циничная ирония, в которой обесценивается все. Часто причиной циничной иронии является то, что человек мечтает жить в идеализированном мире среди прекрасных людей. И когда этот мир и эти люди не оправдывают его надежд, он обесценивает людей, проявляя к ним нетерпимость и при этом всячески пытается защитить себя [20].

В. Колесников предупреждает, что некоторые слова, к которым относятся и оскорбительные интернет-мемы, выполняют определённую символическую функцию и действуют на коллективное подсознание, то есть опосредованно влияют на наши поступки, заставляя людей, произвольно или непроизвольно (работа подсознания) включать механизмы интолерантного поведения. «Чем больше в голове таких терминов, тем больше сознание открыто для массового психоза» - говорит психолог.

По данным сайта «Луркоморье», «вежливые люди» - это первый в новейшей истории мем федерального значения, который принимают все – от Интернет пользователей и журналистов до В. Путина и С. Шойгу. Под псевдонимом «вежливые люди» понимают Российских военных без опознавательных знаков, которые в февралемарте 2014 года появились в Крыму и заблокировали административные здания и украинские военные части. Стоит заметить, что словосочетание «вежливые люди» имеет скорее уважительное значение, чем оскорбительное. Народное ополчение Донбасса во время боевых действий летом 2014 года в Донбассе использовало нашивки и шевроны с надписью «Вежливые люди».

Приверженцев Оранжевой революции в Киеве 2004-2005 года оппоненты стали называть «майданутые». Это слово появилось после Оранжевой революции. Согласно словарю молодёжного сленга, майданутыми называют политических экстремистов в какой-либо стране. Мем снова стал актуальным после Евромайдана [21].

Кроме такого способа проявления интолерантности, приверженцы украинской национальной идеи не брезгают крайними способами проявления интолерантности, каковыми являются блокады различных направлений и свойств – от финансовой,

гуманитарной, транспортной и экономической в Донбассе до энергетической в Крыму, обстрелы и теракты, религиозные провокации и физическое уничтожение населения.

Очевидно, что главной задачей властей Украины является не реализация устремлений по улучшению жизни Украинского народа, а преследование противников и оппонентов правящего в стране режима. Особой строкой стоит задача уничтожения связей и символов всего, что соотносится и ассоциируется с СССР и Россией. Так, представители Украинской Православной церкви Киевского патриархата совместно с боевиками экстремистской организации «Правый сектор» совершили нападение на прихожан Успенского православного храма Московского патриархата [22]. Очевидно нежелание идти навстречу друг другу. Вследствие этого взаимная интолерантность достигает пика своего проявления – войны. Вот несколько этому причин: различное понимание истории и исторических ценностей, отличная культура и аутентичное сознание; борьба олигархических кланов Украины за политическую власть; внешнее политическое и экономическое воздействие на суверенитет Украины определёнными силами с целью создать очаг напряжения. Кроме этого, противостояние усиливается посредством распространения в Интернет-пространстве интолерантных символов информации, трансформирующих сознание людей и способствующих распространению интолерантности, ксенофобии, расизма и иных проявлений нетерпимости. Это мощный, хотя и скрытый фактор формирования общественного мнения и современной ментальности; иначе говоря, мы столкнулись с новым социально-культурным явлением, с которым нельзя не считаться.

В данной работе мы рассмотрели нетрадиционные, сравнительно новые примеры проявления интолерантности (нетерпимости) людей, личностей – граждан Украины по отношению друг к другу через интернет-общение, посредством символов.

Таким образом, символы могут носить региональный и узкогрупповой характер, нести в себе извращенное понимание культуры и истории, передаваться как элементы интолерантности, мгновенно распространяться, заражая окружающих людей нетерпимостью, жестокостью, цинизмом, но могут приобретать мировой характер и мировую популярность, неся в себе потоки человеческого сознания и определяя истинные гуманные ценности толерантности.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толерантность как результат межкультурной коммуникации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/tolerantnost.html/> (дата обращения: 13.12.2015).
2. Бондырев С.К., Колесов Д.В. Толерантность. Введение в проблему. – М.: издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: издательство НПО «МОДЭК», 2003. – 240 с., С.432.
3. Харитонов Е.Ю. Трактовка понятия «символ» в лингвистике // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2014. № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/516/> (дата обращения: 17.11.2015).
4. Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc\\_philosophy/1095/](http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1095/) (дата обращения: 17.11.2015).
5. Толковый словарь В. Даля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/353418> (дата обращения: 17.11.2015).
6. Символ с точки зрения психологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.berdof.com/chto-takoe-simvol/> (дата обращения: 6.12.2015)..
7. Понятие знака и символа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.econom-rgsu.ru/kultura/ponyatie-znaka-i-simvola.html/> (дата обращения: 17.11.2015).
8. Популярность различных информационных ресурсов среди молодёжи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://detionline.com/research/student-view/results/popular-sites#Img10/> (дата обращения: 13.12.2015).

9. Основные преимущества Интернета среди других СМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.fainaidea.com/archives/56791#/> (дата обращения: 13.12.2015).
10. Polichak J. W. Memes as Pseudoscience // Shermer M. Skeptic Encyclopedia of Pseudoscience.— P. 664f/ (дата обращения: 2.12.2015).
11. Т. Е. Савицкая. Интернет-мемы как феномен массовой культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: [[http://infoculture.rsl.ru/NIKLib/althome/news/KVM\\_archive/articles/2013/03/2013-03\\_r\\_kvms3.pdf](http://infoculture.rsl.ru/NIKLib/althome/news/KVM_archive/articles/2013/03/2013-03_r_kvms3.pdf)](дата обращения: 17.11.2015).
12. Ватная телогрейка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: [http://www.great-country.ru/content/lib/mundir\\_i\\_znaki/mundir\\_read.php?str\\_images=0237/](http://www.great-country.ru/content/lib/mundir_i_znaki/mundir_read.php?str_images=0237/) (дата обращения: 17.11.2015).
13. Ватник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://lurkmore.co/%C2%E0%F2%ED%E8%EA/> (дата обращения: 6.12.2015).
14. Ватники и колорады. Кто это? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://fb.ru/article/184898/kto-takoy-vatnik-vatniki-i-koloradyi---eto-kto/> (дата обращения: 1.12.2015).
15. А. И. Куприн, «Яма», 1915 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=2227/> (дата обращения: 12.12.2015).
16. Ватники и колорады. Кто это? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://fb.ru/article/184898/kto-takoy-vatnik-vatniki-i-koloradyi---eto-kto/> (дата обращения: 1.12.2015)
17. В Кабмине спрогнозировали среднюю зарплату украинцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://ru.tsn.ua/groshi/v-kabmine-sprognozirovali-srednyuyu-zarplatu-ukraincev-v-2015-godu-411257.html/> (дата обращения: 6.12.2015).
18. Финансовый портал: Минфин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://index.minfin.com.ua/index/average/detail.php?2013-01>.
19. Ватники и колорады. Кто это? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://fb.ru/article/184898/kto-takoy-vatnik-vatniki-i-koloradyi---eto-kto/> (дата обращения: 1.12.2015).
20. Информационный портал Медицинская психология [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.medpsy.ru/meds/meds375.php> (дата обращения 27.01.2016).
21. Вата с укропом: язык политических мемов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: [http://www.bbc.com/russian/society/2014/08/140808\\_ukraine\\_new\\_internet\\_memes/](http://www.bbc.com/russian/society/2014/08/140808_ukraine_new_internet_memes/) (дата обращения: 17.11.2015).
22. Правый сектор открыто требует войны и тотальной зачистки Донбасса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://antifashist.com/item/pravyj-sektor-otkryto-trebuuet-vojny-i-totalnoj-zachistki-donbassa.html#ixzz3usao3llu/> (дата обращения: 20.12.2015).

*Поступила в редакцию 18.05.16 г.*

## FEATURES OF INTOLERANCE THROUGH THE INTERNET SYMBOLIC INFORMATION UNITS IN THE CIVIL CONFLICT IN UKRAINE

*V. N. Delyanchenko*

The article focuses on the peculiarities of manifesting intolerance by means of internet communication. It deals with specific symbolic information units as a form of manifestation of intolerance. Internet memes peculiarities as well as specific application of psychological attacks are identified and analyzed. Examples of Internet memes formation are provided, with their manifestation effect being revealed.

**Keywords:** manifestation of intolerance, civil conflict, an internet meme, symbols, information.

**Делянченко Виталий Николаевич**

Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко

**Delyanchenko Vitaliy Nikolayevich**

Luhansk Taras Shevchenko National University.

E-mail: [kombat-79@list.ru](mailto:kombat-79@list.ru).

УДК 821.111 (73)

## САКРАЛЬНОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ В РЕЦЕПЦИИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

© 2016. А. Н. Гришанов

---

Статья посвящена философскому исследованию и компаративному анализу категорий сакрального и религиозного. Акцент сделан на характерных чертах, присущих феноменам сакрального и религиозного. Сделан вывод о том, что сакральное по определению шире чем религиозное. Представить эти понятия как идентичные невозможно, так как религиозное является социально-мировоззренческим конструктом, чья основа уходит в социальную реальность и внешнее формальное содержание религиозной структуры. Сакральное является источником, создающим и легитимизирующим религиозное, наполняющим его смыслом, и являющим высшие ценностные модели.

*Ключевые слова:* символ, знак, сознание, мышление, мировоззрение.

---

Категории сакрального и религиозного являются весьма важными элементами описания различных мировоззренческих, философских и философско-религиозных систем. Они довольно широко употребляются как в научной, так и в теологической и публицистической литературе. При этом смысловые границы данных понятий часто размываются и утрачивают свою дефинитивную четкость. Все это свидетельствует об актуальности философского определения категорий сакрального и религиозного.

Целью данной работы выступает философский анализ категорий сакрального и религиозного как важнейших категорий, описывающих общественное и личностное мировоззрение.

Проблемой сакрального и религиозного занимались многие исследователи. Но среди авторов, которые уделяли особое внимание смысловым различиям данных понятий, следует выделить такие имена как А.Г. Дугин [1], Н.П. Цыгуля [2], И.Н. Полонская [3], Щ. Тшуд [4], П. Труссон [5], А.А. Федоровских [6] и др.

Согласно идее известного российского философа традиционалиста А.Г. Дугина, сакральное измерение может обнаруживаться даже у вещей, которые находятся вне компетенции религии и догматики. Сакральное по определению выступает более широким понятием, чем религиозное и сама сакральность, по мысли философа, «характеризуется специфическим видением мира, в котором любой объект, любая вещь распознается как образ, символ, как сгусток духовной энергии, «силы». Это измерение реальности вызывает в душе человека очень своеобразное резкое чувство, особый трепет, который сопряжен с широким комплексом сложных ощущений» [1, с. 327].

Н.П. Цыгуля разделяет дискурс сакрального на два основных направления: феноменологию сакрального и социологию сакрального. И если в первом случае речь идет о попытке описать опыт встречи с сакральным, то во втором случае говорится, о функциях, которые сакральное выполняет в социуме и без выполнения которых этот социум не смог бы продолжать своего существования.

Феноменология субстантивирует сакральное, рассматривая его как абсолютную реальность, предстающую перед человеком в специфическом опыте, а социология рассматривает сакральное как символическое выражение самого общества и той власти, которой это общество обладает, над включенным в него индивидом. Феноменология тематизирует сакральное, как трансцендентное, включенное в имманентное или феноменальное; социология же, наоборот, понимает сакральное как



имманентное, объективированное в трансцендентном. Однако и в том, и в другом случае сакральное понимается как особого рода феномен, присущий исключительно человеческой реальности, а значит, осуществляется редукция сакрального и нуминозного к тому смыслу, который они имеют для человека и человеческого сообщества. При этом, социологический подход к сакральному (в отличие от феноменологического подхода) предполагает демистификацию этого феномена и его позитивную (научную) экспликацию [2, с. 11, 12].

И.Н. Полонская, опираясь на идеи Р. Отто, указывает, что в основе генезиса культуры находится опыт сакрального и потребность в почитании абсолютной, предельной ценности, входящая в структуру сознания. Такой опыт нередуцируем и открывает доступ к особой реальности, которая категоризируется как сакральное или «священное». «Понятие сакрального выступает как комплексная категория, в которой соединены два противоположных момента: рациональный (делающий возможным существование доктринальной теологии) и внерациональный (собственно переживание нуминозного)» [3, с. 42].

Щ. Тшуд отмечает, что сакральное – это мировоззренческая категория, обозначающая свойство, обладание которым ставит объект в положение исключительной значимости, непреходящей ценности и на этом основании требует благоговейного к нему отношения. Представления о сакральном включают важнейшие характеристики сущего: онтологически оно отлично от обыденного бытия и относится к высшему уровню реальности; гносеологически включает истинное знание, в сути своей непостижимое; феноменологически сакральное – дивное, поразительное; аксиологически – абсолютное, императивное, глубоко чтимое [4].

П. Труссон отмечает, что сакральное и религиозное, божественное и сакральное являются различными понятиями. «Сакральное превосходит религиозное уже тем, что весь акт человеческой жизни сам по себе обладает сакральной ценностью.» Понятие же божественного по самому своему происхождению, означает небесный или светоносный источник [5].

А.А. Федоровских выделяет следующие признаки сакрального:

- сакральное связывается с высшей ценностью, благом, идеалом, авторитетом и занимает в ценностной иерархии общества высшую ступень, становясь святыней;
- сакральное либо исходит, либо возносится в сферу сверхчувственного, горнего, сверхчеловеческого, божественного и превышает собой обыденный человеческий мир, проявляясь в нем как необычное, чудесное, сокрытое, запредельное (эзотерическое, оккультное, мистическое);
- сакральное требует от человека особого опыта, готовности и возможности для встречи с ним, превышающей обычные человеческие способности;
- сакральное связывается с коллективным сознанием или бессознательным, с коллективными архетипами, верованиями, чувствами;
- сакральное с психологической стороны вызывает благоговение, восхищение, священный трепет и/или ужас, иррациональное поклонение, уважение, мистический страх;
- сакральное через откровение, медитацию, молитву, исповедь, проповедь, ритуалы, священные предметы культа входит в сферу обыденного, повседневного, индивидуального или социального человеческого мира;
- сакральное выявляется в разных формах (религия, миф, идеология, наука, искусство), в специфических формах и способно к трансформации [6, с. 10–11].

Отметим наиболее значимые признаки сакрализации, которые выделяют большинство ученых.

1) Сакральное существует и проявляется через оппозицию профанному. В этой связи вполне правомерно утверждать, что мировоззрение (картина мира) народов формируется в рамках сакрального, которое обеспечивает его функционирование в обыденно-практической сфере.

2) Сакральное характеризует аксиологический аспект бытия, занимая высшую ступень в иерархии ценностей, идеалов, авторитетов. Сакральное связывается с высшей ценностью, благом, идеалом, авторитетом и занимает в ценностной иерархии общества высшую ступень, становясь святыней.

3) Сакральное как абсолютность, беспредельность отделима от профанного табуированием. Оно через ритуальные действия, религиозно-мифологические воззрения, идеологию, мировоззрение входит в сферу обыденного, повседневного бытия, как индивидуального, так и социального.

4) Основная функция сакрального, направленного на индивида и социум, заключается в обеспечении их целостности и гармоничного развития. Сакральное выступает гарантом благополучия и силой, которая способна осуществить единение разнородного.

5) Сакральное — мировоззренческая категория, обозначающая свойство, обладание которым ставит объект в положение исключительной значимости, непреходящей ценности и на этом основании требует благоговейного к нему отношения. Представления о сакральном включают важнейшие характеристики сущего: онтологически оно отлично от обыденного бытия и относится к высшему уровню реальности; гносеологически — заключает истинное знание, по сути своей непостижимое; феноменологически сакральное — дивное, поразительное; аксиологически — абсолютное, императивное, глубоко чтимое. Представления о сакральном с наибольшей полнотой выражены в религиозном мировоззрении, где сакральное — предикат тех сущностей, которые являются объектом поклонения. Убеждение в существовании сакрального и влечение быть ему сопричастным составляет суть религии. В развитом религиозном сознании сакральное — сотериологическая ценность высокого достоинства.

Для того чтоб выявить категорию «религиозное» следует обратиться к такой категории как «религиозный комплекс», которая раскрывает структурный конструкт религии.

Религиозный комплекс состоит из таких структурных компонентов как религиозное сознание, религиозная деятельность и религиозная организация.

Религиозное сознание является религиозным мировоззрением, а также совокупностью знаний, которые описывают человека и окружающую его социальную действительность.

Религиозное сознание можно определить как отражение действительности в иллюзорных и зачастую фантастических образах.

Религиозное сознание — это причастность к определённым религиозным идеям и ценностям, а также принадлежность к определённой религии и религиозной группе.

Религиозное сознание может формироваться в человеке в разные периоды жизни и при разных обстоятельствах. Чаще всего религиозное сознание формируется под воздействием социальной среды.

Иногда человек становится верующим в результате внутреннего потрясения (или кризиса) и последовавшего за этим эмоционального, психологического выбора. Здесь многое зависит от индивидуальных особенностей личности. Этот процесс обретения и поддержания религиозной идентичности называют религиозным опытом. Религиозный

опыт человека и группы с течением времени оформляется в стереотипную картину мира и в представление о том, что значит быть, например, христианином или мусульманином, чем и почему члены данной группы отличаются от последователей других религий.

В религиозный опыт входит знание sacramентальных текстов (молитв, духовных песнопений, заповедей) и других авторитетных текстов той или иной религиозной традиции (например, «Жития святых»). Это своего рода обязательные образцы, которые придают устойчивость религии и сознанию её последователей.

Центральным объединяющим элементом религиозного сознания является религиозная вера.

Вера – это особое психическое состояние, которое возникает в условиях дефицита точной информации и способствует эффективной деятельности индивида. Вера выступает важным фактором интеграции личности, группы, стимулом решимости и активности людей. Религиозная вера отличается рядом существенных особенностей. Она предполагает существование гипостазированных объектов (Бог, ангелы, черти), возможность общения с этими объектами, возможность наступления мифологических событий, реальность событий, символом которых являются религиозные действия, сверхъестественную силу авторитетов (служителей культа, учителей, святых, пророков и т.д.).

На концептуальном уровне религиозное сознание выступает как специально разрабатываемая, систематизированная совокупность понятий, идей, принципов, концепций. Она включает в себя учение о Боге, мире и человеке, интерпретацию основных сфер общественной жизни в соответствии с принципами религиозного мировоззрения, религиозную философию. Религиозное сознание является основным элементом религии. Все остальные элементы по форме и по содержанию зависят от него.

Вторым компонентом религиозного комплекса является религиозное действие. Религиозное действие обычно понимают как культ, последовательность нормативных ритуализированных действий, имеющих целью достижение осуществления религиозных норм, достижение на уровне индивидуума или группы тождественности с божественным первоначалом. Содержанием религиозного действия является реализация религиозного мировоззрения, устранение несоответствия между полученным индивидом религиозным мировоззрением, его нормативными требованиями и внутренним миром индивида, а также его жизненным опытом. Завершение логики развития религиозного действия знаменуется формированием новой версии религиозного учения и действия, которые отвечают жизненному опыту личности. Религиозное действие выполняет свое назначение, и на первый план выходит следующий компонент религиозного комплекса – религиозная организация как выражение коммуникативного взаимодействия носителя новой религиозной идеологии с его последователями и противниками.

Религиозная организация – третий основной компонент религиозного комплекса. Религиозная организация – это осуществление коммуникативного взаимодействия, суть которого состоит в достижении признания отдельным индивидом индивидуализированной формы вероучения. Внутри религиозной организации могут быть выделены следующие подсистемы. Первая подсистема религиозной организации – институт воспроизводства религиозного мировоззрения, вероучения. Вторая подсистема – это институт, обеспечивающий совершение культового действия с целью приобретения достоверности вероучения для отдельного члена общины. Третья подсистема – это институт, обеспечивающий разделение и координацию действий внутри общины (увеличение членов, расширение влияния, отношение к внешнему миру, управление с целью сохранения стабильности общины, судопроизводство).

Религиозная организация представлена группами верующих, выполняющих различные функции. Это трансляция вероучения, приобщения к нему новых индивидов, поддержание нормативного уровня вероучения. Это собственные функции общины. Внешние функции связаны с необходимостью вступать в отношение с мирской действительностью.

Особенностью религиозной организации является ее стремление сохранить в своих границах другие способы самореализации человека. Благодаря этой особенности религиозная организация выполняет не только чисто религиозные задачи, но и стремится расширить себя до границ всего сообщества, достичь тождества со всем сообществом. Именно поэтому она оказывает влияние на другие сферы общества и социальные трансформации.

Итак, религиозный комплекс содержит в себе три основных компонента: религиозное сознание, религиозную деятельность, религиозную организацию.

Религиозное сознание включает в себя религиозное мировоззрение которое формируется под воздействием окружающей социальной среды человека и в течении всего периода жизни человека открыто к диалогу с окружающей действительностью.

Религиозный опыт входит в структуру религиозного сознания и закрепляет полученные знания. Религиозный опыт является индивидуальным и столкновение с сакральным является основополагающим легитимирующим фактором религиозного опыта.

Религиозная вера является особым психическим состоянием человека, которое предполагает возможность диалога с гипостазированным объектом и находит свое обоснование, источник в опыте переживания сакрального. Религиозная вера выступает важным фактором в интеграции личности и группы людей.

Религиозное действие является вторым и важным компонентом религиозного комплекса и предполагает последовательность нормативных ритуализированных действий. Которые на уровне индивида и группы направлены как на формирование и поддержание формального религиозного конструкта, так и на достижение определенных психофизических состояний, которые в свою очередь формируют религиозный опыт и являются основанием веры.

Религиозная организация – третий и основной компонент религиозного комплекса – предполагает осуществление коммуникативного взаимодействия и организационного построения видимого института в его социальной иерархической составляющей. Религиозная организация в этом плане представляется группами верующих людей, выполняющих различные функции.

Исходя из вышеизложенного, категория «религиозное» включает в себя такие компоненты, как религиозное сознание, действие, организацию, которые имеют сложную структуру, но в обобщении являются порождением социальной жизни индивидов. Они выполняют функции, которые являются как регулятивными, так и общеконструирующими и конституирующими социум по религиозному признаку, доктринальному религиозному содержанию и т.д.

Особую функцию здесь выполняет религиозное сознание, в которое входит религиозная вера как волевое устремление человека и религиозный опыт, который включает с себя факты встречи с трансцендентным, сакральным, что является основанием и легитимацией веры как волевого устремления человека к нормативному состоянию, которое находит свое выражение в конкретных действиях.

Говоря о роли и значении сакрального, следует отметить следующее: сакральное являет собой абсолютную реальность, представленную человеку в специфическом опыте. Сакральное связывается как с коллективным сознательным, так и с

бессознательным, являясь зачастую их архетипической основой. Сакральное, с психофизической стороны, вызывает предельные эмоции, такие, как страх, трепет, священный ужас и неземное блаженство. Сакральное всегда отделено от профанного табуированием и характеризует аксиологический аспект бытия, в котором оно выступает высшей ценностью, благом и идеалом.

Таким образом, говоря о взаимоотношении сакрального и религиозного, следует отметить следующее: сакральное по определению шире, чем религиозное, и объединить их невозможно, так как религиозное является социально-мировоззренческим конструктом, чья основа уходит в социальную реальность и внешнее формальное содержание религиозной структуры. Сакральное является стержнем, источником, создающим и легитимизирующим религиозное, наполняющим его смыслом и являющим высшие ценностные модели. Без сакрального религиозное невозможно, и в этом плане они пересекаются.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дугин А.Г. Философия политики / А.Г. Дугин. – М.: Аркогея, 2004. – 614 с.
2. Цыгуля Н.П. Феномен сакрального в контексте социального бытия: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Чебоксары, 2010. – 24 с.
3. Полонская И.Н. Социокультурная традиция: онтология и динамика: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Ростов н/Д, 2006. – 55 с.
4. Тшуд Щ. Аспекты сакрального / Щ. Тшуд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.proza.ru](http://www.proza.ru) (дата последнего обращения: 10.06.2016 г.).
5. Труссон П. Сакральное и миф / П. Труссон // Перевод с франц. В. Ванюшкиной. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.nationalism.org/vvv/trusson-sacral](http://www.nationalism.org/vvv/trusson-sacral) (дата последнего обращения: 10.06.2016 г.).
6. Федоровских А.А. Трансформация сакрального и профанного в обществе: миф–религия–идеология: автореф. дис. ... кан. филос. наук. – Екатеринбург, 2000. – 20 с.

*Поступила в редакцию 29.06.16 г.*

#### THE SACRED AND THE RELIGIOUS IN THE PERCEPTION OF PHILOSOPHICAL THOUGHT

*A.N. Grishanov*

The article deals with philosophical inquiry and comparative analysis of the categories of the sacred and the religious. The emphasis has been made on the characteristic features of the phenomena of the sacred and the religious. It has been concluded that the sacred is a broader notion in comparison with the religious one. They cannot be identical because the religious is a social and worldview construction, which is based on social reality and external form of religious structure. The sacred is the source, which creates and legitimates religious phenomena, filling them with meaning and representing higher axiological models.

**Keywords:** symbol, sign, consciousness, thinking, worldview.

**Гришанов Александр Николаевич**

Аспирант кафедры философии.

Донецкий национальный университет.

**Grishanov Alexandr Nikolayevich**

Postgraduate student of Philosophy Department

Donetsk National University

E-mail: [alexandrdesign1983@gmail.com](mailto:alexandrdesign1983@gmail.com)

УДК 7.035

## КОНЦЕПЦИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ АНТИЧНОСТИ

© 2016. *М.Т. Марюхнич*

---

Статья посвящена изучению роли справедливости в формировании правовых идей античности. Сделан вывод о том, что политические реалии ранней античности сформировали философский практицизм древних греков, считавших, что справедливо то, что ведет к благу, и часто допускавших симбиоз различных политических устройств.

**Ключевые слова:** справедливость, право, иерархия, равенство, мораль.

---

Разработка идеи справедливости античными философами – это основание цивилизационного развития как православно-византийской цивилизации, так и западно-европейской. И в рассмотрении данной проблематики можно увидеть первоисток развития данной категории, ход трансформации концепции права, основные категории, которыми оперировали философы. Сегодня много говорят о кризисе правовой системы, и поэтому нам важно увидеть основы данной проблемы, вернуться к истокам.

Целью данной работы является рассмотрение проблемы справедливости авторами античной философии, изучение полисной трактовки справедливости в философии Платона и Аристотеля и процесса универсализации справедливости в философии Античного Рима на примере взглядов Марка Туллия Цицерона. В данной работе необходимо изучить проблему распределения власти и вопрос об иерархии в обосновании «естественности классов». Необходимо изучить роль блага как побудительного мотива, как цели человеческой деятельности, окрашивающей философию античных философов практицизмом (констатируемой античными философами как побудительный мотив человеческой деятельности). Также необходимо изучить отношение философов к исследованным ими формам правления и рассмотреть философские концепции решения вопроса о справедливом правлении. Выявить процесс преемственности развития концепции справедливости в философии поздней античности и тенденции её развития в рассматриваемую эпоху, заложившие основы современного гуманизма.

Говоря о разработке понятия справедливости в античной философии, следует рассмотреть воззрения Платона и Аристотеля, и сравнив, увидеть, в чем заключалось понятие о справедливости в философии поздней античности, ярким представителем которой был Цицерон, заложивший основы философии справедливости, актуальные для устройства Римской империи.

Проблема справедливости в античной философии рассматривалась многими авторами. Среди них особо следует выделить Г.Ю. Канарша [1], Б.Н. Кашникова [2], А.В. Прокофьева [3].

Проблема справедливости в античной философии требует философского рассмотрения, поскольку она изучалась или в отрыве от развития мировой философии (Г.Ю. Канарш), или без рассмотрения в контексте развития политической мысли (Б.Н. Кашников), или в контексте анализа новоевропейской этики (А.В. Прокофьев).

Пойдя по пути рационального осмысления социума, античные философы дали характеристику справедливости, соответствующую духу их времени, и присвоили ей основные категории, необходимые для различения её свойств. Простейшее, функциональное свойство справедливости – это её процессуальная функция, свойство необходимое, но ограниченное законом, ограниченное формулировками, подверженное опасности утратить актуальность или быть ловко переиначенной шулерами от юриспруденции для личной выгоды. В этом случае урон наносится морали, а посему процессуальная справедливость должна находиться под неусыпным контролем морали, которая имеет непосредственное отношение к высшей справедливости. Высшая справедливость — это второе свойство, выделенное столпами античной философии.

Аристотель находит две формы осуществления справедливости – это уравнивающая справедливость, согласно которой блага распределяются равным образом, и распределяющая справедливость, согласно которой каждый получает блага, исходя из своего социального статуса, талантов и способностей.

В данном контексте Платон и Аристотель отдавали предпочтение второй концепции — концепции «естественности классов», согласно которой блага должны были распределяться неравномерно в пользу «лучших людей». Данное положение считалось естественным состоянием для полисной жизни древних греков. Каждый класс выполнял свою роль, получал соответствующие привилегии, и лишь рабы получали минимум благ и максимум унижения, будучи основанием иерархии. Философы сходились на том мнении, что потакать желаниям рабов не следует.

Г.Ю. Канарш в вопросе о справедливости в воззрениях античных философов усматривает два основных подхода: это уже упомянутый взгляд на справедливое неравенство социальных групп как справедливый, зафиксированный в трудах Платона и Аристотеля, и прогрессивный «космополитический» подход Цицерона, развивавшего учение римских стоиков, характеризующийся равноправием в своих установках и отвечающий идеологическим и правовым запросам Римской империи.

Разработка понятия справедливости у Платона явилась попыткой обосновать иерархическое устройство полиса, в котором блага распределяются неравномерно, соответственно статусу гражданина полиса и его талантам. Канарш указывает на то, что взгляды древнегреческих философов на вопрос справедливости берут свои истоки в мифологии и «природном характере древних греков — полнокровно-естественном, по-земному практичном» [1, с. 14].

Выводя философию справедливости из политической структуры древних греков, которой являлся полис, Канарш подчеркивает, что полис является универсальной основой человеческой жизни. Поэтому человек в полисе утрачивает политическую самостоятельность, органически сливаясь с окружающим его социумом. Главный вопрос философии поэтому в данном аспекте заключается в нахождении способа достижения блага для полиса, частью которого является индивидуум.

Философии древних греков присущ натурализм, который заключается в поиске аналогий полисной жизни, вписанной в жизнь мира, так же, как и жизнь человека вписана в жизнь полиса. Законы природы непременно отражаются на жизни полиса, мир является единым и универсальным, и нет в нем ничего произвольного. Из этого принципа выводятся универсальные законы, которые присущи как космосу, так и полису и актуальны даже для физического тела человека.

Платон утверждает, что наш мир – это мир теней, описывая это в притче, в которой люди уподобляются рабам в пещере, по теням отблесков света только способным понимать отражения истины. Но истина существует – она содержится в

идеях, которые находятся вне временных материальных категорий, и они достойны пристального рассмотрения. Именно они являются средоточием справедливости. Высшей же идеей является идея блага. Благо наделяет предметы «способностью существовать», оно «непредполагаемое», «начало всяческих». Все вещи стремятся достичь блага, все живые существа.

Каждой вещи соответствует некоторая идея высшего порядка, а так как в мире всё разумно, то и каждая вещь и идея устроены иерархично. В иерархическом устройстве полиса и вселенной виделась гармония. Согласно этой гармонии, этому универсальному принципу было, по мнению древних греков, устроено всё мироздание.

Исходя из этих представлений, философы Древней Греции выводили понятие о справедливом устройстве полиса. Главным же политическим вопросом, занимавшим умы философов, был вопрос о справедливом обществе, в котором бы устранились гражданские войны. В данной области Платон исследует формы правления, описывая первую форму – тимократию – как власть честолюбцев, которая переходит после процесса накопления богатств к олигархии – господству богатых над бедными. Олигархию вследствие мятежа сменяет демократия, которая, по словам Платона, отнюдь не является справедливым строем, так как потворствует свободе, выливающейся в неуважение к старшим и учителям. Демократию сменяет тирания, которую Платон ненавидит всем сердцем, и даже исключает тирана-философа из списка «семи мудрецов» [4, с. 270]. По мнению Платона, ни одна из известных форм государственного устройства не соответствуют идеалу справедливости, и поэтому он разрабатывает концепцию, в котором государство заботится обо всех классах общества. Справедливость в проекте данного государства является основным принципом.

Таким образом, политическая утопия Платона строится на апелляции к разуму, к рациональности. Платон является сторонником тройственного деления социума, и согласно универсальному закону, закону неизблемых идей, устройство общества аналогично устройству мироздания, которое состоит из мира умопостигаемых идей, души мира и чувственно воспринимаемых вещей. Умопостигаемые идеи являются высшими в иерархии платоновской космологии, а материальные, чувственно воспринимаемые предметы — низшими. Душа мира, по мнению Платона, находится между ними, но ближе к Уму. Человеческая душа, в свою очередь, состоит из разумного начала, вожделеющего начала, которое устремлено к материальному, а аналогом души мира в человеческом микрокосме является яростное начало, находящееся в тесной связи с разумным. Исходя из логики философа, все части человеческой души расположены иерархически и подчиняются одна другой, причем разумная, высшая часть души управляет обеими. Вот что он пишет: «Итак, способности рассуждать подобает господствовать, потому что мудрость и попечение обо всей душе в целом — это как раз ее дело, начало же яростное должно ей подчиняться и быть ее союзником» [5, с. 256].

В такой же последовательности должна распределяться и власть в справедливом государстве. Но распределяться она должна в соответствии с психотипом людей. Высшей кастой правителей будут философы – люди, в которых разумное, высшее начало преобладает и может руководить другими сословиями. Низшей кастой являются ремесленники и земледельцы, а яростному началу или уровню мировой души – соответствуют стражи государства – воины.

Таким образом, как человек, приведший три состояния своей души к гармонии, считается справедливым, так и общество, устроенное в соответствии с мировой гармонией, будет справедливым. Наделение разумной составляющей приоритетным



значением в универсальной иерархии Платона говорит о том, что греки придавали разуму важнейшую роль, соотнося разумность с добродетельностью.

Идеи Платона присущи вещам благодаря божественной воле. Аристотель же, ученик Платона, избавляет идеи от такой сакральной связи и выводит наличие идей из свойства вещей. Вещи уже наделены идеями, а значит, стремятся к благу и к самореализации, которая в них заложена. В согласии с этой концепцией развивается полис.

Аристотель считает, что лучшим полисом является тот, который развивается постепенно из ячейки семьи. Однако полисов много, и, следовательно, они не соответствуют одному идеалу. У Аристотеля нет однозначного ответа на вопрос — «каким должен быть полис?». Он является сторонником благоразумной политики, в которой адекватным ситуации решением может быть неоднозначный политический ход, но, конечно же, ведущий к благу. Поэтому видение справедливого устройства полиса у Аристотеля — это демократия с олигархией и ярко выраженной аристократической составляющей. Распределяется власть на основе имущественного ценза и в ходе выборов, в которых участвуют все свободнорожденные. Наличие системы сдержек и противовесов должно защитить общество от деструктивных импульсов человеческой природы и контролировать их [6, с. 591].

Разбирая вопрос о том, кому необходимо вручить власть — массе свободнорожденных или самым добродетельным, Аристотель склоняется к той мысли, что властью должны быть в первую очередь наделены самые способные и добродетельные граждане. Однако сила традиции и уважение к принципу равенства допускают у Аристотеля ту мысль, что большинство, объединившись, может править лучше, чем порознь. Здесь он приводит в пример притчу об обедах в складчину и обеде, который организовал один человек [6, с. 478]. Однако же принцип предоставления власти лучшему и способнейшему аргументируется рассказом о флейтистах, лучшим из которых дали лучшие флейты.

Таким образом, предпочтение Аристотеля в вопросе предоставления власти — согласно принципу равенства или же достойнейшему — решается, исходя из ситуации решаемой проблемы. Иначе говоря, предпочтение в предоставлении власти может решаться обоими способами, исходя из исторического контекста. Попытка же решить проблему способом, который основывается на незыблемом принципе, может привести к гражданской войне. По мнению Аристотеля, причины переворотов заключаются в том, что демократические режимы абсолютизируют принцип равенства, а олигархические вводят в норму жизни неравенство. Обе трактовки справедливости являются пагубными, так как отражают только одну сторону справедливости, отрицая противоположную [6, с. 526–529]. Поэтому, как полагает Г.Ю. Канарш «воздавать каждому свое — равным равное, а неравным неравное — Аристотель считает сущностью справедливости» [1, с. 21].

Вот как это формулирует лучший ученик Платона: «Так, например, справедливость, как кажется, есть равенство, и так оно и есть, но только не для всех, а для равных; неравенство также представляется справедливостью, и так оно и есть на самом деле, но опять-таки не для всех, а лишь для неравных. Между тем упускают из виду вопрос «для кого?» и потому судят дурно...» [6, с. 459].

Таким образом, можно резюмировать основные практические выводы древнегреческих философов в отношении проблемы справедливости. Обоснование иерархичности устройства мира и социума позволяет оправдать необходимость существования неравенства в устройстве социума. Равенство не является абсолютным.

Общество стремится к некоей золотой середине в распределении власти и благ. Все участники социума, таким образом, стремятся к благу, занимаясь трудом, который соотнобразуется с природными наклонностями индивида. В вопросах распределения власти приоритет отдается представителям аристократии, как лучшим, добродетельным и мудрейшим людям. Практическая ориентация древних греков на достижение блага для социума в политических решениях стоит во главе угла, данная установка позволяет искать консенсус между интересами партий и приходиться к согласию.

Поиск идеальной формы правления Аристотелем видится в смешанной форме правления, заключающей в себе лучшие стороны аристократии, монархии и политики. Платон же, не удовлетворяясь ни одной из существующих политических форм правления, углубляется в разработку утопического, идеального государства, что подтверждает важность вопроса о построении справедливого общества в философии древних греков.

Особый интерес представляет переработка идей Аристотеля Марком Туллием Цицероном. Философская концепция Цицерона заимствует идеи у Аристотеля, но действует в другом политическом поле. «Цивилизованный мир» античности уже не является конгломератом независимых полисов, расширение и универсализация бытия выдвигают новые идеологические, философские вопросы. В этот период «происходит смешение греческой культуры с другими культурами, узкие границы полиса раздвигаются до масштабов империи — гигантского космополиса, в котором гражданин живет уже не столько ощущением единства своих интересов с интересами города-государства, сколько идеей равенства человеческой природы, с одной стороны, и размышлениями о самоценности единичной личности в рамках всеобщих тенденций к универсализации, с другой» [7, с. 30]. Концепция Цицерона является ярким примером данной философской рефлексии.

По мнению Цицерона, справедливость заключается в интересах государства как цельного социального организма и поэтому не трактуется в пользу какого-либо отдельного сословия. Поэтому государство трактуется как высшая ценность, разрушение которого по своей катастрофичности подобно гибели мира, поэтому государство должно быть вечным.

Цицерон выводит «четвертую» форму устройства государства, основываясь на трёх исследованных Аристотелем формах государства. Философ полагает, что каждая форма устройства государства имеет недостатки и крайности и попеременно сменяется одна другой в процессе гражданских войн и переворотов. Монархия и аристократия узурпируют власть в лице одного человека и группы людей, демократия же хоть и несет в себе принцип свободы, но и он перерождается во вседозволенность, и в конце концов демократия сменяется олигархией. Четвертая же форма устройства государства является смешанной формой, которая объединяет в себе три формы правления: «...самым лучшим является царская власть, но самое царскую власть превзойдет такая, которая будет образована путем равномерного смешения трех наилучших видов государственного устройства. Ибо желательно, чтобы в государстве было нечто выдающееся и царственное, чтобы одна часть власти была уделена и вручена авторитету первенствующих людей, а некоторые дела были предоставлены суждению и воле народа» [8, с. 69]. Данные концепции «согласия сословий» и идеи смешанной формы правления явилась попыткой примирить враждующие группировки в политической реальности римской республики. В этом выразилась практическая направленность философии Цицерона, и идеология справедливости, выраженная в умеренно-консервативной позиции римского философа [9, с. 34].

Из греческой философии Цицерон заимствует концепцию естественного права, которое является морально-этическим кодексом гражданина и общины, выступая важным аспектом справедливости. Помимо естественного права есть также позитивное право – это свод законов и установлений, которые решают задачу справедливости в практической плоскости. Естественное же право имеет метафизический характер, согласуется с законами природы и ему, как праву высшего, трансцендентного порядка, подчиняется позитивное, то есть процессуальное право.

Наличие естественного права как выразителя справедливости ведет также к таким логическим следствиям: 1) оно является причиной объединения людей друг с другом, и людей с богами; 2) оно создает нравственные обязанности людей по отношению к Богу; 3) наличие данных взаимосвязей приводит к идее об этическом равенстве людей и равенстве прав; 4) право является высшей самодостаточной ценностью, стремиться к соблюдению которого – долг человека.

Таким образом, концепция Цицерона, основанная на понятии о связи людей и богов, объединенных метафизическим морально-правовым принципом, моральном долге в отношении к Божественному, понятии о равенстве людей в естественно-правовом поле и превознесении принципа права – является концепцией гуманистической. Именно поэтому идеи Цицерона выступают классическим образцом понятия справедливости, его первоисточником, который берет начало в философии древних греков и распространяет естественную, природную концепцию стремления к благу в рамках полиса на многонациональную Римскую империю, внося дух космополитизма и закладывая основы идеи ценности свободы в последующую эпоху Нового времени, которая пронесла и умножила зерна концепции Цицерона вплоть до нашего времени.

В целом, справедливость, при попытке классифицировать её свойства, обнаруживает в себе формальное и высшее, трансцендентальное начала. И если формальная, процессуальная справедливость – источник злоупотреблений, то обращение к высшей справедливости способно во многом улучшить качество справедливости. Понятие о справедливости древними греками рассматривалось во многом в связи с распределением благ и в контексте стремления к благу. В этом проявился практицизм древних греков. Иерархичность в философии древних греков является неотъемлемым атрибутом справедливости, поскольку, по их мнению, всё в мире устроено иерархично и имеет единый справедливый принцип – идею. Согласно этому принципу устроен полис – социальный организм, которому подчинены все индивидуальности, принадлежащие ему. Полисное устройство общества видится греками самым правильным и разумно организованным. В философии Платона разумное начало главенствует в иерархии космоса и, следовательно, – полиса. В данном подходе отразилась главная тенденция древнегреческой философии развивать рационалистический характер философствования, что впоследствии отразилось в европейской философии как преемнице античного наследия. В поиске общественного блага и стремлении найти лучшее для человека общественное устройство Платон с Аристотелем идут различными путями. Платон конструирует утопию, а Аристотель полагает лучшим объединить лучшие черты различных форм правления. Аристократии древнегреческая философия отдаёт первенствующую роль в вопросе распределения власти, а следовательно – и благ. Цицерон является продолжателем философии античного мира, и его философия о справедливости дополняется актуальным для существования Римской империи космополитическим гуманизмом. Впервые индивидуум рассматривается как самодостаточный объект права.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Канарш Г.Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация / Г.Ю. Канарш. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. – 236 с.
2. Кашников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России / Б.Н. Кашников. – Великий Новгород, 2004. – 328 с.
3. Прокофьев А.В. Определения и типологии справедливости / А.В. Прокофьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://vphil.ru/index.php?option=com\\_content&task=view&id=344](http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=344)
4. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии / А.Н. Чанышев. – М. Высшая школа, 1981. – 374 с.
5. Платон. Сочинения в четырех томах Т.3. Ч.1 / Под общ.ред. А.Ф.Лосева и В.Ф.Асмуса; Пер. с древнегреч. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007.—752 с.
6. Аристотель. Политика. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
7. Федорова М.М. Классическая политическая философия / М.М. Федорова. – М. Весь мир. 2001. – 224 с.
8. Цицерон Марк Туллий. О государстве // Марк Туллий Цицерон. Диалоги: О государстве; О законах. – М.: Наука, 1994. – 224 с.
9. Утченко С. Политико-философские трактаты Цицерона («О государстве» и «О законах») / С. Утченко // Цицерон Марк Туллий. – М.: Наука, 1989. – С. 32–205.

*Поступила в редакцию 30.06.17 г.*

## CONCEPTION OF JUSTICE IN THE PHILOSOPHICAL TRADITION OF ANTIQUITY

*M.T. Maryukhnich*

The article deals with the role of justice in the formation of law ideas in Antiquity. It has been concluded that political reality of early Antiquity formed ancient Greeks' philosophical practicality. They believed that justice is something that leads to good and often used symbiosis of different political regimes in their social being.

**Keywords:** justice, law, hierarchy, equality, morality.

**Марюхнич Михаил Тарасович**

Аспирант кафедры философии.  
Донецкий национальный университет.

**Maryukhnich Mikhail Tarasovich**

Postgraduate student of Philosophy Department  
Donetsk National University  
E-mail: m-patriot@mail.ru

## ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» принимаются не опубликованные ранее научные работы, содержащие новые результаты исследований в области истории, философии, филологии, педагогики. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительна, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статьи авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре (на русском или английском языках), напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать 15000 – 20000 знаков, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с рукописью на адрес редколлегии ([terkulov@rambler.ru](mailto:terkulov@rambler.ru)) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD, Office 97-2010). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

**Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

**Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

Текст набирается без автоматической расстановки переносов.

Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

Абзацный отступ — 1 см.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей структурной схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год, инициалы и фамилия авторов: полужирный, курсив, выравнивание по левому краю без абзацного отступа.

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова** (3-5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

## ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016. А. В. Петров

---

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

**Ключевые слова:** глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

---

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

*Введение:* постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

*Основная часть:* основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

*Заключение:* констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

**СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю.

*Образец*

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : сб. / Пер. с англ., фр., нем. исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. – М. : Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е. В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е. В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.

3. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : // genhis.philol.msu.ru/article\\_286.shtml](http://genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).
4. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М. : Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится текст на английском языке (10 кегль):

○ название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),

○ инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),

○ аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

Образец.

#### VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION 'UNDER' IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

*A.V. Petrov*

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

**Key words**: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– В конце статьи обязательно указываются (10 кегль, полужирный, выравнивание по ширине) следующие сведения об авторах: фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (на русском и английском языке); ученая степень и звание (на русском и английском языке); полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языке); должность; адрес электронной почты каждого автора.

Образец:

Петров Александр Владимирович.

Доктор филологических наук, профессор.

Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики.

E-mail: [liza\\_nada@mail.ru](mailto:liza_nada@mail.ru)

Petrov Alexandr Vladimirovich

Doctor of Philology, Professor

Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky

Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department

E-mail: [liza\\_nada@mail.ru](mailto:liza_nada@mail.ru)

4. Отдельным файлом подаются сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, учёная степень, учёное звание, место работы, должность, почтовый адрес, телефон, E-mail) – для авторской картотеки «Вестника».

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом фамилия и инициалы автора набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт).

**Образец**

*Петров А. В.* Глагольные конструкции с предлогом под со значением сравнительно-уподобительным.

*Petrov A. V.* Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

**9. Контактная информация:**

83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, Филологический факультет (ауд. 541, 542).

*Ответственный редактор:* **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (E-mail: [terkulov@gambler.ru](mailto:terkulov@gambler.ru)).

*Ответственный секретарь:* **Разумный Виталий Витальевич**, канд.ист.наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории ДонНУ (E-mail: [razumnyi.vitalii@yandex.ru](mailto:razumnyi.vitalii@yandex.ru)).



*Научное издание*

**Вестник Донецкого национального университета**

**Серия Б. Гуманитарные науки**

Научный журнал

**2016. – № 2**

**На русском, украинском и английском языках**

Технический редактор: М.В. Фоменко

Свидетельство о государственной регистрации № 363 от 18.01.2016 г.

Подписано в печать 28.11.2016 г.  
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.  
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 11,9  
Тираж 100 экз. Заказ № 16-Ноя261

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»  
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24  
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности  
в Государственный реестр  
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.